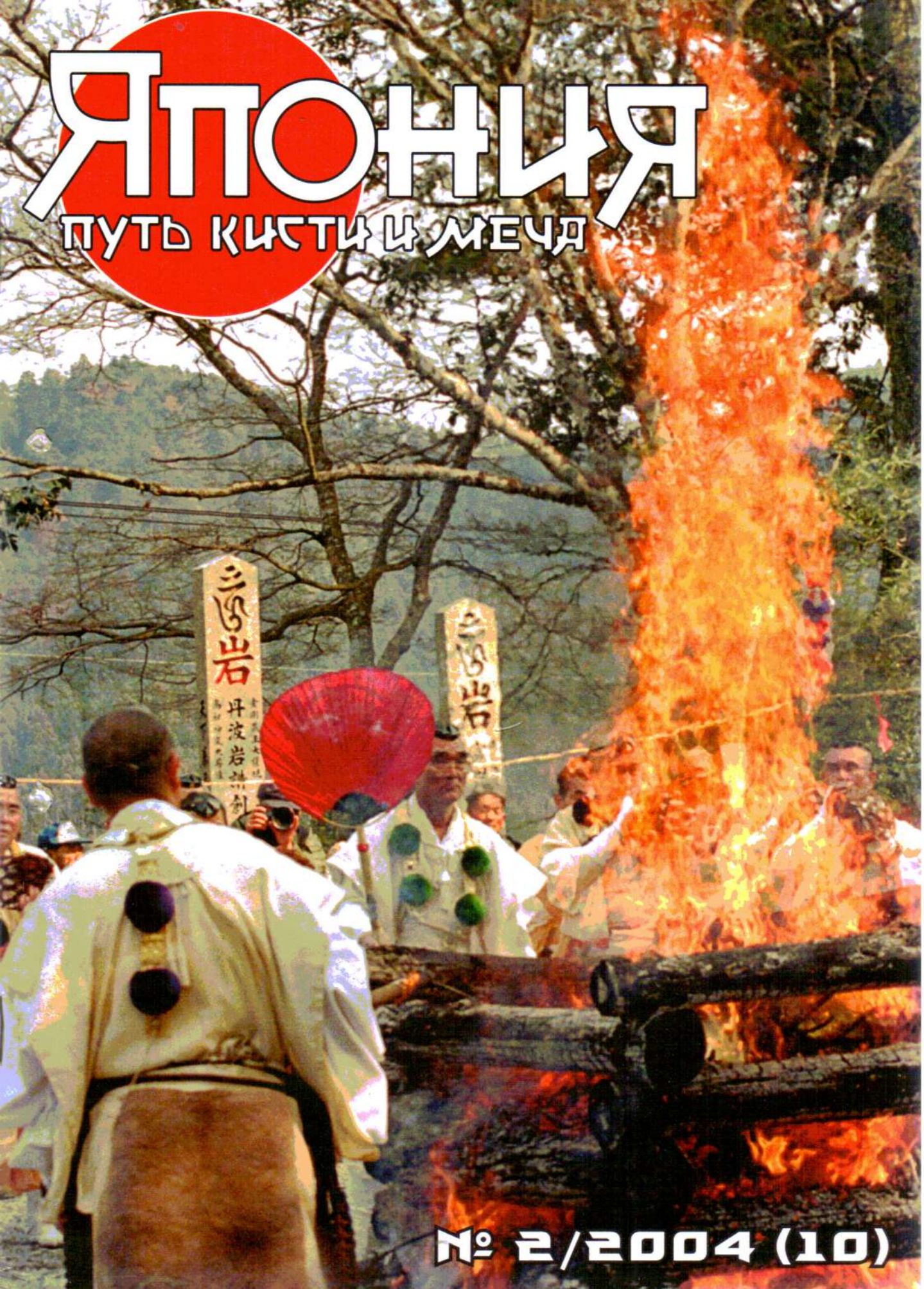

ЯПОНИЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

№ 2/2004 (10)

Учредители – ООО «Будо-спорт»

и А.М. Горбылёв

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budo-sport.ru, sale@budo-sport.ru;

http://www.budo-sport.ru

Главный редактор – А.Н. Мещеряков

Заместитель редактора – А.М. Горбылёв

Коммерческий директор – С.А. Косоротов

Компьютерная верстка – А.А. Иванов, А.В. Смирнов

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@budo-sport.ru (заместитель редактора)

boss@budo-sport.ru

sale@budo-sport.ru

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикуя материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО «Типография № 9», г. Москва

© ООО «Будо-спорт», 2004 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

Содержание

Портреты

Александр Мещеряков

Первые европейцы, увидевшие лицо японского императора 3

Люди

Мария Торопыгина

Ханава Хокиити (1746-1821)..... 7

Душа

Варвара Сидорова

Культура мысленного образа у японцев и русских (заметки психолога) 11

Пересмешник

Василий Семенов

Яшмовые ворота 15

Япония.ru

Светлана Максимова

Клик мыши (Япония в Рунете) 18

Игры

Елена Войтишек

Как играть в поэтические карты 22

Архив

Дани Савелли

«Роли между нами отчетливо не распределены» Борис Пильняк и Евгений Спальвин..... 24

Наука

Елена Лепехова

Концепция кармы в «Повести о Гэндзи» 30

Сила

Алексей Горбылёв

Первейшая школа торидэ под солнцем..... 36

Алексей Горбылёв

Кэйкодзё..... 55

Фонарь

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега Японская библиотека..... 62

Время идет, возраст наших авторов молодеет и даже немного интернационализируется. Уходя на летний отдых, приятно сознавать это.

Действительно, в этом номере представлены статьи двух аспирантов. Одна из них вполне «пионерская»: В. Сидорова рассматривает проблему менталитета японцев и русских на материале своих «рисуночных» экспериментов над носителями двух культур. Зато другая, принадлежащая перу Е. Лепеховой, по-хорошему традиционна и академична. Она посвящена проблеме кармы в замечательном средневековом романе — «Повести о Гэндзи» великой Мурасаки Сикибу.

Мы стараемся помочь читателю понять не только классическую японскую культуру, но и сориентировать его в огромном потоке информации о Японии нынешней. Впервые в истории отечественного японоведения мы даем обзор русскоязычных Интернет-ресурсов, которые посвящены Японии (С. Максимова). Этот практически-библиографический материал выступает в паре со статьей Э. Войтишек, которая уже рассказывала про историю японских карточных игр, а теперь учит нас, как в них играть.

Французская исследовательница Дани Савелли представляет на суд читателей результаты своих архивных изысканий. Они посвящены непростым отношениям между замечательным писателем Борисом Пильняком (его книга о Японии «Корни солнца» до сих пор пользуется заслужен-

ной популярностью) и Евгением Спальвиным, большим знатоком Японии и японского языка.

Рубрика «Пересмешник» представлена ужасно смешными заметками В. Семенова о том, как автору волею обстоятельств пришлось сыграть ту роль, к которой он никогда не готовился. Или, может быть, готовился всю жизнь. Это уж зависит от того, кто какие культурологические выводы сделает из этого рассказа.

В рубрике «Фонарь» на сей раз представлено не так много книг. Зато среди них есть одна, которая заслуживает истинного почтения — как перед автором, так и перед многими людьми (прежде всего, Накамура Кэнноске), готовившими книгу к печати. Это пятитомные «Дневники святого Николая Японского» — интереснейший человеческий и исторический документ. Книге предстоит долгая жизнь и долгое обсуждение. Отмечу пока лишь одно удивляющее меня обстоятельство: все пять томов изданы на деньги «Фонда Ниппон», и ни одного — на деньги православной церкви, которая и канонизировала Николая.

Ну, а начинается номер изложением почти детективных обстоятельств, сопутствовавших первым аудиенциям, которые дал император Мэйдзи европейцам.

В общем, я немного завидую тем, кому все это еще предстоит прочитать.

Авторы «Японии»

Войтишек Е.Э. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, автор работ по истории японских карточных игр.

Горбылев А.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ, главный редактор журнала «Додзё. Боевые искусства Японии». Автор многочисленных работ по истории японских боевых искусств.

Лепехова Е. — аспирант Института востоковедения РАН.

Максимова С. — японофил.

Мещеряков А.Н. — доктор исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур РГГУ. Автор книг: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм», «Древняя Япония: культура и текст», «История древней Японии» (совместно с М.В.

Грачевым), «Герои, творцы и хранители японской старины», «Книга японских символов и обыкновений», «Линия жизни», «За нами — только мы», «Мещеряков@япония.ру» и др.

Савелли Дани — сотрудница университета Тулуза II, автор работ, посвященных жизни и творчеству Пильняка.

Сахарова Е.Б. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории древней Японии.

Сидорова В. — аспирантка РГГУ.

Торопыгина М.В. — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор книг: «Каталог японских книг Санкт-Петербургского университета (фонд Арисугава)», «Хрестоматия по истории японской литературы». Переводчик: «Гэндзи-обезьяна».

Александр Мещеряков

Первые европейцы, увидевшие лицо японского императора

С воцарением императора Мэйдзи (1852-1912), которое произошло в 1867 г., внешняя политика Японии круто переменялась. Если покойный отец Мэйдзи, император Комэй (правил с 1847 по 1866 гг.), был известен как ярый противник любых контактов с иностранцами, то юный Мэйдзи под влиянием своих советников (в первую очередь, Ивакура Томоми, 1825-1883) взял решительный курс на сближение с Западом.

В феврале 1868 г. по всей стране появились правительственные объявления, гласившие, что проявления недружелюбия по отношению к иностранцам будут отныне строго караться. Но, несмотря на указание вести себя лояльно, добиться этого было не так просто — слишком сильны были ксенофобские настроения, которые в течение веков подпитывались политикой изоляционизма.

В начале марта в городе Сакаи двадцать самураев из княжества Тоса напали на одиннадцать безоружных французских моряков и перерезали их. Французский посланник Леон Роше (1809-1901) потребовал официальных извинений, казни преступников, выплаты 150 тысяч долларов семьям погибших моряков и удаления самураев Тоса из открытых к тому времени портов. Японское правительство согласилось выполнить все эти требования. Самураи были приговорены к совершению харакири, что считалось почетным видом казни.

После того, как одиннадцать из них уже вспороли себе животы, присутствовавшие на месте действия капитан корабля и Роше остановили самоказнь, посчитав, что принцип «жизнь за жизнь» уже восторжествовал.

А всего несколькими днями позже, 23 марта, император Мэйдзи дал обещанную еще до кровавого инцидента в Сакаи аудиенцию

Роше и представителю Голландии. Идеологу этой встречи, Ивакура Томоми, пришлось убеждать в ее целесообразности не только самого императора, но и его ближайшее окружение. Ивакура говорил, что аудиенция, даваемая монархом главам дипломатических миссий, является в Европе нормальной практикой. Но эта аргументация поначалу не смогла убедить сомневавшихся. Опасаясь сглаза, порчи и ритуального «загрязнения», особенно сильно протестовала против этой встречи женская половина двора во главе с матерью Мэйдзи, Накаяма Ёсико. Она даже заявила, что ее сын не может дать аудиенцию ввиду болезни. Ивакура пришлось попросить другого доктора освидетельствовать императора, и тот признал его абсолютно здоровым.

Для того, чтобы доказать оправданность этой действительно эпохальной аудиенции, пришлось прибегнуть к историческим прецедентам и вспомнить, что еще в далеком VIII веке японские го-

император Комэй

Леон Роше (1809-1901)

сударя принимали посланцев из Кореи и Китая. Однако этого не случилось уже больше тысячи лет. За все это время ни один японский император не видел ни одного иноземца, и ни один иностранец не видел императора.

Около двух часов дня Мэйдзи появился в тронном зале своего дворца Госё в Киото. В руках у него были меч и яшма — символы власти, с которыми он никогда не должен был расставаться. Однако иностранцы не могли видеть Мэйдзи, так как император расположился под балдахином за занавесками, отделявшими его от посланцев. Один из главных царедворцев, Сандзё Санэтоми (1837-1891), и дед императора по женской линии, Накая-

ма Тадаясу, стояли возле монарха, а принц Ямасина и Ивакура Томоми вместе с менее знатными придворными находились снаружи балдахина. Роше ввели в зал. Он был первым из иностранцев, который услышал голос Мэйдзи. Император сказал: «Мы рады узнать, что император вашей страны пребывает в добром здравии. Надеемся, что отношения между нашими двумя странами будут еще более сердечными, пусть они будут вечными и неизменными». От имени Наполеона III Роше пожелал Японии процветания, а самому Мэйдзи — покровительства со стороны божеств синто. После того, как та же самая процедура была повторена с участием голландского представителя, посланцев в отдельной комнате угостили чаем и сладостями.

Теперь настала очередь английского посланника Гарри Паркса (1828-1885), который уже покинул буддийский храм Тионъин, где он остановился на ночлег. Однако по пути к дворцу на английскую делегацию, которую сопровождали Накаи Хироси (1838-1894) и Гото Сёдзи (1838-1897), было совершено нападение — двое вооруженных мечами людей набросились на процессию. Накаи спрыгнул с коня и ввязался в борьбу с одним из нападавших. Эрнест Сатов (1843-1928), переводчик посла и лучший на то время знаток политической жизни Японии, продолжает: «Однако Накаи запутался в своих широких штанах и упал на спину. Его соперник уже собрался отрубить ему голову, но Накаи отвел удар, получив только легкое ранение головы, а затем поразил нападавшего в грудь. Это лишило его сил, и когда он поворачивался к Накаи спиной, Гото поразил его в плечо; он упал на землю, а вскочивший на ноги Накаи снес ему голову».

Второго преступника удалось схватить живым. О его пленении повествует младший переводчик А. Митфорд (будущий лорд Редесдаль): «Я услышал pistolетные выстрелы, звон мечей, крики «Нападение!», «Убейте его!», «Застрелите его!». Я выпрыгнул из своего паланкина, мне никогда не приходилось выпрыгивать откуда-нибудь с такой быстротой. Я бросился вперед. Улица была покрыта лужами крови, я увидел, как убийца приближается ко мне. Он был ранен, но не слишком серьезно, он был полон решимости. С его клинка капала кровь, лицо кровоточило. Мне было достаточно известно о японском искусстве владения мечом, я знал: пробовать вернуться от удара не имело никакого смысла. Поэтому я поднырнул под гарду и вывернул руку нападавшего, в которой он сжимал окровавленный меч».

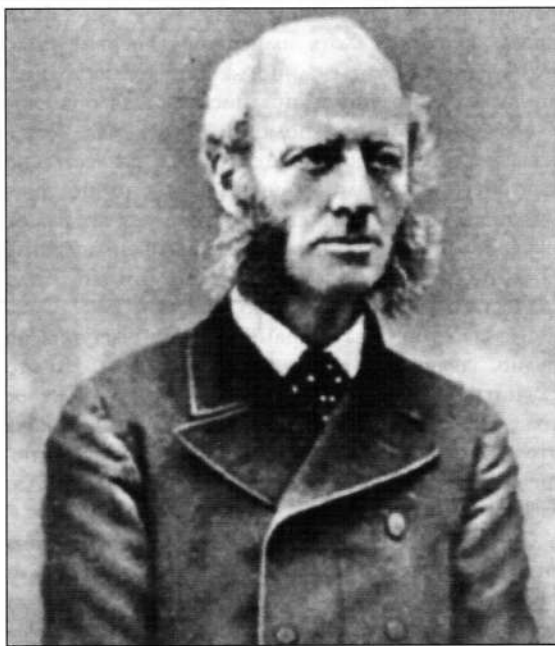
Пойманный преступник, который оказался священником, «выразил свое величайшее раскаяние и попросил, чтобы ему отрубили голову, которая была бы выставлена на всеобщее обозрение, чтобы японский народ узнал о его преступлении». Его

действительно казнили, причем за два часа до казни успели еще и сфотографировать. Головы обоих преступников выставили на всеобщее обозрение, а трех сообщников отправили в ссылку. Многие жители Киото сочувствовали им. Они искренне считали, что допуск иностранцев во дворец императора ослабит Землю Богов. Люди были убеждены: если иностранцы увидят Мэйдзи, их император будет осквернен.

Аудиенцию пришлось отменить, Мэйдзи выразил свое сожаление по поводу случившегося, а храм Тионъин превратился в настоящий лазарет, где рубашки и простыни членов посольства пошли на бинты.

Через три недели, 14 апреля, Паркс и Митфорта снова отправились во дворец. Сатов на сей раз отсутствовал — правила этикета запрещали ему предстать перед Мэйдзи, так как он не был представлен к английскому двору. Парксу с Митфордом повезло — они стали первыми европейцами, которые увидели японского императора. Вот как описывает его Митфорд:

«В центре находился балдахин, поддерживаемый четырьмя тонкими, покрытыми черным лаком колоннами, задрапированными белым шелком с красно-черным узором... Под балдахином пребывал юный Микадо, он сидел, вернее, он прислонился спиной к высокому креслу. Позади него сидели на коленях два принца крови, готовые суфлировать ему...

Гарри Паркс (1828-1885)

После того, как мы вошли в залу, Сын Неба поднялся и принял наши поклоны. В то время это был высокий юноша с ясными глазами и чистой кожей; его манера держаться была очень благородной, что весьма подходило наследнику династии, которая старше любой монархии на земном шаре. На нем была белая накидка и длинные пузырящиеся штаны из темно-красного шелка, которые волочились по полу наподобие шлейфа у придворной дамы. Его прическа была такой же, как и у его придворных, но ее венчал длинный, жесткий и плоский плюмаж из черной кисеи. Я называю это «плюмажем» за неимением лучшего слова, но на самом деле он не имел никакого отношения к перьям. Брови Микадо были сбриты и нарисованы высоко на лбу; его щеки были нарумянены, а губы намажены красным и золотым. Зубы были начернены. Чтобы выглядеть благородно при таком изменении природной внешности, не требовалось особых усилий, но и отрицать в нем наличие голубой крови было невозможно».

К этому весьма выразительному описанию, свидетельствующему о том, что в это время зримый образ императора моделировался в соответствии с канонами для придворных дам (свободные и длинные одежды, бритые брови, грим, чернение зубов), Митфорд добавляет еще одну замечательную деталь: Мэйдзи едва шевелил губами, а потому стоявший рядом принц крови был должен повторять его слова погромче, чтобы будущий премьер-министр Ито Хиробуми (1841-1909), который к этому времени уже успел побывать в Англии и хорошо владел английским, мог перевести их. Митфорд объясняет это юношеской застенчивостью импе-

Ивакура Томоми (1825-1883)

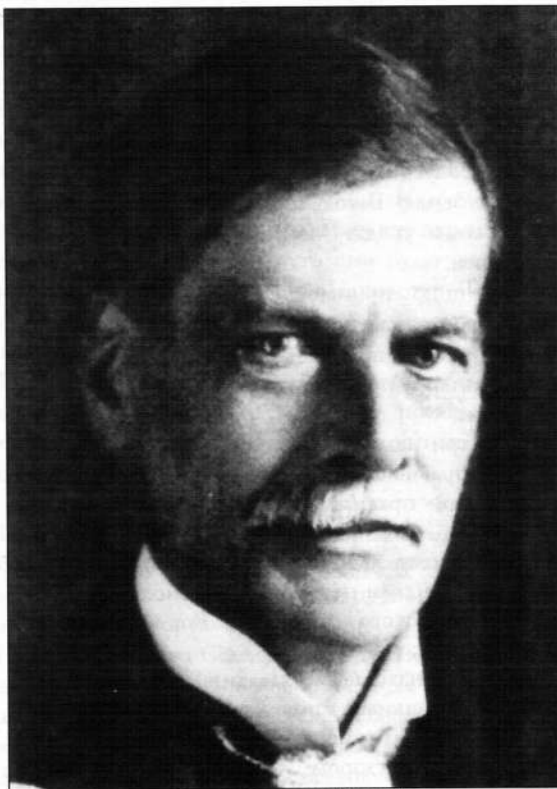
ратора, но на самом деле, разумеется, дело было вовсе не в этом. Хотя императору впервые было позволено встретиться лицом к лицу с иностранцами, древняя традиция, предписывающая общение с посторонними при помощи посредника, сохранялась в полном объеме. Дело в том, что, согласно синтоистским представлениям, божества не говорят сами, а передают свою волю через медиумов (жрецов). Являясь «живым божеством», император должен был поступать точно так же. Это табу было окончательно ликвидировано только в 1945 г., когда император Сёва впервые в жизни выступил по радио, заявив, что не является божеством. Но это случится через 76 лет, а пока Мэйдзи выразил свое сожаление по поводу случившегося инцидента, на что Паркс галантно отвечал, что милостивое отношение к нему государя заставило его полностью забыть о случившемся.

Сразу после встречи с английским послом Мэйдзи направился в Осака. Впервые в жизни Мэйдзи покинул пределы Киото. Его отец Комэй не делал этого ни разу — сёгунат запрещал императорам покидать дворец. В это время в Эдо шли переговоры о сдаче замка последнего сёгуна Токугава Ёсинобу (1837-1913) войскам Сайго Такамори (1827-1877), который был одним из лидеров антисёгунской оппозиции. Для подкрепления его позиций Мэйдзи принял на себя «командование» войсками, которые находились в 500 километрах от Киото. Это был беспрецедентный акт — никогда ни один из действующих японских государей не становился главнокомандующим.

По дороге в Осака императора несли в закрытом паланкине, рядом с ним лежало священное зеркало, люди вдоль дороги падали на колени. В Осака, с горы Тэмпо, Мэйдзи обозрел свой флот и впервые увидел море. Впервые в жизни он смог воочию убедиться в том, что оно действительно существует, и что стандартный оборот его указов, утверждающих, что он является повелителем четырех морей с четырех сторон света, — не просто метафора. Военный корабль «Дэнрю мару», принадлежавший княжеству Сага, салютовал императору из своих пушек, стоявшая на рейде французская канонерка ответила тем же.

Стоило только начать встречаться с иностранцами... 22 мая, через месяц с небольшим после первой встречи, Гарри Паркс вновь предстал перед императором. На сей раз, чтобы вручить ему верительные грамоты, подписанные королевой Викторией. Встреча состоялась в Осака, в храме Ниси Хонгандзи.

Эрнест Сагов, теперь почему-то допущенный на аудиенцию (возможно, потому, что она состоялась не во дворце), писал, что занавеска перед тронном была закатана наверх. «Когда Микадо встал, верхняя часть его лица оказалась скрытой от моих глаз занавеской, но я видел всего его всякий раз, когда

Эрнест Сагов (1843-1928)

он двигался. Его кожа была белой, возможно, это было сделано путем искусственных ухищрений; его рот был некрасив — врачи назвали бы его прогнатическим, но общее очертание было приятным. Его брови были сбриты и нарисованы на один дюйм выше. Его одяние состояло из длинной черной свободной накидки на плечах, белой верхней одежды-мантии и широких фиолетовых штанов...

Сэр Гарри [Паркс] сделал шаг вперед, чтобы передать Микадо письмо королевы; он явно ощущал то ли робость, то ли стеснение, и принц Ямасина должен был помогать ему; его роль состояла в том, чтобы перенять письмо у Микадо. Потом Его Величество позабыл свою речь, но когда человек по левую руку от него немного подсказал ему, ему удалось произнести первое предложение. И тогда Ито зачел полный перевод, подготовленный заранее. Сэр Гарри представил каждого из нас, а затем адмирал [А. Кепплз] представил своих офицеров. Микадо выразил надежду, что все обстоит благополучно с его командой, и мы, пятясь, вышли в прихожую...»

Все участники этой встречи оставили свой след в истории. Юному Мэйдзи предстояло стать человеком, с именем которого ассоциируется новая Япония. Гарри Паркс фактически являлся советником правительства Мэйдзи по внешней политике. Сагов в 1895 году стал послом в Японии. Он написал множество трудов об этой стране и стал одним из основателей научной японистики.

Мария Торопыгина

Ханава Хокиити (1746-1821)

В Японии всегда бережно относились к собственной истории и старой литературе. Но только во второй половине XVII в. этот интерес оформился в филологическую науку: появились профессиональные ученые, считавшие, что понять истинное значение культуры своей страны можно, только тщательно изучая старые тексты и комментируя их.

Это было время бурного развития книгопечатания в Японии. Для операции «перевода» огромного рукописного наследия в книгу требовалось, прежде всего, собрать тексты, разбросанные по государственным и храмовым книгохранилищам, находившиеся в частных коллекциях. Без этого никакая серьезная комментаторская работа была невозможна. За вторую половину XVII — первую половину XVIII вв. была проделана огромная работа по освоению письменного наследия прошлого. И все же ко второй половине XVIII в. оставалось еще множество самых разных сочинений и документов, которые существовали только в рукописях. А между тем в Японии, где основным строительным материалом было дерево, книгохранилища горели так же часто, как и любые другие постройки.

Ханава Хокиити, взявшийся за осуществление грандиозного проекта по публикации рукописных текстов, справедливо полагал, что многие документы и сочинения могут просто погибнуть и не дойти до потомков, если не будет проделана работа по сведению разрозненных памятников в единый массив текстов. Он задумал систематизировать тексты по той самой классификации, какую разработал его великий предшественник, бог образованности Сугавара Митидзанэ (845-903; посвященные ему синтоистские святилища — одни из самых популярных в нынешней Японии) для составления недошедшей до нас «Классифицированной национальной истории» («Руйдзю кокуси») и опубликовать все, что удастся обнаружить. Как и он, Ханава разносил публиковавшиеся им тексты

по таким разделам, как «синтоистские божества», «император», «генеалогии» и т.д. Поэтому и серия его изданий получила название «Гунсё руйдзю» — «Классифицированное собрание текстов».

Осуществление проекта было начато в 1779 г., а в 1793 г. правительство, одобрявшее деятельность Ханава, дало ему разрешение открыть Институт по изучению классических японских текстов (Вагаку кодансё, просуществовал до 1868 г.). Оно открыло ученому доступ в книгохранилище сёгуната, в 1795 г. предоставило деньги для издания первых 43 томов серии, а в 1797 г., когда возникли проблемы с хранением уже напечатанных книг и досок, с которых они печатались (книги в то время печатали в основном ксилографическим способом), выделило землю под строительство складов. В 1815 г. был выпущен специальный указ, обязывающий храмы не только предоставлять Ханава имеющиеся в их распоряжении тексты, но и разрешать их копирование. Это был беспрецедентный шаг, поскольку многие тексты, хранившиеся в храмах, считались «тайными» и закрытыми для непосвященных. Сёгунат был настолько доволен деятельностью ученого-энциклопедиста, что в 1815 г. в знак признания его просветительских

заслуг он удостоился аудиенции у сёгуна Токугава Иэнари.

Первая часть проекта была завершена в 1819 г. На складах к этому времени хранилось уже 33719 досок с текстами серии. Многие памятники, собранные Ханава Хокиити, сохранились только в его издании и известны только в его редакции. Ученый проделал поистине титанический труд, совершил настоящий научный подвиг – собрал, отредактировал и издал сотни текстов. И это при том, что этот энциклопедист был слепым! Неудивительно, что по сей день личность Ханава является объектом преклонения японцев, и имя его столь обросло легендами, что правду уже далеко не всегда можно отделить от выдумки.

Ханава Хокиити родился 5 мая 1746 г. в местечке Хокино (ныне преф. Сайтама), в крестьянской семье. Он был старшим сыном, и его мать, Киё, обожала его. Любил его и отец, Ухэй, человек, как о нем говорили, с прекрасным характером. Мальчик рос счастливым. Рассказывают, что ему страшно нравилось возиться с растениями. Но когда ему было то ли три, то ли пять лет, он заболел непонятной болезнью и в семь ослеп на оба глаза. Не помогли ни врачи, ни молитвы.

Возиться с растениями мальчик больше не мог. Теперь его страстью стали книги. Родители часто читали их ему вслух. Особенно много времени Хокиити отдавала мать. Вскоре родители с удивлением заметили, что мальчик запоминает прочитанные тексты, даже самые длинные, слово в слово. Природа компенсировала ребенку отсутствие зрения феноменальной памятью.

Киё умерла в 1757 г., когда нашему герою было всего одиннадцать. Лишенному материнской поддержки, ему предстояло самостоятельно выбрать свой путь в жизни. В то время в столице сёгуната Эдо (ныне Токио) был знаменит слепой рассказчик, прославившийся тем, что читал слушателям по памяти целые книги. «Может быть, и я так смогу?» – подумал Хокиити. Ведь и он помнил все, что ему когда-то читали. Весной 1760 г. он оставил родной дом и с крохотной суммой денег отправился искать счастья в Эдо, самый большой город Японии (в это время его население составляло уже более миллиона человек).

В Эдо ремесленники и торговцы были объединены в цеха. Слепые тоже организовали несколько «цехов». Самое крупное их объедине-

ние называлось «Тодо», главой его был некий Амэтоми Сугаити. Ханава Хокиити стал членом этого объединения. Теперь ему предстояло упорно учиться, чтобы иметь возможность зарабатывать себе «на рис».

Слепые люди ограничены в выборе специальности. В Японии того времени слепой мог стать музыкантом (играть на бива, кото и сямисэне), заниматься акупунктурой и массажем, учиться на прорицателя. Отвергнув последнюю возможность, Ханава стал сначала учиться музыке, но потом профессией выбрал медицину – массаж и акупунктуру. Однако на этом пути его ждали неудачи. Он с непревзойденной легкостью запомнил написанное, но мануальные навыки ему не давались. Ханава все же закончил обучение и приступил к практике. Однако массажистом он был плохим, пациенты ему не доверяли, а это означало крах всех надежд на твердый заработок. Он впал в депрессию и даже пытался покончить жизнь самоубийством.

Спас его Амэтоми Сугаити, которого Ханава очень уважал и считал своим учителем. Предание передает слова Сугаити, который якобы сказал: «Я дам тебе денег. Три года ты можешь учиться всему, чему пожелаешь. Только ты не должен воровать и играть в азартные игры. Но если через три года ты не найдешь своего пути в жизни, тебе придется вернуться домой. Помни об этом».

Это было удивительное предложение. Может быть, патрон разглядел в неудачливом массажисте будущего выдающегося ученого? В любом случае, он не ошибся. Уже и раньше Хокиити был весьма сведущ в литературе, религии, истории. Теперь же у него появилась возможность заниматься с прекрасными преподавателями, в числе которых был, например, один из самых знаменитых ученых того времени Камо-но Мабути (1697-1769).

Предание донесло до нас трогательный эпизод из того времени, когда Ханава овладевал науками. Неподалеку от него жила женщина, которая очень жалела его. Ханава часто бывал у нее, и она читала ему вслух. Однажды летним вечером в комнату налетели тучи комаров. Как тут внимательно слушать, когда тебя постоянно жалят противные насекомые, и ты только и делаешь, что отмахиваешься от них? Говорят, что Хокиити связал себе руки полотенцем и полностью сконцентрировался на тексте, не обращая внимания на укусы.

Ханава Хокиити считал самосовершенствование важнейшей жизненной задачей. Еще бы! Он ставил перед собой грандиозные задачи. Ханава вставал в три часа утра и первым делом читал молитву – сутру «Ханья сингё». Он повторял ее сто раз подряд. Скрупулезные исследователи подсчитали: за свою жизнь ученый повторил этот текст более двух миллионов раз! Приступив к созданию «Гунсё руйдзю», Ханава прибавил к ежеутреннему чтению «Ханья сингё» поход в Тэммангу – храм, посвященный Сугавара-но Митидзанэ.

Хокиити верил в свою избранность и считал, что ему недостойно терять контроль над собой, что он не должен выходить из себя, сердиться, проявлять нетерпение и высокомерие. Поэтому он не отвечал на насмешки соседей, когда те подсмеивались над слепым, и лишь улыбался в ответ на издевки. Уже немолодым и знаменитым человеком он как-то обратился к резчику досок, выполнявшему его очередной заказ.

– Я хочу поблагодарить Вас.

– За что?

– Когда-то, уже много лет назад, я говорил с Вами заносчиво. Тогда Вы сказали: «Слепой, а чванится!» Я часто вспоминал Ваши слова и старался стать лучше. В том, что я сумел выполнить мой труд, велика и Ваша заслуга.

Ханава Хокиити искал славы, а не денег. Но и деньги были ему нужны, ведь он должен был вернуть долг Амэтоми Сугаити. Однако Амэтоми не хотел и слышать об этом: он считал, что перед Ханавой стоят задачи не только академического толка: «Слепым трудно зарабатывать на хлеб, поэтому мы вынуждены много работать, и мало кому приходит в голову заниматься самосовершенствованием. Если так будет продолжаться, не станет слепых, занимающихся искусством, наукой, образованием. Ты уже доказал, что стремишься к знаниям, но без денег ты не сможешь ничего достичь».

Человек, поверивший в юного Ханаву, глава объединения слепых Амэтоми Сугаити, умер в 1784 г. Связь между учителем и учеником оказалась чрезвычайно прочной. Умиравший Амэтоми позвал к себе Ханаву:

– За свою жизнь я одолжил немалые суммы денег разным людям. Некоторые мои должники бедны и отдать долг не в силах. Их закладные я порвал. Но есть и люди, которые могут заплатить, их закладные я оставляю тебе, истрать эти деньги, как считаешь нужным.

– Когда я пришел в Эдо, у меня не было ни денег, ни надежд. Вы дали мне все, я должен Вам столько, что мне не расплатиться. Оставьте свои деньги другим своим ученикам, чтобы и они смогли добиться, чего желают.

Дело жизни – составление «Гунсё руйдзю» – Ханава Хокиити начал в 33 года.

Он ставил перед собой задачу-максимум по систематизации текстов и сопоставлению вариантов. Ханава получал частные пожертвования на эту работу и, как уже говорилось, пользовался поддержкой правительства.

Кроме того, ему удалось воспитать талантливых последователей. Наиболее известный ученик и соратник Ханавы – Ясиро Хироката (1758-1841). Он родился в Эдо, происходил из семьи прямых вассалов дома сёгунов Токугава. Хироката был знаменит своим каллиграфическим почерком – талант, который высоко ценится на всем Дальнем Востоке, – и служил в сёгунской администрации в должности писца. С 1817 г. Ясиро участвовал в разработке опросного листа, который должен был быть разослан по княжествам. Вопросы касались местных обычаев: свадеб, похорон, домашних праздников, театральных представлений и т.д. Об этом проекте известно не так много, мы не знаем, как и куда посылались опросники, кто на него отвечал. В настоящее время сохранилось всего порядка двадцати ответов (да и те – во фрагментах), но и они являются ценным материалом для этнографов.

О частной жизни Ханавы известно мало. Он был дважды женат, имел пятерых детей, двое из них умерли молодыми, один из сыновей продолжил дело отца.

Ханава Хокиити не вел дневника, как делали (и делают) многие японцы, но слогал пятистишия вака, мастерски используя строчки из многочисленных стихотворений, которые помнил наизусть. Но не поэзия принесла ему общепонятную славу.

Каково жить слепому человеку? Когда дети спрашивают об этом, им часто говорят: попробуй, проходи с закрытыми глазами час. О Ханаве рассказывают такой анекдот:

Слепой учитель читает лекцию. Ученики старательно записывают. Гаснет свеча, ученики просят учителя обождать – темно.

– Да, – говорит учитель, – быть зрячим очень неудобно!

Ханава Хокиити умер 12 сентября 1821 г. в возрасте 76 лет.

С его смертью, однако, работы по сбору и изданию памятников не прервались. Созданный ученым Институт продолжал заниматься составлением серии «Гунсэ руйдзю». За первым выпуском серии последовали «Продолжение Гунсэ руйдзю» («Дзоку гунси руйдзю») и «Продолжение Продолжения Гунсэ руйдзю» («Дзоку дзоку гунсэ руйдзю»). Эта работа продолжалась и в XX веке. Серия «Гунсэ руйдзю» и сегодня остается востребованной. Теперь, конечно, в основном у специалистов — как японских, так и иностранных.

Еще одним замечательным проектом, в котором принимал участие Ханава Хокиити и реализация которого продолжалась после его кончины, была многотомная «История великой Японии» («Дайнихонси»). Этот труд был начат в 1657 г., а закончен в 1906-м. Инициатором проекта был Токугава Мицукуни (1628-1700), князь Мито. «Дайнихонси» охватывает период от легендарного императора Дзимму до императора Гокомацу (правил 1382-1412). Только подготовительная работа заняла полтора века. Издание начало выходить в 1810 г. и составило 397 томов. Это оказалась самая подробная история Японии за все время существования исторической науки.

В 1801 г. созданный Ханава Хокиити Институт начал под его руководством проект под названием «Исторические материалы великой

Японии» («Дайнихон сирё»). Это собрание самых разнообразных исторических источников, организованных хронологически. Они должны были охватывать период в 7 веков. Отправной точкой был определен 887 год (именно на этом году заканчивается повествование последней из «Шести национальных историй» — «Истинных записей о трех правлениях японских императоров» — «Нихон сандай дзицуруку»). Институт работал над этим проектом до 1861 г. Были составлены материалы за период 887-1024 гг. Они были представлены сёгунату. После «Обновления Мэйдзи», когда сёгуны были отстранены от власти, этими материалами заинтересовался император Мэйдзи (правил 1867-1912). В 1869 г. он приказал Сандзё Санэтоми (1837-1891), председателю только что образованного Государственного совета, обеспечить продолжение этого проекта. В 1895 г. работа была передана в Токийский Императорский университет (ныне Токийский государственный университет). При этом хронологические рамки работы были расширены до окончания правления сёгуната Токугава. С 1901 г. начали выходить книги двух серий, которые продолжили публикации «Материалов» Ханава Хокиити. Это серии «Исторические материалы великой Японии» («Дайнихон сирё») и «Старые документы великой Японии» («Дайнихон комондзё»). В течение прошлого, XX века, вышла уже тысяча томов! И конца этой серии пока не предвидится.

Варвара Сидорова

Культура мысленного образа у японцев и русских (заметки психолога)

Культура — это не только традиционные обычаи и обряды, не только язык и памятники искусства, это еще и способ мышления. А мышление, как утверждают психологи, в значительной степени осуществляется образами. Даже научное мышление не обходится без посредничества образов. Когда психологи изучали, как мыслят физики, обнаружилось, что все они при анализе физических формул и законов оперируют образами, по-разному представляя математические знаки, электроны и атомы. Это тем более верно, когда речь заходит об «обыденном» мышлении, наполненном образами, которые определяются воспитавшей человека культурой.

Чтобы исследовать мысленные образы русских и японцев, я прибегла к посредничеству рисуночной методики: русских и японских участников исследования просили зарисовать образные ассоциации, которые приходят им в голову при произнесении экспериментатором так называемых стимульных слов. Участник эксперимента должен был нарисовать картинку, которая возникла в его сознании, а затем кратко описать ее словами.

Выяснилось, что в образах японцев намного больше, чем в образах русских, присутствует совершенно конкретный предметный мир. Это может быть объяснено воспитываемым в японской культуре вниманием к предмету, к изображению статических ситуаций. В то же самое время русские часто делают акцент на изображении абстрактных символов, а также двигательной активности.

Услышав слово «развитие», русские очень часто рисуют спираль. В рисунках же японцев спираль не встретишь ни разу. Оказалось, что для японцев «развитие» ассоциируется с конкретными предметами, вещами, которые символизируют научно-технический прогресс. Это могла быть и «высокая башня», и «скоростной поезд», и компьютер. Рисовали они и природный мир. Показателен комментарий к рисунку, на котором изображено дерево: «Сначала был маленький росток, потом — большое дерево».

Еще более показательный пример — слово «справедливость»: «Два человека разного роста идут в магазин. Несправедливо, когда на всех — костюмы одного и того же размера. Маленькому положен маленький размер, большому — большой». Как это контрастирует с нашим представлением о справедливости, когда всем — одинаковое и поровну! Русские же участники эксперимента часто изображали «справедливость» в виде уравновешенных чаш весов.

Очень часто всего-навсего один предмет служит для японцев обозначением всего явления. Так, в ответ на словосочетание «веселый праздник» участник эксперимента изобразил бумажные деньги. Дело в том, что на Новый год детям часто дарят именно деньги, которые в этом случае называются отосидама. Для русских же «веселый праздник» в большей степени связан с двигательной активностью: танцами, песнями и т.п.

Школа прочно ассоциируется в сознании японца с ранцем. Для недавнего школьника, которым был участник исследования, естественным было обратиться именно к этому атрибуту учебы. Недавние российские школьники обычно изображают «кинетическую» и более «целостную» ситуацию — скажем, учителя у доски. Сознание же японца обращается к фрагменту, детали, которая символизирует всю картину.

Хорошим примером такого способа видения, который мы часто встречаем и в японском изобразительном искусстве, может послужить рисунок пожилого японца в ответ на словосочетание «теплый ветер». Он изобразил руку с веером и стакан льда с сиропом. Русский человек, скорее всего, нарисовал бы человека полностью.

В японском представлении часто фигурируют телесные образы, весь окружающий их мир японцы как бы «пропускают» через свое тело. Например, в ответ на слово «справедливость» один из участников исследования изображает стоящего мужчину и комментирует рисунок таким образом: «Этот человек стоит совершенно прямо, поскольку у него на сердце нет плохих,

«темных» мыслей; поэтому он спокоен и стоит прямо». А «вина» в его исполнении выглядела как согбенный человек.

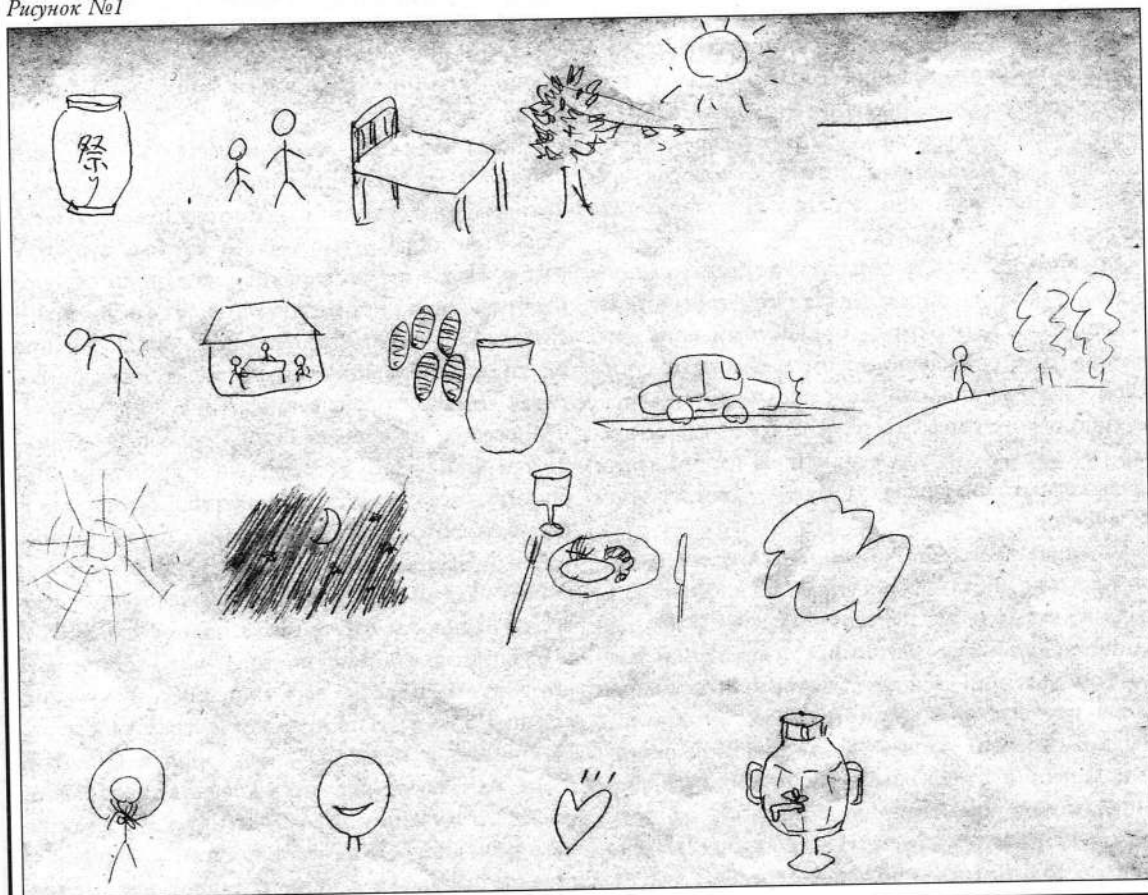
Разное отношение к телу проявилось и в реакции на слово «неприятное прикосновение». Все японцы изобразили тело в пассивной позиции, когда трогают тебя. Две девушки изобразили сцену домогательства. Молодая женщина нарисовала хмурого человека в майке, которого касаются с двух сторон: «Лето, метро, все вспотели». В русском же исполнении это всегда активное касание чего-то неприятного — лягушки, кактуса. Иными словами, касаешься ты, а не касаются тебя.

По-разному интерпретировались и природные явления. Например, почти все японцы в ответ на стимульное словосочетание «темная ночь» отмечали, что это такая ночь, когда луны по какой-то причине не видно (например: «Луна закрыта облаками»). Когда луну видно, это уже не «темная» ночь. В восприятии ночи видно влияние традиционного для Японии культа ясной луны, на которую принято любоваться в осенние ясные ночи. Русские обычно не обращают внимания на луну. У меня вообще сло-

Рисунок №1

Интерпретация рисунка № 1 (японка, 29 лет)

Стимульные слова	Интерпретация
Веселый праздник	Фонарики висят в праздник на маленьких улочках.
Развитие	Человек растет.
Болезнь	Постель в больнице, твердая.
Теплый ветер	Дерево, ветер, солнце.
Справедливость	Ровная линия, похоже на ровную поверхность.
Вина	Человеку тяжело.
Семья	Дом и в нем люди под одной крышей. Теплая атмосфера.
Богатство	Старые японские монеты и ваза.
Страх	Авария, случайность.
Легкая походка	Поле, ничего не мешает идти.
Неприятное прикосновение	Неприятная паутина, где живет паук, ветер приносит паутину.
Темная ночь	Луна и звезды.
Вкусный ужин	Приятная обстановка, настроение хорошее.
Мечта	Без образа, то, что человек думает.
Тяжелая работа	Мешок тащит.
Счастье	Сердечко.
Культура	Русский самовар, та вещь, которая есть только в России.
Радость	Лицо и улыбка.

жилось такое впечатление, что для русских все ночи темные (обычно рисовался квадрат окна со звездами).

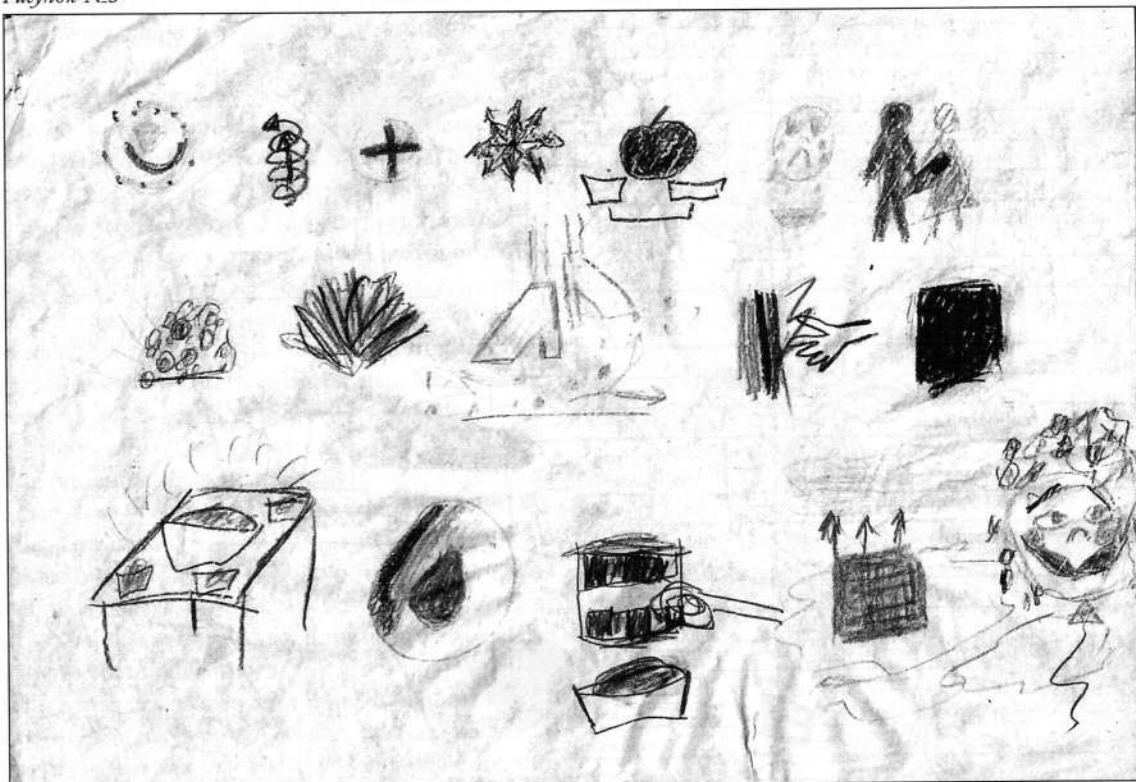
В дзэн-буддизме, в японской культуре вообще огромную роль играет «внутренний взгляд» – найкан, который подробно исследован в недавно вышедшей монографии Д. Главевой «Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия» (рецензию на нее можно прочесть в прошлом номере журнала). Поэтому не случайно, что только в Японии существует особый вид психотерапии – найкан-терапия, заключающийся в длительном уединении и самоанализе под руководством врача. Можно считать это современным вариантом медитации. Одна девушка в ответ на слово «счастье» изобразила человека со скрещенными руками, закрытыми глазами и с кругами над головой, нарисованными пунктирной линией. Комментарий: «Это счастье, ни о чем не могу думать, когда счастье». Рисунок описывает переживание счастья изнутри, а не внешние его атрибуты, что характерно для русских.

В заключение приведу рисунки некоторых участников исследования и их интерпретации.

Интерпретация рисунка № 2 (японка, 35 лет)

Стимульные слова	Интерпретация
Веселый праздник	Кимоно, веер. Идти в кимоно и с веером.
Развитие	Земля с древних времен развивается. Раньше были древние люди.
Болезнь	Постель, на льду.
Теплый ветер	В южных странах большие деревья, там дует теплый ветер.
Справедливость	Есть мультфильм, герой которого всем помогает.
Вина	Извинения, человек сам понял, что виноват.
Семья	Это семья, это отец и мать.
Вкусный ужин	Съесть вкусное блюдо и спать.
Страх	Привидение или кладбище.
Легкая походка	Для японца походка – это слишком сложно (рисунок отсутствует).
Неприятное прикосновение	Морское животное, оно может тебя коснуться.
Темная ночь	Вечером луна и звезды, но если ночь темная, я бы не рисовала луну.
Тяжелая работа	Писать иероглифы.
Радость	Съесть что-то вкусное.
Счастье	Сердце.
Культура	Это как подниматься на высокую гору, и еще это японские традиционные музыкальные инструменты – кото и сямисэн.

Рисунок №3

Интерпретация рисунка № 3 (русская, 27 лет)

Стимульные слова	Интерпретация
Веселый праздник	Бубличек веселый и чашка с выпивкой.
Развитие	Спираль.
Болезнь	Тяжелая.
Теплый ветер	Роза ветров, поля ржи.
Справедливость	Чаша весов и яблоко.
Вина	Это моя любимая чашка, куда слезы скатываются.
Семья	Счастливые.
Богатство	Куча золота.
Страх	Вся гамма и очень страшно.
Легкая походка	Среди каблучков женских стрелки в разных направлениях, она бродит туда-сюда, над землей летает.
Неприятное прикосновение	Все тупо. Рука трогает – там молния.
Темная ночь	За окном темно.
Вкусный ужин	Запах и яства. Я люблю на ночь поест, и гости приходят вечером.
Боль	Кровь и цвета.
Мечта	Розовая мечта – вознестись на небо, парить в розово-голубом.
Радость	Улыбается шар, конфетти летает.

Василий Семенов

Яшмовые ворота

*Существует миф, что японцы хитры и коварны.
Мне же они всегда казались простодушными
и прямыми людьми.*

Борис Акунин

Утром в мою железную дверь постучал сосед Вадик. То, что это именно он, я понял сразу — все остальные в дверь звонят. У многолетнего Вадика укоренилась привычка не будить детей звонком, даже если в квартире их нет.

— Выручай! У меня выставка в Тояме, и одновременно — в другом месте, туда должен был поехать папа, но ему визу до сих пор не дали. Если он не придет, у меня с ними сорвется контракт, а это очень плохо. Ну, в общем, тебе надо четыре дня поработать русским ювелиром.

— Нет.

— В Киото.

— Хорошо.

Вадик — ювелир. И папа его — ювелир. И маленький Рин, когда вырастет, тоже, наверное, станет ювелиром. Мне, честно говоря, это было бы все равно, если бы мы не были с Вадиком соседями. Так случилось, что мы снимаем квартиры на одной лестничной клетке в двухэтажном домике почти в центре Токио. Я живу один, а вот у Вадика — японская жена и трое детей: две девочки и мальчик. А еще у Вадика есть работа — он режет яшму. Дома у него стоит станок, на котором он тачает сей малоизвестный японцам камень, превращая его потом в камеи, бусы, кулоны и другие носильные вещи, названий которых я так и не смог запомнить. Папа Вадика, судя по всему, действительно очень известный в России ювелир, немало потрудившийся на восстановлении всяческих соборов и дворцов в Питере, Москве, Сан-Франциско и Берлине. До сих пор он изредка приезжал к сыну в Японию, занимаясь в основном у себя на дому — в Петербурге — производством шедевров. Вадик довольно успешно их продавал за совершенно несусветные, с моей точки зрения, деньги и всерьез задумывался о расширении производства. Для этого был нужен папа, а папу в Японию почему-то никак не хотели пускать.

Вот и сейчас, запланировав сразу две выставки, Вадик понадеялся, что отцу успеют сделать визу.

Не успели. И если бы не Киото, я бы тоже туда не поехал. Но... люблю этот город с самого первого знакомства с ним. Готов отправиться туда в любое время суток и по любому поводу. Даже ювелиром.

— Говори, что надо делать.

— Да практически ничего. С тобой поедет Тода-сан, мой компаньон, все будет делать он. Твоя задача — улыбаться, делать вид, что ты великий русский мастер и ни слова не понимаешь по-японски. Микроскоп и заготовки я тебе дам. Будешь питаться — бери чеки. Зарплата — 15 тысяч в день.

— Хватит десяти. Все-таки соседи. Да и Киото...

Через десять дней, одетый, несмотря на душную жару, в костюм и снаряженный микроскопом, кусками бракованных заготовок и парой сломанных резцов, я сел с моим новым другом в скоростной поезд.

Тода-сан, несмотря на предпенсионный возраст, оказался парнем совершенно компанейским, всю дорогу шутил, рассказывал о своей учебе в университете и занятиях по фехтованию деревянным мечом (кэндо). Японец мне положительно нравился, Киото оказался, как обычно, великолепен, а работа обещала быть не пыльной.

В первый же день я столкнулся с непредвиденными трудностями: не работал микроскоп. Точнее, он работал (наверное), но я не умел им пользоваться, и даже опытный Тода-сан не знал, что делать с этой черной бандурой, на подставке которой красовалась табличка «Сделано в СССР. Усть-Кутский завод точных приборов. 1952 г.». Пришлось учиться резать яшму вслепую. Уткнувшись одним глазом в черное нутро оптической трубки, я водил сломанным резцом по бракованному камню, пытаюсь снять с него стружку. Ко мне подходили японцы — участники Международной выставки драгоценностей в Киото, внимательно смотрели на мои действия, удивленно показывали головами. Тода-сан сказал, что они удивлены моим мастерством. Если бы они знали, что я делаю это вслепую и первый раз в жизни, удивились бы еще больше. Но это были только яшмовые цветочки. Яшмовые ягоды начались на следующий день — день начала работы выставки.

— Ничему не удивляйтесь, Семенов-сэнсэй, — посмеиваясь, сказал мой друг Тода, — говорить буду я. Вы должны делать вид, что ничего не понимаете по-японски, а когда я дам знак, скажете что-нибудь по-русски.

— А эти люди вокруг?

— Никто не знает, что вы на самом деле не ювелир. Но это мелочи. Вы, главное, смотрите поверх всех и делайте лицо, как...

— Как у глупого иностранца?

— Да, — Тода снова засмеялся, довольный моей сообразительностью. — Все, едут!

Едут, едут, гости едут! Огромное помещение главного зала — чьей-то древней виллы — пришло в движение: ехали гости, они же покупатели. Со всех концов Японии сюда большими автобусами свозили жертв нашей распродажи — самых богатых людей этой страны, ее золотой фонд — пенсионеров и пенсионерок Страны восходящего солнца. Обремененные накопленными за долгую трудовую жизнь деньгами и располагающие здоровьем, временем и желанием японские бабушки — «обаасанки», как ласково мы их называли, — слетелись со всей Японии на эту им выставку. Имея возможность купить все то же самое, но по гораздо более низким ценам где-нибудь у себя в Титибу или Накасибэцу, они нарядились в роскошные кимоно и приехали в древнюю столицу, чтобы насладиться ее храмами, кухней и со вкусом потратить здесь деньги. Именно в последнем и собирались помочь им мои новые знакомые.

Организаторы старались на совесть. Вынув туристок из окутанных кондиционированной прохладой автобусов, бабулек провели на экскурсию по древнему саду, окружающему виллу, и бросили остывать в ресторан, располагающийся тут же и славящийся, как написано в путеводителях, «своей изысканной кухней, ценителем которой был знаменитый самурай Миямото Мусаси». Насладившихся самурайской стряпней гостей все ближе и ближе подводили к главному залу, давая им потомиться и не подпуская сразу ко входу, перед которым стояло два десятка флагов с эмблемой выставки. Сначала их вели... на лекцию.

Представители каждого стенда по очереди расхваливали (пока «за глаза») свой товар, рассказывая о неземных достоинствах янтаря, жемчуга, бриллиантов, рубинов... Но самый тяжелый удар — русской яшмой — ждал «обаасанок» в конце. Усевшись в традиционной позе на татами, человек 50 японских бабушек и дедушек ждали нашего выхода. Первым появлялся Тода-сан. Высокий и элегантный, с редкими для японцев благородными усиками, в синем блейзере и с галстуком с изображением храма Спаса на Крови, он производил сильное впечатление на потенциальных покупателей. Совершенно по-кавказски распушив хвост, он подмигивал им, ввергая их в пучину смущения, размахивал руками и даже приподнимался на носки, рассказывая душщипательную историю «моего» появления в Японии: «Далеко-далеко на севере есть огромная страна О-росия. Далеко-далеко на севере этой страны есть огромный город Санкт-Петербург, весь покрытый снегом. В нем очень много дворцов и есть даже целые комнаты, стены, пол и потолок которых сделаны из яшмы — драгоценного камня, встречающегося только в северных горах О-росии».

Тут очарованные Тодой бабушки обычно начинали подаваться несколько вперед, внимая его словам и ритму рассказа, а Тода рубил воздух рукой: «Много лет назад, когда у нас была война с Америкой, русские тоже воевали, но только с Германией. Немцы почти полностью разрушили яшмовые дворцы, и тогда русские мастера начали их восстанавливать. Это был адский труд. Год за годом, день за днем. По чуть-чуть, по чуть-чуть».

— Хо! — выдыхали почтенные гости ярмарки, покоренные, видимо, возникшей в их головах картиной адского труда загадочных русских камнерезов.

— Наконец, русские восстановили все дворцы и все-все яшмовые украшения в них!

— Хо-о!

— И сегодня (в этом месте слушатели неизменно напрягались, а Тода давил на них интонацией) к нам в гости приехал один из этих великих ювелиров, участник восстановления северных дворцов (тут он делал паузу)... Семенов-сэнсэй!

— Хо-о! Хо-о! — стонали слушательницы.

— Его рост два метра, у него голубые глаза, и они ни слова не понимают по-японски! — Тода вбивал, словно гвозди, мои установочные данные.

— Ум-м-м-м, — стонали бабушки...

Тут выходил я. На второй день, исполнив этот выход раз восемь, я довел его почти до совершенства: напускал творческую пелену на глаза, «покамнерезовски» сжимал кулаки, старался смотреть куда-то в потолочную балку.

Обычно через две-три минуты после моего выхода кто-то не выдерживал: «Он действительно не говорит по-японски?» Тода строго смотрела на меня, а я замороженно выдавливал на чистейшем русском языке: «Екатерина Великая», — после чего неуклюже кланялся и выходил из этой татамированной комнаты.

Вернувшись «к станку», я выпивал банку холодного кофе и ждал гостей. Вскоре тех самых бабушек запускали в зал. Перетекая от одного стенда к другому, «обаасанки» теряли личный состав. Стоило одной из них на мгновение задержаться у понравившейся вещи, как ее обступали два-три продавца (в основном, это были женщины зрелого возраста), ненавязчиво подводили ее к небольшому столику, не забыв захватить с собой понравившуюся безделушку, и сажали пить чай. Пить могли часами. Продавцы при этом сидели на корточках вокруг угнездившейся на стуле потенциальной покупательницы и разговаривали, разговаривали, разговаривали... О погоде, корейской опасности, многочисленных родственниках и индексе Доу-Джонса. По-моему,

им было все равно. При этом безделушку все время крутили у покупательницы перед носом, давали поддержать ей в руки, делали все, чтобы она привыкла к ней, к ее теплу, и не смогла без нее уйти.

Теперь я понял, зачем я нужен. Вадик не мог позволить себе содержать таких опытных продавщиц и сделал упор на необычность иностранного товара и то изумление, которое обычно и до сих пор сопровождает явление иностранца провинциальным пожилым жителям Японии. Моей задачей было их удивить, а заставить удивленного человека купить даже ненужную ему вещь мог и один Тода.

Я терпеливо ждал, уткнувшись глазом в бездыханный черный микроскоп, когда ко мне подойдет очередная жертва, а почувствовав ее дыхание (бабули буквально утыкались носом мне в пальцы), внезапно поднимал голову, в упор смотрел на них, изо всех сил пуча и кругля глаза. «Хо-о!» — вздыхала бабуля, а Тода мягко брал ее под рукав кимоно и предлагал купить за несколько сот тысяч йен какую-нибудь яшмовую безделушку. Фото с мастером — бесплатно.

После нескольких таких экскурсий Тода-сан придумал историю о том, как я лишился пальца, отрезав его себе резцом, ваяя какие-то мифические яшмовые ворота (палец я отрубил в молодости, когда работал на заводе), а я начал вступать в примитивный разговор с клиентками, не только вылупляя на них глаза, но и приговаривая что-то вроде «и по чуть-чуть, и по чуть-чуть». Со временем я так вошел в роль, что начал поддакивать Тоду, рассказывая о резке яшмовых ворот. Правда, поначалу путался и говорил, что шлифовал нефритовый стержень, но японцы относили это на счет моего полного незнания языка. Все это здорово прибавило нам популярности, а моим работодателям и денег. Но и уставали мы довольно сильно.

А я с каждой экскурсией все чаще думал о том, кто кого испортил — мы японцев своей наглостью и повадками Остапа Бендера или они нас — жертвенностью и простодушием, превосходящим иногда все разумные пределы? Сейчас у меня есть ответы на эти вопросы, но... пусть они останутся моим личным мнением. Скажу только, что когда Вадик спустя два дня после моего возвращения предложил мне ехать на очередную выставку, я отказался. Даже если она в Киото. А вскоре я встретил Тоду, спешащего куда-то с бородатым русским мужиком, у которого из десяти положенных пальцев на руках было от силы семь. Перехватив мой взгляд, Тода-сан подмигнул: «Яшмовые ворота», — и сел с мужиком в такси.

Клик мыши (Япония в Рунете)

Когда лет 10-15 назад в Москве рождалась мода на все японское, фанаты-любители с горящими глазами металась в поисках информации о Японии. Они обыскивали книжные развалы, рынки, букинистические магазины, раскупали новые книги и журналы, выходящие в самых неожиданных издательствах, — в России тогда еще не был развит Интернет.

Задаваясь целью сделать обзор и, по возможности, разбор русскоязычных сайтов о Японии, я скоро пришла к выводу, что объять необъятное мне будет трудно (на каком-то сайте я это выражение уже видела) и для пользы дела стоит придерживаться каких-то критериев. Подозреваю, что в их выборе есть некоторая искусственность, но все же ради пользы дела постараюсь их соблюдать.

Итак, первое: в данном обзоре я не рассматриваю веб-страницы коммерческих организаций, предлагающих вниманию читателей разнообразные услуги и товары, то есть сайты магазинов, салонов, ресторанов и тому подобных заведений, а также страницы частных предпринимателей, специализирующихся в области торговой и консалтинговой деятельности, связанной с Японией.

Второе: дабы избежать хотя бы части упреков в рекламной поддержке тех или иных ресурсов, я постараюсь не затрагивать тему посещаемости сайтов — главным критерии, вокруг которого выстраивается их рекламная политика.

Третье: я сознательно выпускаю из сферы своих интересов Интернет-издания, посвященные боевым искусствам, потому что, во-первых, я ничего в этом не понимаю, а во-вторых, подавляющее большинство их, так или иначе, имеет коммерческий характер (см. п. 1).

Наконец, четвертое и последнее: для удобства пользования я разбила все изученные сайты на три большие неравновеликие группы.

Если вы принимаете эти условия, кликните мышкой здесь. :-)

Группа 1. Информационно-накопительные сайты и онлайн-журналы

Это самая большая, серьезная, развитая и авторитетная группа изданий. Значительная их часть появилась в сети около пяти лет назад — в эпоху зарождения Рунета. Естественно, в ту пору создание сайтов требовало значительно более серьезных вливаний, чем сейчас, а потому в этой группе долго лидировали ресурсы, созданные как онлайн-поддержка тех или иных японо-российских проектов.

Под номером один здесь значится сайт Посольства Японии в России (www.embjapan.ru). Причем если раньше пальма первенства отдавалась ему только из соображений высшего порядка, то за последние год-два сайт набрался опыта и превратился из засушенного дипломатией веб-растения в солидное, но не скучное и весьма информативное издание. Сейчас оно не только повествует о развитии межгосударственных отношений, но и содержит массу полезной для всех информации о Японии. Недавно сайт приобрел новый

адрес — www.ru.emb-japan.go.jp, а по имеющимся у нас данным собирается сменить дизайн и в значительной мере изменить информационную наполненность.

Пока же фирменная «мулька» данного ресурса — собранные воедино официальные релизы Японского правительства и МИДа, информационные бюллетени из посольства, обновляющиеся данные о японо-российских отношениях, чрезвычайно важная консульская информация и раздел «Образование». Там лучше всего смотреть новости о стажировках в Японии, грантах, разнообразных курсах и многое-многое другое — желающих на это дело сейчас хоть отбавляй. Раздел «Ссылки» систематизирован и достаточно обширен. Большинство ссылок активны, но есть и провалы, как, например, информация о журнале «Черный пояс», который, по-моему, уже года четыре как не выходит.

Еще один полуофициальный ресурс — сайт общества «Россия-Япония» под названием «Окно в Японию». У этого портала с плохо запоминаю-

щимся адресом <http://russia-japan.nm.ru> есть как важные «плюсы», так и не менее важные «минусы». Сначала о хорошем. Главная положительная черта «Окна» — возможность открыть форточку, то есть подписаться на рассылку, которая приходит обычно по понедельникам и содержит весь набор информации, поступающей на сайт из самых разных источников. По своей наполненности он вряд ли имеет равных в Рунете. Количество сосредоточенных здесь статей трудно представимо и описывается каким-то астрономическим числом. Учитывая, что тут же можно посмотреть и подшивку за предыдущие два года, «Окно в Японию» начинает выглядеть не окном, а большим пыльным архивом, разобраться в котором весьма непросто. Это, собственно, и является его главным отрицательным качеством. Сайт так велик и перегружен, что наиболее оптимальный вариант интерактивного общения с ним — все та же подписка без желания покопаться в стареньком. Читаешь из недели в неделю — отлично: пропускаешь через себя массу несортированной информации, обязательно найдешь что-то новенькое. Полезешь на главную страницу — упруешься в нескончаемые разделы: «Последние новости», «Недавние публикации», «Свежие наблюдения», «Материал номера», «Япония в цвете», да еще колонка кнопок, среди которых: «Общество», «Страница икэбана», «Японский язык», «Ассоциация японоведов», «Книги и журналы» и другие. Одним словом, «Окно в Японию» очень подошел бы черно-белый дизайн — как символ единства и борьбы Инь и Ян: здесь можно найти почти все. Главное — не заблудиться. Но я знаю и таких людей, которым это нравится.

Примерно ту же традицию продолжает портал околопосольского издательства «Япония сегодня» (www.japantoday.ru). При всех положительных качествах этого издания чувство неопределенности не покидает юзера все время блуждания по ресурсу. В отличие от «Окна в Японию», подписка на рассылку здесь не предусмотрена, и это объясняется, видимо, невнятной политикой обновления информации. Когда-то новости обновлялись здесь ежедневно и в довольно большом объеме. Сейчас это тоже происходит — хотя и часто, но уж как-то эпизодически. Новости не свои, а с других ресурсов. Конечно, их ценность это не убавляет. Здесь есть немало и собственных проектов, например, основная ценность «Японии сегодня» — собранная в электронном виде энциклопедия «Япония от А до Я». Купить ее в бумажном исполнении по карману далеко не всем.

Ориентироваться в сайте лучше по поисковой системе. Если знаешь, что тебе надо, можно по-

пробовать найти — в новом дизайне сайт достаточно четко структурирован. Наконец, еще одна составляющая «Японии сегодня» — одноименный журнал для японофилов с ежемесячным обновлением. Ну, это издание на любителя. На мой вкус, оно пахнет нафталином, хотя почти в каждом номере одна-две статьи попадают очень даже ничего. Остальное — абсолютно непонятные мне материалы о японской внутренней политике, переработка статей из своей же энциклопедии, переводы из Интернета, новости из провинциальных клубов любителей японской культуры. Может, для «бумаги» это и ничего, но назвать данное издание электронным журналом я бы не решилась.

Современным и организованным выглядит «Аниме и манга в России» (www.anime.ru). Основные «плюсы»: суперпопулярная тема, и при этом — достаточно узкая ниша, позволяющая писать профессионально и интересно, оригинальная организация сайта, спокойный, ненавязчивый дизайн.

Оглавление, помещенное на главной странице, содержит внятную информацию о компании и самом издании, данные о создателях и оглавление. Последнее включает в себя рубрики собственно об аниме и манга, большой раздел «Заметки о Японии» и нехарактерный для официальных, но абсолютно неизбежный для частных ресурсов «Юмор». Кстати, «Заметки о Японии» — это тоже «мулька». Там есть довольно информативные статьи о таких возбуждающих любопытство японозеров сторонах японской жизни, как, например, якудза. На главной же странице содержание сайтов-приложений: о хентае («Эротика по-японски»), каталог аниме и кое-что другое. Кому интересно — полезет, не интересно — не загружает глаза и внимание. Новостей практически нет, что понятно, но даты последних обновлений фиксируются на главной странице.

Я решила включить в этот раздел еще один довольно большой ресурс, который хотя, на первый взгляд, и носит коммерческий характер, все же напрямую не продает каких-либо услуг и товаров. А главное, на этом сайте применено одно оригинальное решение, которое мне симпатично. Речь идет об обзоре ресторанов японской кухни на www.sushi.ru. Проблема «Как правильно — суши или суси?», о которую сломано столько копий на других ресурсах, здесь решена изящно, просто и с применением компьютерных технологий. Нравится «суши» — оставь все как есть и кушай. Хочется «суси» — кликни мышкой в нужном месте, и весь сайт перестраивается под произношение выпускников ИСАА при МГУ. В результате получается смешно: привычное название ресторана

«Планета суши» превращается в «Планету суси», «Суши весла» в «Суси весла» и так далее.

Наконец, самое молодое в данной группе и, как мне кажется, одно из самых интересных издание. Прошлой осенью в Рунете появился электронный «Японский журнал — japon.ru» (www.japon.ru). Пока, конечно, сложно говорить о каких-то тенденциях, можно лишь отметить некоторые особенности, которые отличают его от других подобных изданий.

Пожалуй, это первый в Рунете именно журнал, организованный не как портал, накапливающий информацию, или сайт, несущий в сеть сведения о каком-то проекте. Во-первых, Japon.ru делают журналисты, и это заметно по содержанию и качеству статей — только об этом ресурсе мне удалось услышать, что его «интересно читать». Имеется в виду, что его интересно читать людям, от Японии в разной степени далеким, то есть большинству населения нашей страны. Знаю, что некоторые японоведы недовольны этим изданием, но большинство мною опрошенных все-таки высказались по отношению к нему с симпатией и уважением.

Дизайн журнала несколько механистичен, но понятен и не слишком загружен. Обновление регулярное — тема номера, состоящая из 6 статей, меняется по понедельникам (три статьи за один раз). Один-два раза в неделю на страницах журнала появляются дополнительные материалы, не относящиеся к основной теме. Отследить их можно, подписавшись на рассылку. В ближайшее время обещают запуск на главной странице почтового сервера. Думаю, это интересный ход — многим захочется иметь адрес, заканчивающийся на «japon.ru». Там же, на главной странице, — обновляющийся список новых статей и, что важно, новых тем форумов — журнал все-таки электронный. Могу ошибиться, но, по-моему, это пока первый журнал, дающий возможность читателям и пообщаться на форумах, и оставить отзыв на каждую конкретную статью.

То, что он все-таки журнал, не дают забыть такие рубрики: «Японские портреты», «Гайдзин» (впервые вижу в Рунете такое внимание к нашим соотечественникам в Японии — как бывшей «гайдзинке», мне очень приятно), «Интервью». Я, кстати, полазила по этой рубрике — нашла много интересных мыслей, высказанных весьма известными и неглупыми людьми. Еще одна безусловная «фишка» «Japon.ru» — рубрика «Зеркало», направленная на освещение образов России в Японии и наоборот, этого тоже больше нигде нет.

Пока я писала этот текст, Ассоциация японоведов успела обзавестись собственным сайтом

japan-assoc.ru. Говорить о нем пока рано, но, похоже, он обещает быть вполне информативным: тот, кто интересуется конкурсами на лучшую студенческую работу или конференциями, должен на него заходить. Для любителей серьезного чтения там приготовлены серьезные статьи. И не только по-русски, но и по-английски.

В целях экономии места и из боязни заплутать в Сети я не стану рассматривать относящиеся, в принципе, к данному разделу многочисленные сайты, посвященные отдельным областям знаний о Японии, вроде оригами (<http://www.aha.ru/~origami/>) или сёги — на большинстве упомянутых ресурсов вы без труда найдете ссылки на них. Остановлюсь только на форуме для «восточников» — «Восточный портал» (www.oriental.ru). Ну, вот, остановилась и... пора дальше.

Группа 2. Сделано в Японии

Парадоксальная вещь: русских в Японии становится все больше и больше, а информации от них больше не становится. Причин тому много, и в тему данной статьи не входит сопоставление взглядов на страну тех, кто в ней живет, и тех, кто бывает там только наездами. В данном случае гораздо интереснее, что в Рунете все же существует несколько изданий, в той или иной степени созданных в Японии, но для русских. Но — для разных русских.

Для тех, кто здесь, японцы придумали русскую версию известного журнала «Ниппония» (<http://jin.jcic.or.jp/nipponia/nipponia23/ru/index.html>) — скрыто-официального издания, рассказывающего иностранцам о Стране восходящего солнца. Текст и иллюстрации соответствуют японским (весьма высоким) возможностям в области пиара. Обновление ежемесячное. Пожалуй, больше и не скажешь. Немножко скучно, но раз в месяц залезть в сеть и почитать не мешает, если, конечно, какое-нибудь из диппредставительств Японии в РФ до сих пор не снабдило вас полиграфической версией.

Лично мне гораздо интереснее заслуженный ресурс «наших в Японии» под названием «Виртуальные суси» (www.susi.ru). Пожалуй, вместе с «Японским журналом — japon.ru» — это единственные порталы, заслуживающие эпитета «гламурные».

«Виртуальные суси» созданы талантливыми литераторами — Митей Ковалениным и Вадимом Смоленским. Оба переводчики, оба пишут. Оба талантливо. В свое время им удалось объединить вокруг себя довольно большую прослойку интеллигентных молодых людей, интересующихся японской темой. Основные направления этого интереса: творчество и личность Харуки Мурака-

ми — культового японского писателя российской молодежи, борьба суши и суси, японский язык, литературные опыты русских в Японии, переводы и рассказы создателей сайта, разнообразные байки. Дизайн неоднозначен и в композиции попадают «провисы», что объясняется, видимо, тем, что и Смоленский, и Коваленин за последние пару лет сменили место жительства, и не по одному разу. Естественно, ни о какой регулярности обновлений на «Сусях» речь не идет — ресурс скорее напоминает околослитературную тусовку, виртуальное кафе, где вместо кофе подают Мураками, а вместо сусей — размышления о японском языке. Публика одета в потрепанные джинсы, рубашки из магазина UNIQLO, небрита и задумчиво смотрит вдаль. Порой тут «говорят о непонятном, чтобы умнее казаться», но, так или иначе, у «Виртуальных сусей» есть своя проверенная публика, а у публики — интересный журнал со своими кумирами.

Хотя на «Виртуальных сусях» существует форум, для интенсивного общения между собой на более разнообразные темы русские гайдзины не брезгают и другими сайтами. Один из них — «Живой журнал» (www.livejournal.com). Многие из русских в Японии имеют в нем свои странички, вывешивая на них микро- и малоформатные литературные произведения собственного производства, фотосессии, короткие замечания о жизни в стране, объявления — короче говоря, все, что так или иначе интересует наших людей там. Если попытаться как-то коротко охарактеризовать «Живой журнал», то его можно назвать интеллектуальным форумом для русских гайдзинов, не все из которых любят Мураками. Стиль общения в нем напоминает разговор людей, объединенных общей темой, но слегка уставших друг от друга. В России это читать немного скучно, но вот для Японии — то, что надо. Остальным местные разговоры будут, по всей вероятности, непонятны и неинтересны. Дизайн... Его практически нет, да он и не нужен.

Более демократичным, доступным и организованным выглядит портал, прозванный в Японии «Мишины Доёби». На самом деле это сайт Русского клуба в Токио (www.yaponist.ru или www.tokyo.narod.ru). Информация о текущих мероприятиях русской общины в Японии, форум для общения и объявлений, небольшая фотогалерея, множество ссылок на полезные ресурсы — вот что это такое. Главный девиз сайта — полезность для русских в Японии. Через него можно оформить подписку на рассылку клуба, распространяемую очень оперативно, связаться при необходимости с его руководителями, главное — узнать о регулярных собраниях Клуба, происходящих раз

в месяц по субботам, найти единомышленников. Чем-то напоминают мне «Мишины Доёби» другой упоминавшийся мною ресурс — «Окно в Японию». Такой же авторитет, такая же рассылка, такое же море несортированной, но полезной информации. Отличие только в том, что «Доёби» — издание частное и в нем практически нет статей; этот сайт информационный, но не просветительский. Для этого «наши» в Японии используют иные ресурсы.

Группа 3. Частная собственность: вход разрешен

Мы переходим к обзору самого разнообразного, но самого неинтересного (для меня лично) сектора японского Рунета: малым частным сайтам. Количество порталов и порталчиков, организованных, как правило, на бесплатных хостинговых ресурсах типа narod.ru, не поддается учету. Советую всем, кого интересует какая-то отдельная тема в японской нише Рунета, искать нужную информацию не только на перечисленных «серьезных» сайтах, но и по ключевым фразам сразу в нескольких поисковых системах — yandex.ru, mail.ru, rambler.ru, aport.ru. В этом случае вы почти гарантировано попадете на частные ресурсы, посвященные, например, японским кланам и музыке, моде и кухне, обучению языку и чему угодно еще.

Отдельный сектор — частные сайты, сделанные в Японии. Отличие их от ресурсов второй группы состоит в наличии обширных фотогалерей (как на сайте Ольги Запорожской www.inuqlo.com/japan/index.htm) или педалировании интересной автору отдельной темы, как в «Японской жизни» Ирины Фукуока (www8.plala.or.jp/irina/). Есть еще случаи ознакомления с какой-то отдельной и достаточно экзотической темой, вроде сайта www.kagura.narod.ru, посвященного горячим источникам.

Еще несколько характерных особенностей: частные ресурсы обычно плохо систематизированы, напичканы банальными текстами на тему «Что такое Япония» (для сайтов, сделанных в России), пропитаны болезненным чувством далеко не всегда обоснованного собственного превосходства над теми, кто остался в России (для сделанных в Японии) и часто безграмотны (для тех и других). Короче говоря — непрофессиональны. Их главное достоинство я уже упоминала — разнообразие. Хорошо, что они есть, и, надеюсь, даже уверена, со временем они станут лучше.

Вывод? Вывод банален: нет в мире совершенства. И чтобы познать Японию, нужно читать книжки, статьи, рыскать по Интернету...

Как играть в поэтические карты

Истоки игры в поэтические карты ута-карута уходят корнями в глубокое прошлое – в период Хэйан. Я рассказала об этом в статье «История развития игровых карт в Японии» (см.: № 3/2003). На этот раз речь пойдет о вещи более практической – о том, как играть.

Правилами не предусмотрены ограничения на количество участников, но обычно в игре участвуют 4-6 человек.

Все карты с написанными на них стихотворениями в форме танка (обычно это стихотворения из антологии «Хякунин иссю» – «Сто стихотворений ста поэтов») делятся на ёми-карута (ёми-фуда – «карты для чтения») и тори-карута (тори-фуда – «карты, которые берут»). Из числа участников определяют ведущего, который зачитывает ёми-карута, остальные игроки становятся простыми участниками.

Ведущий готовит себе карты для чтения, а карты тори-фуда раскладывают на столе. Затем ведущий начинает зачитывать по одному стихотворению танка или только первую его часть (первые 17 слогов – ками-но ку). Остальные игроки за это время должны быстро подобрать из карт, разложенных на столе, окончание стихотворения (14 слогов – симо-но ку). Победителем считается тот, кому удастся собрать у себя большее количество карт тори-фуда.

Помимо соревнований «в личном зачете», устраивают и командные соревнования.

А. Среди участников определяют ведущего, остальные игроки делятся на две команды, которые усаживаются друг напротив друга.

Б. 100 карточек тори-фуда делят на две части, выкладывая по 50 карт перед каждой командой. Ведущий зачитывает стихотворение по картам ёми-фуда, а игроки подбирают соответствующие карты с заключительными строками, как из своего лагеря, так и из лагеря противника.

В. Если соответствующую карту одновременно обнаружили представители обеих команд, то предпочтение отдается той команде, в чьем ряду эта карта оказалась.

Г. В случае ошибочного указания карты игроку добавляют одну карту от команды соперников. Та команда, которая быстрее закончит подбор карт тори-фуда, с тем чтобы на столе вообще не осталось карт, считается победившей.

При проведении турниров игроки соревнуются один на один.

А. Каждый игрок выбирает из перемешанной колоды карт тори-фуда, расположенных рубашкой вверх, по 25 карт с заключительными строками стихотворения. Таким образом, всего в игре участвуют 50 карт. Каждый игрок открывает свои карты и располагает их в три ряда. В течение всей игры карты остаются открытыми, и соперники видят как свои, так и чужие.

Б. Игрокам отводится 15 минут на запоминание расположения карточек.

В. Ведущий читает начальные строки любого из ста стихотворений и, закончив, делает паузу. Игрок, у которого находится карточка с заключительными строками стихотворения, должен указать карту и прочитать окончание, назвав автора. В случае удачи попытка засчитывается, и карточка убирается со стола.

Г. Если прочитана танка, не имеющая отношения к играющим 50 картам, участник обязан промолчать. Если же будет зафиксировано ошибочное касание неверной карты в своих рядах карт или в картах соперника, то такому игроку добавляется одна из карт соперника.

Д. Если игрок возьмет карту из лагеря противника раньше, чем это сделал его партнер, то в этом случае игрок вместо выбывшей добавляет сопернику любую из своих карт. Если оба игрока одновременно назвали правильный ответ, предпочтение отдается тому, в чьем лагере находится соответствующая карта. Тот игрок, который быстрее освободится от всех своих карт, считается победителем.

Часть карт имеет повышенную стоимость. Такие карты называются «жемчужными». Это значит, что при правильном завершении продолжения «жемчужной» танка игрок имеет право скинуть соседу слева количество карт, соответствующее ее стоимости.

Известный немецкий этнограф начала XX века Карл Гагеман так писал о «жемчужных» танка:

«Ход игры становится еще занимательнее, но и в то же время и труднее, благодаря тому, что отдельные карты играют роль козырей. Наибольшую ценность имеет 12-я по порядку ута в сборнике: она стоит 20 карт. Далее особо ценятся три так называемые «жемчужные песни» (12-я, 22-я, 97-я), а затем все карты со значками хито (человек), хана (цветок), цуки (месяц), юки (снег) и кои (любовь): они стоят от трех до пяти карт. Это значит, что каждый обладатель такого козыря имеет право при произнесении данного начала песни передать своему соседу слева соответствующие штрафные карты. Кроме того, каждый игрок откладывает в начале партии какую-либо карту, содержание которой он должен запомнить. Как только соответствующая песня будет прочитана, он может передать дальше десять карт».

К. Гагеман отмечает также, что у проигравших рисуют на лбу белое или черное кольцо.

Помимо карт с текстами «Хякунин иссю», есть и другие поэтические карты. Например, можно назвать карты, посвященные творчеству великого поэта-странника Басё. В этой игре участники «путешествуют» вслед за Басё по всей стране. В игре собраны 50 наиболее известных стихотворений поэта, соответствующих 50 памятным местам пребывания Басё. Таким образом, в игре участвуют 100 карт: 50 карт ёми-фуда, которые использует ведущий, и еще 50 – соответствующие им карты э-фуда (карточки с картинкой), которые берут игроки. К набору карт прилагается книжечка с подробным описанием истории создания каждого стихотворения и его кратким анализом, а также карта пеших маршрутов поэта. Цель игры – собрать как можно больше карт со стихотворениями, указав при этом пункт пребывания поэта.

Надо сказать, что сама идея карт оказалась чрезвычайно плодотворной и привлекательной. В настоящее время в Японии карты широко используются и в качестве средства обучения. Выпускается огромное количество карт по самым разнообразным областям знания: по литературе, родному языку, фольклору, географии, истории, искусству, химии, астрономии и т.д. В этой своей функции такие карты напоминают лото.

Что бы ни делали японцы, они всегда нацелены на повышение своего образовательного уровня. Даже карты они превратили в средство познания.

«Роли между нами отчетливо не распределены» Борис Пильняк и Евгений Спальвин

Во время своего первого пребывания в Японии, с середины марта до конца мая 1926 г., Борис Пильняк не раз встречался с Евгением Спальвиным.

Известный японовед, Спальвин занимал важную должность в советском посольстве в Японии. Как представитель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), он находился в центре культурных связей, с помощью которых Советский Союз надеялся, в частности, наладить свою пропаганду в японском обществе. Перед лицом беспощадного антикоммунистического японского правительства поле действия советских дипломатов было чрезвычайно ограничено. Пильняк, чье путешествие в Японию как раз вписывалось в рамки «культурного наступления» СССР, не мог не повстречаться со Спальвиным.

Мы не знаем, сколько раз они встречались. Из газет и донесений японской полиции известно, что они вместе посетили театр Кабуки-дза 1-го апреля, что Спальвин был приглашен к двум советским дипломатам, Льву Вольфу и Якову Янсону, которые один за другим приютили у себя Пильняка. Во всяком случае, эти встречи, кажется, были редкими, ибо во время проведенных в Японии двух с половиной месяцев Пильняк был окружен главным образом японскими артистами и славистами — членами Японско-русского литературно-художественного общества (ЯРАХО).

Почему же тогда я обратилась к теме взаимоотношений этих двух людей? Дело в том, что после возвращения Пильняка в СССР каждый из них был вынужден упомянуть о другом в своих письмах или сочинениях. Интересно, конечно, что автор одной из самых важных книг на русском языке о Японии («Корни японского солнца») мог узнать от такого ученого, как Спальвин, и насколько это повлияло на его собственный взгляд на Японию. С другой стороны, замечания Спальвина о Пильняке, разбросанные в его дипломатической переписке, должны быть рассмотрены хотя бы потому, что его письма

являются одним из важных источников, свидетельствующих об истории японско-советских связей этого периода. Находящиеся сегодня, в основном, в фондах Архива внешней политики Российской Федерации (АВП) и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве письма Спальвина освещают изнутри «кухню» советской культурной политики и как таковые имеют бесспорную историческую ценность. Тем не менее, эти письма — далеко не беспристрастные; вот почему важно помнить отнесенность и субъективность мнения Спальвина о Пильняке.

Сначала обратимся к замечаниям Спальвина о Пильняке, а затем — к заметкам Пильняка о Спальвине.

Спальвин о Пильняке

Во время пребывания Пильняка в Японии Спальвин не пишет о нем в своих письмах. Следует здесь заметить, что в ГАРФ и в АВП не существует отдельной папки о посещении Японии Пильняком. И это несмотря на огромное внимание, уделявшееся Пильняку тогдашними японскими средствами массовой информации. Этот факт сам по себе странен — например, существуют специальные папки о разных советских выставках или организованных посольством мероприятий в Японии. Обычно Спальвин отчитывается о культурных событиях, отправляя в Москву хотя бы газетные вырезки. Следует ли думать, что касающиеся Пильняка архивы были уничтожены или помещены в специальные фонды?

Только после отъезда писателя из Японии мы находим в письмах Спальвина упоминания о нем. Ниже они приводятся в хронологическом порядке.

1. В недатированной записке, по всей вероятности от 1926 г., Спальвин пишет о поведении некоторых русских, которые думают, что возникающий от их появления в Японии шум — доказательство интереса прессы и японского народа к ним лично. На самом деле, объясняет

Спальвин, они не понимают, что японцы вообще испытывают огромное любопытство к Западу и что любой человек с Запада, независимо от масштаба его личности, является объектом их внимания. В качестве примера такого недоумения Спальвин приводит Давида Бурлюка (находился в Японии с октября 1920 г. до августа 1922 г.) и Бориса Пильняка. Он пишет об обоих, что они «смотрят на рекламу не так, как японцы, и стараются обложить ее в свою пользу»¹.

2. Второе упоминание о Пильняке в конце 1926 г. находится в письме Григорию Беседовскому, поверенному в делах с июля 1926 г. по январь 1927 г. Спальвин намекает на неблагодарность и невежливость Пильняка, который после своего отъезда из Японии ни разу не написал своим японским друзьям:

«[...] Можно отметить со стороны всех лиц, возившихся в свое время с Б.А. Пильняком, как-то: Осанаи, Акита, Йонекава, Ида, Сигемори, Канада и др., [вызывает] крайнее удивление по поводу того, что такой с виду сердечный человек оказался таким невежей, что никому даже не прислал ни одной даже открытки. Когда и я должен был подтвердить, что и у меня нет известий о нем, то со всех сторон раздавались возгласы — конки на хито (беспечный, равнодушный, которого ничем не пробьешь)»².

Два члена ВОКС'а в Москве, И. Коринец и Д. Новомирский, ссылаясь на письмо Спальвина Беседовскому от 1 декабря 1926 г. (по всей вероятности, это было процитированное выше письмо), чувствуют себя обязанными принести свои извинения через Спальвина перед членами Японско-русского литературно-художественного общества за некорректность своего соотечественника:

«Случай с Б.А. Пильняком, поистине, неприятен. Просим Вас при случае извиниться перед нашими японскими друзьями от нашего имени за его некорректность: нас огорчает это обстоятельство, так как он, до известной степени, был рекомендован нами»³.

3. В письме от 4 января 1927 г. директорисе ВОКС'а с 1925 г. до 1929 г. Ольге Каменевой Спальвин сообщает о японской критике в адрес Пильняка и его книги о Японии:

«[...] Один из самых крупных современных критиков и писателей Масамуне дал уничтожающую критику Пильняка, правда, проф. Йонекава написал возражение, но подход Масамуне остается. Один из старейших японских журна-

листов Идзуми прочитал у меня в кабинете все статьи Пильняка в Асахи Симбун и спросил, не очень ли молод автор, так как подобным образом рассуждают японские гимназисты. Нобори недавно писал, что Пильняк давно отставленная величина и в качестве таковой он ездил в Японию набраться впечатлений, теперь же в СССР имеются совсем другие писатели. Отаке говорил, что в Японии злоупотребляют в прессе эпитетами «великий», «звезда» и пр. по отношению к любому приезжему писателю»⁴.

4. В письме от 21 июля 1927 г., снова адресованном Ольге Каменевой, Спальвин издевается над манерой некоторых советских писателей раздувать в их текстах значимость никому не известных авторов. Вот что пишет Спальвин относительно Сигэмори Тадаси (переводчик и член ЯРХЛО), о котором упоминает Пильняк в своей книге:

«Почтенный Пильняк нашего общего знакомого Сигемори произвел в писатели, вероятно, за заслуги, обнаруженные выпуском на японский рынок некоторых произведений Ленина и Троцкого в таком виде, что они приемлемы для японской цензуры, но мало похожи на оригинал»⁵.

5. Перевод «Письма цементной бочки» — новая возможность для Спальвина упомянуть о Пильняке. Этот рассказ пролетарского писателя Хаяма Ёсики был переведен Эленой Терновской⁶ и отредактирован Пильняком; затем он был опубликован под двумя именами переводчиков в номере 20 «Красной Нивы» в 1927 г. В мае 1927 г. Спальвина попросили перечитать этот перевод⁷. Вот что он сообщает о нем в письме от 21 февраля 1928 г.:

«Я боюсь посторонних корректур, так часто уничтожающих всякий смысл, как то видно по поправкам перевода тов. Терновской в Письме из Цементной бочки в Красной Ниве, сделанным Борисом Пильняком и доведшим здесь Терновскую до слез и чуть ли не истерики»⁸.

Три месяца спустя Спальвин в письме членам ВОКС'а, И. Коринцу и В. Соркину, вновь упоминает о разочаровании Терновской. Так как они попросили у него обзор современной японской литературы, то Спальвин уточняет, что «самая знаменитая... вещичка» Хаями — «Письма цементной бочки», «которая и передана в переводе Терновской, но испорчена под редакцией Пильняка, если не ошибаюсь, в Красной Ниве (бедная Терновская плакала, когда увидела свое произведение в таком виде)»⁹.

6. Наконец, 25 апреля 1928 г. Спальвин пишет Александру Трояновскому — послу в Японии с 1928 г. до 1933 г., что владелец издательской фирмы «Гэнсися», которая напечатала в сентябре 1927 г. перевод «Корней японского солнца», больше оценивает глоссы Романа Кима, сопровождающие текст Пильняка, чем сам этот текст¹⁰.

Вот замечания Спальвина, касающиеся Пильняка, которые мы нашли в ГАРФ и АВП. Все они со всей очевидностью свидетельствуют о некоторой враждебности японоведа к писателю.

Другие письма помогают нам найти объяснения такой враждебности. Кажется, Спальвин был очень рассержен за то, что Пильняк не занимался публикацией в Советском Союзе его переводов, порученных ему при его отъезде из Токио. Речь, в частности, идет о переводе «Эпохи безжалостного убийства младенцев» — пьесы пролетарского драматурга Акита Удзюку (он много общался с Пильняком во время его путешествия по Японии). В письме Ольге Каменевой от 24 ноября 1926 г. Спальвин пишет по этому поводу:

«Б.А. Пильняк, прощаясь со мной, забрал у меня, с обещанием издать в печати и удовлетворить меня гонораром, ряд моих переводов с японского, в том числе также и данный перевод пьесы Акита, конечно, без предисловия, так как его тогда не существовало. Со времени отъезда Б.А. Пильняка из Японии теперь уже прошло около шести месяцев, и я боюсь, что он про мои переводы совершенно забыл, так как до сих пор от него нет никаких известий или сообщений. Кроме того, в отношении пьесы Акита, в настоящее время, когда к ней написано особое введение, положение сильно меняется, и я был бы против издания ее без этого предисловия с автобиографическими данными Акита. Поэтому очень прошу Вас, во избежание недоразумений, согласовать вопрос об издании пьесы Акита с Б.А. Пильняком в таком смысле, чтобы освободить его от данного им, но пока еще не выполненного обещания издать эту пьесу. Равным образом я полагал бы более полезным и целесообразным, чтобы и другие мои переводы, забранные Б.А. Пильняком для издания, но не изданные им, поступили в Ваш портфель по редакции Запада и востока, где они могут пригодиться для заверстки страниц» (ГАРФ. Ф.5283. Оп.4. Д.17. Л.169 и 169 об.).

Спальвин прилагает к этому письму следующее свое письмо Пильняку:

Борису Андреевичу Пильняку
Москва
Токио, 24 ноября 26 года

Дорогой Борис Андреевич,

Так как роли между нами отчетливо не распределены, то оставляю в стороне историю о Магомете и горе. Боюсь дать маху, да невзначай обидеть кого-нибудь одного из нас.

Мы все... очень скорбим и печалимся, что почта именно в отношении весточек от Вас надежна до глумления над человеческим достоинством. А у нас на этой почве разыгрывается драма, чуть ли не трагедия. Я к Аките за биографией, потому что хочу его печатать, а он ко мне с недоумением утверждает, что в моем переводе его печатает Пильняк, как уговорено, хотя и не подписано.

Помня Ваш афоризм о пчелах и приплетных руках, я дописал начатое и, не имея от Вас ни слуха ни духа, озабочен вопросом о том, как с Дальнего Востока попасть туда, куда Вы обещались меня поместить.

Лето сменила осень и уже скоро будем петь — а на черны волосы снежок белый ложится. И вот, чтобы выйти из тупика, я посылаю полную рукопись, касающуюся Акиты, тов. О.Д. Каменевой с просьбой ей распорядиться, Вас же прошу передать Ольге Давыдовне все то, что у Вас из моего сохранилось неизданным, и, прежде всего, пьесу Акиты. За изданное же, буде таковое окажется, Вы меня, конечно, вознаградите и лицезрением и монетой?

С сердечным приветом Ольге Сергеевне¹¹ и рукопожатием Вам от Елизаветы Александровны¹² и меня.

Ваш в пииты не попавший, но пописывающий на досуге (есть и были в Японии такие сочинители «досужных травок» и притом знаменитых и классических).

Е. Спальвин¹³

Если не последовало ответа от Пильняка, то Спальвин, по крайней мере, получил письмо от И. Кореница и Д. Новомирского, датированное 28 декабря 1926 г.:

«С Б.А. Пильняком дело обстоит так: по его словам, он не имел до сих пор возможности поместить Ваши переводы, ввиду, якобы, особого положения, в которое он теперь поставлен; этим он, очевидно, намекал на временное запрещение ему печататься, хотя, непонятно, какое

отношение это имеет к Вашим литературным произведениям, которые должны были появиться, конечно, за Вашей подписью. Мы передали ему Ваше письмо, и оно, очевидно, произвело на него надлежащее впечатление. Он, вероятно, напишет Вам сам»¹⁴.

Продолжение этого письма, вероятно, стало причиной озлобления Спальвина по отношению к Пильняку. Упомянув перевод пьесы Акиты, Коринец и Новомирский добавляют в скобках, что «Б.А. Пильняк, между прочим, считает пьесу совершенно неудачной, с чем мы, однако, совершенно не согласны»¹⁵.

Затем в письме 9 февраля 1927 г. они объясняют Спальвину следующее:

«От Б.А. Пильняка мы получили обратно сданные Вами ему вещицы: он ничего не сделал для того, чтобы их поместить, и объясняет Вам причины в письме, которое мы прилагаем при сем. Насколько убедительно это письмо, будете судить сами»¹⁶.

Нам не удалось обнаружить это письмо Пильняка Спальвину. В любом случае, оно не мешало тому, чтобы 15 апреля 1927 г. Спальвин настаивал перед Ольгой Каменевой на необходимости публикации пьесы Акита — так как японский драматург собирается участвовать в Москве в праздниках годовщины Октябрьской революции, эта публикация позволила бы оплатить часть затрат на путешествие. Впрочем, уточняет Спальвин, Акита прекрасно помнит о приличных суммах, заработанных Пильняком в Японии за статьи в «Асахи симбун»¹⁷.

Приведенные материалы указывают, что саркастические замечания Спальвина ни в коей мере не связаны с клеветнической кампанией, разгравшейся с мая 1926 г. против автора «Повести непогашенной луны»¹⁸. Но, без сомнения, в Москве нашлись люди, готовые слушать нападки Спальвина на Пильняка. Даже если они не имели отношения к заговору, жертвой которого стал Пильняк в СССР, язвительные замечания Спальвина сами по себе не менее клеветнические, что мы и хотим доказать.

В «Корнях японского солнца» Пильняк ясно говорит, насколько интерес, проявленный к нему японскими средствами массовой информации, ни в чем не зависел ни от него самого, ни даже от его творчества. Он пишет об этом:

«Мне сейчас надо утвердить, что все, что выпало мне в Японии, я принимаю никак не на мой счет, а на счет нашей советской общественности, представителем которой я был там»¹⁹.

В то же самое время Б.А. Пильняк никак не упоминает в своей книге то впечатляющее количество статей в японских газетах и журналах, посвященных ему лично.²⁰

Что касается пильняковской «неблагодарности» к своим японским друзьям, то Спальвин проявляет здесь либо незнание, либо коварство. На Пильняка по возвращении в сентябре с Дальнего Востока со всех сторон посыпались политические обвинения; у него теперь были совсем иные заботы, чем писать теплые слова далеким друзьям или вспоминать счастливые месяцы, проведенные в Японии. Однако он все-таки отправил письмо, адресованное своим знакомым в Японии. Оно датировано 19 февраля 1927 г. Письмо появилось на японском языке в майском номере 1927 г. журнала «Нитиро гэйдзюцу». Не упоминая о выпавших в Москве на его долю испытания, Пильняк объясняет свое молчание болезнью:

«Приехав в Москву, я заболел, а когда, наконец, выздоровел, уже наступил январь. Во время болезни я не мог даже держать в руках перо. Поэтому и до работы, за которую я планировал взяться по возвращении, руки не доходили. Я совсем не мог писать, даже написать письмо и то было мне нелегко»²¹.

О литературном качестве «Корней японского солнца» у каждого может быть свое мнение. Относительно якобы уничижительного отзыва Нобори Сёму о Пильняке. В его текстах мы не нашли никаких отрицательных оценок. Кроме того, не странно ли, что он мог написать о тридцатидвухлетнем писателе, что он является «отставленной величиной»?

Ремарка Спальвина о Сигэмори — свидетельство того, что японовед не умеет или не хочет оценить очерк Пильняка должным образом. Дело в том, что в рассказе «Дневники Синсю», которым открывается книга, для автора важно прославить общность или, как он говорит, «сборность» писателей. Именно этому братству он обязан тем, что остался в живых в этом сошествии в ад, которым было путешествие в Японию и о котором Пильняк очень тонко «отчитывается» на первых страницах своей книги²². И поэтому ему важно было представить Сигэмори как настоящего писателя.

В том, что касается перевода Хаями, мы, конечно, не можем узнать, действительно ли, читая отредактированный Пильняком перевод, Терновская плакала.

Можно было бы на этом поставить точку, если бы забота об исторической достоверности не заставляла нас упомянуть о некоторых чертах характера Спальвина, проявляющихся в переписке дипломата с современниками.

В 1927 и 1928 гг. несколько советских граждан, посетивших Японию, высказывают свое недовольство представителем ВОКС'а в Токио. Искусствовед Николай Пунин, организатор выставки советской живописи в разных городах Японии с мая по июль 1927 г., жалуется на него в письме от 24 мая 1927 г.²³ В свою очередь, Коринец и Новомирский искренне заявляют Спальвину 31 августа 1927 г.:

«Мы должны вам откровенно сказать, что приезжающие из Японии иностранцы и русские жалуются на Вашу авторитарность и неадекватность. Мы долгое время считали эти жалобы случайными и несправедливыми. Но новые сведения, полученные нами, вполне подтверждают дошедшие до нас слухи»²⁴.

И в том же письме два члена ВОКС'а намекают на пьесу Акита: они признают, что предпринятые ими усилия для ее опубликования остались напрасными, «потому что, к сожалению, наши журналы несколько иначе оценивают такие произведения».²⁵ Похоже, что отрицательное мнение Пильняка о пьесе разделяли и многие другие.

Это общее недовольство проскальзывает и в других письмах. 17 марта 1926 г. Коринец и Новомирский упрекают Спальвина в чрезмерно субъективной оценке Японско-русского литературно-художественного общества. Оба замечают противоречия в рассуждениях Спальвина²⁶. Чуть позже, в письме от 29 февраля 1928 г. полпреду Трояновскому Каменева заявляет, что со Спальвином дела обстоят все хуже и хуже, за шесть месяцев она не получила от него ни одного письма. Директриса ВОКС'а советует найти преемника Спальвину²⁷. Трояновский отказывается от этой идеи: Спальвин незаменим из-за владения японским языком, Николай Конрад не желает его заместить, а Терновская, возможный кандидат на этот пост, собирается уехать из Японии. 14 сентября 1928 г. Трояновский пишет Каменевой:

«Вы, например, продолжаете быть отрицательного мнения о работе Спальвина, я же считаю, что без Спальвина в японских условиях ВОКС'у будет плохо. Но при сложившейся ситуации, даже если Спальвин останется, он, вероятно, от работы ВОКС'а отойдет».²⁸

При чтении этих материалов становится понятно, что ремарки, направленные против Пильняка, в немалой мере результат тяжелого характера Спальвина.

Пильняк о Спальвине

Что же пишет сам Пильняк о Спальвине? В «Корнях японского солнца» Спальвин упомянут дважды. Один раз в сноске, другой — прямо в тексте, но каждый раз Пильняк уточняет, что он основывается на информации или мнении Спальвина²⁹. Кроме своих переводов, Спальвин мог дать Пильняку некоторые письменные результаты своих исследований. Во всяком случае, как мы знаем, между ними практически не было переписки после отъезда Пильняка из Японии.

Имя Спальвина снова появляется у Пильняка в 1933 г. в его второй книге о Японии «Камни и корни»³⁰. Эта книга опубликована в 1933 г., т.е. в год смерти Спальвина в Харбине³¹. К сожалению, нам не удалось уточнить дату его смерти и определить, произошла ли она до или после публикации книги в «Новом мире». На этот раз Пильняк обвиняет Спальвина в принадлежности к тем, кто дает лживое представление о Японии. Как Лафкадио Хэрн, Клод Фаррер, Бернард Келлерманн или Пьер Лоти, Спальвин — один из тех, о ком Пильняк напишет:

«Очень много наврали о Японии различные европейские писатели, ученые и путешественники»³².

Наше знание Пильняка позволяет сказать, что это один из редких случаев, если не единственный, когда этот при жизни оклеветанный писатель выступает против русского современника. Нам кажется, что, будь Спальвин еще жив, Пильняк проявил бы большую осторожность.

Пильняк обвиняет Спальвина в средневековом представлении о современной Японии. Спальвин — один из тех, кто «путает по учености своей, к примеру, за изучением какой-нибудь тысячелетней Мурасаки Сикибу тысячелетью с сегодняшним днем, и, кроме оной Мурасаки Сикибу, ничего не знающий толком»³³. Здесь следует отметить, что оба упоминания о Спальвине в «Корнях японского солнца» находятся в главе о проституции в Японии, где Пильняк рассуждает о «метафизике пола» в этой стране³⁴. Книга же была больше всего раскритикована именно из-за этой главы.

Можно по этому поводу осмелиться на следующую гипотезу: Спальвин, наверное, дал Пильняку материалы и документы, касающиеся

этого вопроса, но, вероятно, в стиле тех, которые частично сформулированы в его очерке «Взгляд на Японию со стороны», написанном Спальвиным на японском языке и выпущенном в 1931 г. издательством «Синтёся» в Токио. Однако этот подвергнутый цензуре очерк (он содержит много пропусков) дает представление

о японоведе как об ученом с очень эксцентричным взглядом на японский эротизм.

Вот в нескольких словах история отношений между двумя очень различными личностями, каждая из которых по-своему сыграла важную роль в открытии Японии в России.

Примечания

- ¹ АВП. Ф. 203. Оп. 1. П. 8. Д. 88. Л. 20 об.
- ² АВП. Ф. 0146. Оп. 9. П. 125. Д. 74. Л. 21.
- ³ Письмо от 9 февраля 1927 г. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 30.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 112 об.
Масамуне - вероятно, Масамунэ Хакутё (1879-1962), писатель и литературовед из натуралистической школы. Нобори - Нобори Сёму (1878-1958), один из самых крупных японских славистов XX в. Нам не удалось идентифицировать, кто были Идзуми и Отаке. Здесь намекается о серии статей Пильняка, опубликованной в «Асахи Симбун» весной 1926 г под названием «Впечатления от новой Японии».
- ⁵ АВП. Ф. 0146. Оп. 10. П. 131. Д. 68. Л. 55.
- ⁶ Родилась в 1901 г., училась в Университете Владивостока, в 1926 г. была в командировке в Японии, затем работала в посольстве в Токио. Вернулась в Советский Союз в 1928 г. Была арестована 1 ноября 1937 г. и расстреляна 10 февраля 1938 г. Она похоронена в той же братской могиле, что и Пильняк, на юге Москвы. См.: Расстрельные списки. Москва 1937-1941 гг. «Коммунарка», Бутово. М., «Мемориал» / «Звенья», 2000, с. 399.
- ⁷ Письмо Спальвину И. Коринца и В. Соркина от 20 мая 1927 г. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 138.
- ⁸ Письмо Спальвина Ольге Каменевой. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 33. Л. 217.
- ⁹ Письмо Спальвина Ольге Каменевой от 12 мая 1928 г. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 49. Л. 65.
- ¹⁰ Письмо Спальвина А.А. Трояновскому от 25 апреля 1928 г. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 33. Л. 11.
- ¹¹ Ольга Сергеевна Щербиновская (1891-1975) - актриса Малого театра. Была гражданской женой Пильняка с 1924 до 1933 гг., сопровождала его в Японию в 1926 г.
- ¹² Речь, вероятно, идет о жене Спальвина.
- ¹³ АВП. Ф. 203. Оп. 1. П. 8. Д. 85. Л. 64.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 17. Л. 19 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 17. Л. 19 об.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 27.
- ¹⁷ Письмо Спальвина Ольге Каменевой. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 23. Л. 2 об. и 3.
- ¹⁸ Одно из наиболее известных произведений Б.А. Пильняка.
- ¹⁹ Б. Пильняк. Корни японского солнца. Л., «Прибой», 1927, с. 93.
- ²⁰ См.: Савелли Д. Нихон-ни окэру Борису Пирияку соси (Японская библиография Пильняка) // «Хикаку бунгаку Нэнси». Васэда дайгаку, т. XXXV, 1999, с. 1-18.
- ²¹ Пильняк Б. Хинокитё, рокубантё. Сакура // «Нитиро гайдзюцу», май 1927, № 14, с. 33. Текст на японском языке. Нам не удалось найти оригинал на русском языке. Перевод письма принадлежит Евгении Сахаровой.
- ²² О мотиве сошествия в ад см. нашу статью «Мотив 'Сошествия в ад' в 'Дневниках с Синсю' Б.А. Пильняка» // А.П. Ауэр (ред.). Исследования и материалы. Вып. III-IV. Коломна, 2001, с. 79-92.
- ²³ АВП. Ф. 0146. Оп. 10. П. 131. Д. 71. Л. 16 об. и 17.
- ²⁴ АВП. Ф. 0146. Оп. 10. П. 131. Д. 68. Л. 45 об.
- ²⁵ АВП. Ф. 0146. Оп. 10. П. 131. Д. 68. Л. 46. Пьеса в переводе Спальвина была, в частности, предложена редакции «Огонька». См.: письмо Д. Новомирского и Е. Савостьянова М. Кольцову от 5 января 1927 г. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 98.
- ²⁶ АВП. Ф. 0146. Оп. 10. П. 131. Д. 71. Л. 7.
- ²⁷ АВП. Ф. 0146. Оп. 11. П. 137. Д. 64. Л. 1 и 1 об.
- ²⁸ АВП. Ф. 0146. Оп. 11. П. 137. Д. 64. Л. 40 об.
- ²⁹ См.: Пильняк Б. Корни японского солнца, с. 36, 41.
- ³⁰ Пильняк Б. Камни и корни // «Новый мир». 1933, № 4, с. 5-46; № 7-8, с. 87-155. Затем книга была дважды исправлена и переиздана. См.: Камни и корни. М., «Советская литература», 1934; Камни и корни. М., «Художественная литература», 1935.
- ³¹ Спальвин увольняется из посольства в 1931 г. и затем работает на КВЖД в Харбине.
- ³² Камни и корни. 1934, с. 55.
- ³³ Камни и корни. 1934, с. 55.
- ³⁴ Корни японского солнца. 1927, с. 36.

Концепция кармы в «Повести о Гэндзи»

«Карма» является одним из ключевых понятий буддизма. С момента возникновения буддизма концепция кармы стала считаться его отличительной чертой, в сравнении с другими религиозными учениями, особенно за пределами Индии. О.О. Розенберг, обсуждая смысл и значения термина «карма», отмечает его некоторое сходство с европейскими понятиями судьбы, рока, удела, доли. Поскольку в популярном понимании совершенные проступки в прошлой жизни влекут за собой тягостные последствия в настоящей, а следствием добрых дел является благополучие в будущей жизни, то, как говорит О.О. Розенберг, «карма, следовательно, является чем-то роковым в том смысле, что человек не может избежать последствий своих же поступков; с одной стороны, он в состоянии сознательно создать для себя лучшие условия в будущем, а в этом смысле карма зависит от свободной творческой его силы».

Вместе с тем принципиальное, на наш взгляд, отличие представлений о судьбе, сформировавшихся в древнегреческой культуре и в буддизме, заключается в том, что у древних греков все мифологемы и понятия, обозначающие судьбу, — «мойра», «дикэ», «ананке», «тюхэ» — являются абсолютно внешними по отношению к человеку силами, непроницаемыми для его разума и воли. Очень хорошо это выражено у поэта Феогнида:

«...Не сам человек — творец своей жизненной доли.

Счастье и бедствия шлют боги — податели нам.

Знает ли кто из людей, устремляясь к задуманной цели,

Мурасаки

Что достижение даст, благо иль тяжкое зло?
Часто мы думаем зло сотворить, — и добро совершаем;

Думаем делать добро, — зло причиняем взамен.
И никогда не сбывается то, чего смертный желает,

Жалко беспомощен он, силы ничтожны его.
Тщетно мы, люди, гадаем и ждем. Ничего мы не знаем.

Все совершается так, как порешит божество».

О непостижимости и непостоянстве судьбы говорил и Софокл:

«...по правде

Мы не должны ни горькой, ни счастливой

Жизнь человека называть — до смерти.

Вот счастья баловень — вот горя сын -

И что ж? Случайность манием единым

Того низвергнет, этого возвысит,

А как — того не скажет и пророк».

Пиндар в одной из своих олимпийских од воспевает всемогущую удачу:

«Тебе молюсь,

Дочь Зевса Избавителя,

Хранящая Удачу:

.....

Тобою в море

Правятся быстрые корабли,

Тобою на суше

Вершатся скорые войны и людские советы.

Вскатываются и скатываются то ввысь, то вниз

Чаянья людские,

Прорезая зыбучую ложь:

Никому из живущих на земле

Нет от богов верного знака о будущем, -

Ум к предстоящему слеп.

Многое неожиданное

Выпадает людям, радости наперекор,

Иным же встречные бури

Глубоким благом мгновенно оборачивали скорь».

У Пиндара судьба определяет фактически все человеческие поступки и дела, сама оставаясь ему

Акиконому

неподвластной и непостижимой. Софокл в своей драме «Царь Эдип» намеренно наделяет Эдипа только положительными качествами. А. Боннар отмечает, что «с самого начала драмы его образ воплощает в себе высшие добродетели человека и вождя... боги, намеревающиеся его поразить, не могут сослаться при этом на его надменность или дерзость... в этом человеке все настоящее, в его судьбе все заслуженно». «Очевидно, — объясняет В.П. Горан, — что это тщательно создаваемое поэтом впечатление «положительности» Эдипа призвано заставить зрителя не просто фиксировать умом, а непосредственно ощутить и глубоко прочувствовать незаслуженность, необусловленность — никакими поступками или даже помыслами — тех бед, которые рок обрушивает на Эдипа».

Очевидно, что такая драма, как «Царь Эдип», никогда не могла бы появиться в буддийской Японии. «Карма», — отмечает Т.П. Григорьева в книге «Дао и Логос», — (от санскр. «кри» — «делать») — одно из основных понятий буддизма. Сознательное действие, нравственный закон, формирующий жизнь человека. Карма наследуется от прежних существований и творится настоящей жизнью (по пословице — «что посеешь, то и пожнешь»). В каком-то смысле карма — это память или подсознание, от которого ничто не утаится, рано или поздно найдет соответствующий отклик; в этом смысле карма — абсолютная Справедливость. Иногда переводится как закон воздаяния за добрые и злые дела: ни то, ни другое не проходит бесследно. Карма также одна из сил, контролирующая мировой процесс, — космический закон... есть момент всеобщей ответственности за мировую карму, ибо она творится сообща: национальной, социальной, индивидуальной кармой — каждого существа».

Понятие «кармы» как закона причинно-следственной зависимости, как общего итога поступков героев и как предопределенности человеческой судьбы, отразилось в знаменитом романе Мурасаки Сикибу «Гэндзи-моногатари» («Повесть о Гэндзи»). Можно даже сказать, что «карма» явилась

основным принципом, определившим структуру романа. Мори Итиро считает даже, что «концепция «кармы» составляет идейную основу «Гэндзи-моногатари».

Идея кармы фигурирует уже в ранней японской литературе эпохи Хэйан. В «Такэтори-моногатари» («Повесть о старике Такэтори») появление небесной девы Кагуя-химэ в доме дровосека Такэтори объясняется тем, что в одном из прежних рождений она совершила грех и была изгнана на землю, чтобы искупить его. Героиня «Отикубо-моногатари», унижаемая злой мачехой, считает свои муки наказанием за проступки в прошлых рождениях. Большинство японских дневников и эссе X-XI вв. проникнуты идеей кармы. Так, автор «Дневника поденки» («Кагэро-никки»), удрученная неверностью своего мужа, в конце концов, приходит к заключению, что ее несчастья — результат плохой кармы. Сэй-сэнагон в своих «Записках у изголовья» вспоминает о карме даже в тот момент, когда никто из придворных не может сложить подходящего к случаю стихотворения.

Говоря об идее кармы в японской литературе, нельзя не упомянуть особый литературный жанр, определяемый в японской гуманитарной науке как «буддийская литература устных рассказов» (буккё сэцува бунгаку). Это сборники буддийских преданий, легенд и житий. Родоначальником этого жанра является монах Кёкай, создавший на рубеже VIII-IX вв. сборник буддийских легенд «Нихон рёйки». Это первое в японской литературе произведение, целиком посвященное теме индивидуального кармического воздаяния. Как пишет переводчик и комментатор «Нихон рёйки» А.Н. Мещеряков, «идея кармы была поначалу воспринята в Японии на негосударственном уровне как основная идея буддизма».

Кармическое воздаяние, описанное в 116 легендах «Нихон рёйки», следует мгновенно и неотвратимо. Герои легенд, как правило, или праведники, или отъявленные негодяи и нечестивцы, они получают воздаяние за свои поступки сразу после совершения своих деяний. В предисловии к первому свитку Кёкай писал: «Воздаяние за доброе и злое неминуемо, как тень».

Третья принцесса

Югири

Карма в «Нихон рёйки» предстает также в качестве основного регулятора поведения человека. Многие злодеи и разбойники из легенд охарактеризованы как несведущие в законе кармы. Понятие «карма» органично вплелось и в некоторые синтоистские сюжеты легенд, более того, оно помогло связать воедино буддийские и синтоистские понятийные системы.

Кёкай пишет: «Изучающие внешние книги поносят Закон Будды, а те, кто читают внутренние писания, пренебрегают внешними книгами. Глупцы — заблуждаются и не ведают последствий злых и добрых дел. Мудрый же знает толк во внутренних писаниях и внешних книгах, верит в карму и трепещет перед ней». Комментируя последнее предложение, А.Н. Мещеряков замечает, что «в данном пассаже кармическое воздаяние признается не только основой буддийского вероучения, но и универсальным законом человеческого существования вообще — вне зависимости от конфессиональной принадлежности». Подчеркивая этическое значение закона кармы, Кёкай восклицает: «Если бы [карма] не указывала, что есть добро, а что — зло, то как было бы возможно выпрямить искривленное и решить, где добро, а где зло? Если бы воздаяние не вело нас, то как было бы возможно исправлять дурные сердца и шествовать дорогой добродетели?»

Анализ «Нихон рёйки» позволяет говорить о том, что к концу периода Нара понятие кармы глубоко проникло в сознание не только аристократии и духовенства, но и простого народа.

Разумеется, идея кармы не могла не отобразиться и в «Гэндзи-моногатари», самом значительном литературном произведении хэйанской эпохи, описавшем все аспекты жизни хэйанской аристократии.

Некоторые исследователи обратили внимание на то, как повлияла концепция кармы на структуру романа, и на этой основе попытались построить

сюжетную схему «Гэндзи-моногатари». Так, Фудзивара Сакутаро и И.А. Боронина подразделяют роман на три части: юность героя (годы наслаждений), зрелость (годы славы) и старость (годы расплаты).

Первая часть, согласно этой концепции, посвящена любовным похождениям Гэндзи, которого неудержимо влечет к наложнице своего отца Фудзицубо. Наконец, он добивается своей цели и сблизается с Фудзицубо, т.е. «завязывает карму своего будущего».

Вторая часть отражает период расцвета и славы Гэндзи. Однако уже в начале третьей части появляются мрачные предзнаменования. Вступив в связь с наложницей отца, Гэндзи сознает свой грех и время от времени мучается своей виной, рассматривая все последующие неудачи как удары судьбы, кару за свой грех. Далее все отчетливее проступает облаченная в буддийскую форму идея возмездия за легкомысленное поведение. Друг Гэндзи по имени Касиваги влюбляется в его молодую жену — Третью принцессу. Однако их тайная связь приносит им обоим лишь страдания, и в конце концов принцесса постригается в монахини, а Касиваги умирает, не вынеся угрызений совести.

Конец третьей части повествует о скорби самого героя. Он тяжело переживает измену Третьей принцессы и смерть любимой жены Мурасаки. Мучимый сознанием вины, греха и одиночества, Гэндзи умирает. Эта же третья часть дает развязку всему произведению, действительно близкую духу буддийской доктрины: «Какова причина — таковы и следствия». Иначе говоря, Гэндзи получает воздаяние за то, что совершил.

На наш взгляд, концепция Фудзиока Сакутаро, в целом верная, является неполной, так как отражает лишь одну сюжетную линию, т.е. жизнь главного героя, и совсем не затрагивает третью часть романа, так называемые «Десять глав Удзи», в которых также проявляется действие кармы.

Более близкую к сюжету романа схему, также состоящую из трех частей, выстраивает Кониси

Акаси

Дзинъити. Первая часть, охватывающая годы юности и зрелости Гэндзи (главы «Павильон Павлоний» — «Листья глициний»), обозначена им как «Реальность и ее предвидение». Здесь жизнь и поступки героев предопределены их кармой в предыдущих рождениях. Уже в первой главе «Павильон Павлоний» кореец-предсказатель предсказывает Гэндзи возвышение его и его потомков, и в дальнейшем вся жизнь Гэндзи направлена на осуществление этих предсказаний. Стремясь к тому, чтобы его единственная дочь стала женой императора, он убеждает ее мать, госпожу Акаси, отдать девочку на воспитание своей наложнице Мурасаки, чье происхождение гораздо выше. И хотя это решение мучительно как для обеих женщин, так и для самого Гэндзи, оно оказывается верным. Благодаря воспитанию и опеке Мурасаки дочь Гэндзи получает возможность стать одной из императорских наложниц, а затем — императрицей и матерью наследного принца.

Далее Гэндзи, предвидя, что в будущем его сын Югири займет высокий пост министра, заставляет его заниматься науками и продвигаться по служебной лестнице самостоятельно, вместо того, чтобы дать ему новый ранг в обход других чиновников (как это было принято в эпоху Хэйан для детей высоких сановников). Хотя Югири и его родственники по материнской линии чувствуют себя обиженными, по мнению Гэндзи, образование, полученное сыном, в дальнейшем поможет ему успешно справляться со служебными обязанностями.

Гэндзи

В первой части карма главных героев воздается их детям. Кирицубо, матери Гэндзи, приходится перенести немало страданий из-за своего низкого ранга, но затем ее сын, в конце концов, становится самым влиятельным человеком при дворе. Дочь Югао, «женщины среднего сословия», Тамакадзура становится придворной дамой высокого ранга и женой принца крови. Еще большего успеха добиваются Акиконому (дочь униженной и оскорбленной Рокудзэ) и дочь госпожи Акаси: они обе становятся императрицами. Возвышением детей как бы компенсируется страдание и незначительность их матерей — бывших возлюбленных Гэндзи. И наоборот, Югири, сын гордой и надменной Аои (жены Гэндзи), публично унижает свою соперницу Рокудзэ, как бы в наказание за высокомерие своей матери терпит трудности в начале своей карьеры.

В конце первой части романа каждый получает то, к чему стремился. Гэндзи находится в зените славы: он становится Великим министром, отцом императора, его дочь становится императрицей, сын достигает высоких чинов и женится на своей давней возлюбленной Кумои-но кари, дочери То-но-тюдзэ. Сам То-но-тюдзэ после Гэндзи получает пост Великого министра, его многочисленные дети также занимают высокое положение. Все женщины, связанные с Гэндзи, поселяются в его дворце на Шестой линии, и каждой он оказывает внимание. Таким образом, к концу первой части сбывается «счастливая карма» героев книги.

Во второй части романа (главы «Первая зелень» — «Кудесник даос») тон повествования постепенно меняется, становясь все более мрачным. Этой части Кониси дает условное название «Карма и предопределенное страдание». В первых двух главах описывается новое бракосочетание Гэндзи. Он вынужден жениться на Третьей принцессе, любимой дочери экс-императора Судзаку. Казалось бы, союз с принцессой должен стать еще одним доказательством благосклонности судьбы к блистательному Гэндзи, но вместо этого он (прямо или косвенно) приносит несчастье всем героям книги. Прежде всего, это событие ранит любимую жену Гэндзи — Мурасаки. Чувствуя себя старой и ненужной, она заболевает неизлечимой болезнью. Гэндзи также не рад новому браку: в принцессе его отталкивает инфантильность и душевная незрелость. Сама же принцесса вскоре после замужества вступает против своей воли в тайную связь с Касиваги. С давних пор безумно влюбленный в принцессу Касиваги неоступно преследует ее. Наконец он добивается свидания с ней, однако это лишь усугубляет его страдания. Кульминацией второй части является

тот момент, когда Гэндзи узнает об измене своей молодой жены и понимает, что ребенок, рожденный ею, — не его сын. Несмотря на все свои муки и возмущение, он вынужден смириться с этим, поскольку сам в годы молодости совершил неосмотрительный поступок: соблазнил любимую жену своего отца — Фудзицубо: «наверное, это и есть возмездие за преступление, воспоминание о котором постоянно гнетет меня».

Все комментаторы и исследователи «Гэндзи-моногатари» считают этот эпизод хрестоматийным примером воздействия кармы в романе. Иван Моррис пишет в этой связи: «Долгое время считалось, что основная цель «Гэндзи-моногатари» была в том, чтобы иллюстрировать философию кармы». В самом деле, если в первой части книги Гэндзи пожинал плоды своей благоприятной кармы, то во второй он расплачивается за грехи молодости. Однако в данном случае карма проявляется дважды. Автор дает понять, что связь принцессы с Касиваги — это не только наказание Гэндзи за соответствующее прегрешение в молодости, но и следствие поступков, совершенных Гэндзи, принцессой и Касиваги в прошлых рождениях. Таким образом, продолжает Кониси, «страдание во второй части не похоже на боль или страдание в обычном смысле; в дополнение энергия прежних поступков переносится в настоящее существование вместе с кармическим страданием как неизбежный результат». Хотя в первой части героям «Гэндзи-моногатари» также приходится страдать, но именно во второй части книги страдание у Мурасаки Сикибу приобретает буддийскую форму.

В буддизме выделяют 4 основные формы страдания (духкха): иллюзорная жизнь, старость, болезнь и смерть. Они также подразделяются на следующие 4 категории: 1) страдания, порожденные желаниями; 2) страдания, вызванные разлукой с любимыми существами; 3) страдания, причиненные ненавистью; 4) страдания, вызванные пятью скандхами (формой, чувством, восприятием, импульсами и вторичным сознанием).

Во второй части книги Гэндзи страдает от осознания наступающей старости и разлуки с любимой Мурасаки. Касиваги причиняют муки его желания (безответная страсть к Третьей принцессе), болезнь и смерть. И, наконец, всем персонажам книги их жизнь кажется сплошным страданием.

Карма Гэндзи не исчерпывается вместе с его смертью, а продолжает оказывать влияние на жизнь его потомков: внука Ниоу и названного сына Каору.

Ниоу, подобно Гэндзи, обладает удивительной красотой и обаянием. В отличие от Гэндзи у него нет разносторонних талантов, он поглощен одним

страстным увлечением — составлением ароматов. «Казалось, ничто другое не волнует его. Многие считали это довольно странной причудой и говорили, что он слишком изнежен, что нельзя постоянно потакать собственным прихотям... Гэндзи, к примеру, никогда не позволял себе предаваться с таким увлечением какому-то одному занятию». Ниоу, занимая высокое положение, вступает в связь с женщинами более низкого ранга (Нака-нокими и Укифунэ), как и Гэндзи, которого привлекали, прежде всего, «женщины среднего сословия». Но если для Гэндзи такие качества его возлюбленной, как изящество, утонченность, душевная чуткость, значили гораздо больше, чем ее звание и даже внешность, то Ниоу в его избранницах привлекает, прежде всего, их красота. В Ниоу, на наш взгляд, воплощается «чувственная» карма Гэндзи.

Каору с самого детства мучают сомнения, связанные с обстоятельствами его рождения. Даже когда он узнает, кто его истинный отец (Каору — сын Касиваги и Третьей принцессы), его страдания не уменьшаются, поскольку он не может открыто воздать ему посмертные почести. Выход он видит в обращении к Будде. Его вера возрастает, когда он встречает Восьмого принца.

Принц, испытавший в жизни немало горя и разочарований, становится «монахом в миру» и проводит все дни в молитвах, помышляя лишь о «Земле вечного блаженства» — рае Будды Амиды. Кониси полагает, что Восьмой принц, возможно, — первый литературный персонаж, в образе которого отразилось влияние учения о Чистой Земле (Дзэдо), которое постепенно распространилось в хэйанском обществе. Это, на наш взгляд, не совсем верно, так как уже в первой части появляются герои, стремящиеся к перерождению в Чистой Земле, например, отшельник из Акаси. Однако судьба его дочери, госпожи Акаси, беспокоит его гораздо больше, чем молитвы и обряды, и поэтому он предпринимает решительные меры, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Правильнее предположить, что в образе Восьмого принца Мурасаки впервые показывает человека, настолько преследуемого кармой и горестной жизнью, что для него нет другого выхода, как обратиться к вере в буддийский рай.

Каору вскоре влюбляется в старшую дочь принца — Ооикими, но она отказывается от брака с ним, сомневаясь в искренности его чувств. После её смерти он пытается обрести утешение, покровительствуя её сестре Укифунэ. Она же, не в силах сделать выбор между Каору и Ниоу, приходит в такое отчаяние, что решает покончить с собой и броситься в реку Удзи. Её спасают, и тогда она решает стать монахиней. Однако ее отношения с

Каору по-прежнему остаются неясными, их будущее неопределенно.

Герои третьей части обречены блуждать в мире неведения (санскр. «авидья»). Их злоключения вызваны их духовной слепотой (яп. «мумё»). Если во второй части изображен мир страданий, то в третьей — мир иллюзий (санскр. «майя»). Недаром последняя глава романа называется: «Плавучий мост сновидений» («Юмэ-но укихаси») — название, символизирующее бранный мир. В отдельных комментариях и исследованиях она считается ключом ко всему произведению. Таким образом, по мнению Кониси, основная тема третьей части — «с одной стороны — вера, с другой — духовная слепота».

Как считают герои романа, их жизнь определяют не их собственные действия или стечение обстоятельств, а карма прошлых рождений. Рассказывая Гэндзи о себе, отшельник из Акаси замечает: «Видно, моя прошлая жизнь сложилась неблагоприятно, почему я и стал жалким бедняком» («Акаси»). Когда монах Содзу из Ёкава узнает историю Укифунэ, он приходит к выводу, что это результат ее прошлого предопределения: «во всем, что с ней случилось, мне видится предопределение прошлого» («Плавучий мост сновидений»).

Нередко героям романа кажется, что сам Будда определил им такую карму, полную печали и страданий, желая открыть им всю тщету и непостоянство этого мира. Прежде всего так считает сам Гэндзи: «Благодаря высокому рождению мне не пришлось испытывать в чем-либо недостаток, и все же я постоянно думал, что редко кому достается столь печальный удел. Видно, так пожелал сам Будда, решивший, что я должен узнать всю печаль и непостоянство этого мира, но поскольку я продолжал упорствовать в неведении, то к концу жизни мне пришлось пережить непомерное страдание. И моя судьба, и жизненные силы подошли к концу, теперь ничто не привлекает меня к этому миру, подобно росе» («Кудесник-даос»).

По мнению Восьмого принца, его желание удалиться от мира было естественным, поскольку «положение у меня было такое, будто сам Будда нарочно советовал мне: «Оставь этот мир»».

Глядя на умирающую Ооикими, Каору думает, что это испытание ниспослано ему Буддой: «ему подумалось: «Быть может, Будда подверг меня такому испытанию, как бы советуя мне: «Оставь этот суетный мир» («Тройной узел»).

Здесь мы впервые в японской литературе встречаемся с таким отношением к карме, когда карма выступает как знак избранности главных героев «Повести» Буддой, чтобы дать им почувствовать тщету и страдания этого мира и вывести их на путь спасения.

Карма проявляется и в отношениях между влюбленными. Когда Гэндзи клянется в верности тем своим возлюбленным, которые особенно дороги ему (Югао, Мурасаки), то призывает их не расставаться с ним в будущих рождениях. После смерти Фудзицубо Гэндзи мечтает о том, чтобы возродиться вместе с ней в том же Лотосе, в раю Будды Амиды («Утренний лик»). Укон, застав принца Ниоу в покоях своей госпожи Укифунэ, решает, что так уж, видно, было предопределено её госпоже («Ладья в волнах»).

А.Н. Мещеряков, И. Моррис полагают, что вера в предопределение повлияла на мировоззрение хэйанского общества, развив в нем черты обреченности и отсутствие этического закона. Вот как пишет об этом А.Н. Мещеряков: «Несмотря на часто встречающийся мотив бранны и греховности своей жизни, аристократы предпринимали очень немного усилий для того, чтобы хоть как-то изменить себя, ибо фаталистически считали, что нынешнее целиком и полностью предопределено кармой, что начисто парализовало волевое усилие». Об этом же говорят и супруги Мацунага: «Карма (яп.: «сукусэ», «го», «эн», «инга») была романтически интерпретирована в литературе как неизбежный детерминизм. Человек предстал столь же хрупким, как и цветы вишни, не имея другого выхода, как оплакивать свою судьбу. Такая покорность избавляла от разочарования перед лицом неизбежности, но в то же время часто служила оправданием человеческой слабости. Литературные герои, такие, как Гэндзи, могли постоянно объяснять, что их судьба — это результат кармы, так зачем бороться с ней? Неожиданная встреча с прекрасной дамой, которая перерастала в короткую любовную связь, была «кармой», и если она не находила одобрения в обществе, то это тоже была карма. По иронии судьбы, такое представление о карме было предлогом избежать личной ответственности, что противоречило духу буддизма».

Несомненно, что многие персонажи романа, включая самого Гэндзи, считают, что их жизнь обусловлена кармой, и это часто порождает в них чувство покорности судьбе. Однако, на наш взгляд, нельзя сказать, что они вовсе не предпринимают никаких попыток изменить свою карму. Для некоторых героев романа (прежде всего, женщин) таким выходом становится принятие монашества и культивирование чувства эстетизма.

Роман «Гэндзи-моногатари» сделал многие буддийские концепции и, прежде всего, понятие «кармы» ближе и доступнее для хэйанской аристократии, поскольку проиллюстрировал их на примере их собственной жизни. Таким образом, буддизм из «внешнего» учения становился частью японского мировосприятия и мировоззрения.

Алексей Горбылёв

Первейшая школа торидэ под солнцем

В предыдущие два года выпуска журнала мы познакомили читателей с разными направлениями воинских искусств будзюцу, существовавших в традиционной, домэйдзийской Японии. А в этом сезоне хотим предложить посмотреть на тот же предмет уже на другом уровне — на уровне школы — рю, или рюха.

Как возникали и развивались школы воинских искусств? Какие механизмы обеспечивали их жизнённость, длительное сохранение во времени в изменяющихся исторических условиях? Как происходило в них обучение и какие цели оно ставило? Какую роль играли рюха в жизни локальных обществ? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить на примере нескольких школ искусства рукопашного боя дзюдзюцу, явившегося источником для столь популярных во всем мире дзюдо и айкидо.

В настоящее время все японские историки дзюдзюцу сходятся на том, что древнейшей школой этого боевого искусства следует признать Такэноути-рю — «Школу наставника (или семьи) Такэноути», основание которой предание относит к 1532 г. Это, впрочем, не значит, что в Японии нет школ дзюдзюцу, претендующих и на больший возраст. Однако, в отличие от них, Такэноути-рю имеет возможность подтвердить свои исторические притязания документами, в том числе и независимыми.

Надо сказать, что почтенный статус первейшей по времени возникновения школы дзюдзюцу за Такэноути-рю признавали

уже в середине эпохи Эдо. Так, в знаковой постоянной читателям журнала книге «Хонтё бугэй сэдэн» (1714) говорится: «Искусство когусоку — боя «малым оружием» и хобаку — «связывания» — имеет давнюю традицию. Но больше всех [своим умением] в когусоку прославилась семья Такэноути. В настоящее время ее искусство называют косино мавари — окружающее поясницу». А еще за сто лет до написания «Бугэй сэдэн» император Гомидзуноо пожаловал патриарху Такэноути-рю Такэноути Хисаёси почетный титул «хиносита торидэ кайдзан» — «первейший мастер торидэ под солнцем», но об этом чуть позже.

Откровение бога Атаго

Школа дзюдзюцу Такэноути-рю родилась в горах провинции Мимасака на западе острова Хонсю. Ее основателем стал Такэноути Накацукаса-но таю Хисамори.

Семья Такэноути происходила из рода кугё — высшей киотоской придворной знати, — состоявшего в родстве со знаменитым родом Сэйва Гэндзи, и, как гласит предание, издревле пестовала искусства меча и лука. Вот в такой семье в 1503 г. родился наш герой — Хисамори¹.

Жить ему выпало в страшное время. После ожесточенной войны Онин-но ран (1467-1477) вся Япония обратилась в одно гигантское поле сражения. Вассал поднимал меч на господина, сосед заманивал в западню соседа, брат шел на брата. В ходе яростных боев Онин-но ран, разворачивавшихся прямо в городских кварталах Киото и в их окрестностях, некогда блистательная столица превратилась в выжженное поле. В это время, когда от владения воинским искусством за

¹ Здесь излагается версия биографии Хисамори, официально принятая в настоящее время патриархами школы Такэноути-рю, но есть и другие версии. В частности, по одной из них, Хисамори родился не в 1503-м, а в 1469-м г., что, впрочем, маловероятно. Дело в том, что дата его кончины, подтверждаемая разными источниками, — 6-й день 6-го месяца 1595 г. Это значит, что если Хисамори действительно родился в 1469 г., то его надо признать прямо-таки библейским долгожителем, ведь в 1595 г. ему было уже 126 лет!

висела жизнь каждого, Хисамори усиленно тренировался и, как сообщают источники, достиг отменного мастерства в обращении с мечом. Подобно многим другим аристократам, вместе со своими слугами он покинул опустошенную боями столицу и перебрался в Мимасака. Там и началась его карьера как одного из военачальников Эпохи сражающихся княжеств (1467-1568).

В провинции Мимасака Хисамори возглавил союз мелких местных самураев и создал небольшое княжество, основными опорными пунктами которого стали замки Цурута, Итиносэ и Санномия. В этот период регион Тюоку, к которому принадлежит Мимасака, был ареной соперничества военно-феодалов домов Амако, Мори, Ураками и других. Так что Хисамори должен был постоянно держать оружие начеку.

Как передают легенды, Хисамори «был малорослым воином—ростом всего в 5 сяку» (то есть чуть больше 150 сантиметров)—и совсем не походил на могучего богатыря. Поэтому ключи к победам на поле боя ему приходилось искать в неустанных тренировках в воинских искусствах и в разработке новых приемов, которые позволили бы ему и его воинам одолевать физически более сильных, рослых и многочисленных противников.

Однажды он отправился тренироваться, размышлять и молиться богу Атаго, которому поклонялся, на гору Санномия, расположенную приблизительно в 3 километрах от замка Итиносэ-дзё. О том, что произошло там, разные источники повествуют по-разному. Впрочем, отличаются только детали. Книга конца эпохи Токугава (1603-1867) «Бугэй хашири-мавари» («Рассказы о боевых искусствах») сообщает:

«Однажды Хисамори, чтобы предаться голодной аскезе, удалился в горную глушь Санномия, находившуюся в том же уезде, [что и

его замок], и воздерживался от пищи, приготовленной на огне, в течение 37 дней.

Чтобы время от времени посылать в свой замок известия, он назначил гонцом слепого массажиста, тот приходил к нему раз в день, но о его [изможденном] состоянии [по причине слепоты] знать не мог.

На 37-й день аскезы по небу пролетела стая коршунов. После этого перед глазами Хисамори по воздуху во все стороны стали носиться предметы из снаряжения горных отшельников ямабуси—дорожные посохи, соломенные шляпы. Он очень удивился этому, закрыл глаза и стал про себя молиться.

В это время—в 24-й день 6-го месяца 1-го года Тэмбун (1532)—под конец 37-го дня аскезы² в Санномия неизвестно откуда неожиданно явился ямабуси и обратился к Хисамори. При этом у Хисамори глаза были закрыты, и он на пришедшего не смотрел³. Было это место не такое, где люди часто ходят, и он принял ямабуси за слепого массажиста, который всегда приходил днем. Поэтому Хисамори спросил его, не случилось ли чего в деревне. Тогда ямабуси отвечал: «Ты всегда любил воинскую доблесть и, слабосильный, стремился научиться одолевать сильных, ты обратился за помощью ко мне, и я явился, чтобы исполнить твое желание».

Хисамори чрезвычайно обрадовался и поведал о своих мечтаниях, после чего ямабуси срезал цветущую ветку длиной в 1 сяку и 2 сун (ок. 37 см) и лозу длиной 7 сяку и 5 сун (ок. 230 см) и передал Хисамори 5 приемов торидэ (букв. «захваты рук») для быстрого связывания врага (хаянава) и 25 приемов боя коротким мечом или ножом—коси-но мавари. С тех пор деревянный меч школы Такэноути-рю имеет длину 1 сяку 2 сун, а веревка для связывания—7 сяку 5 сунов. Цвета она фиолетового—в цвет срезанной ямабуси лозы⁴.

² Согласно внутрискольной традиции, Хисамори предавался голодной аскезе на протяжении 6 дней и 6 ночей.

³ По внутрискольной традиции, в день окончания его обета утомленный упражнениями Хисамори лег прикорнуть, подложив себе под голову деревянный меч, вместо подушки, и тут к нему то ли наяву, то ли во сне явился старик-ямабуси огромного роста—более 7 сяку (более 210 см—А.Г.).

⁴ Внутрискольное предание описывает передачу ямабуси знания Хисамори несколько иначе: когда старец заявил, что передаст Хисамори свое воинское искусство, тот решил, что перед ним «превращенное тело» бога Атаго-но ками, и бросился на него в атаку с деревянным мечом в руках, чтобы сразу удостовериться в правильности своей догадки. Однако ямабуси, безо всякого труда уложив Хисамори лицом вниз себе под ноги, сказал: «В длинном мече нет пользы»,—переломил деревянный меч Хисамори пополам и, вручив ему половинки, сказал: «Если ты будешь использовать и носить на поясе такие короткие мечи, они станут твоим малым оружием—когусоку». Далее он передал Хисамори боевое искусство, которое включило в себя приемы боя коротким мечом кодати и технику связывания веревкой длиной в 7 сяку 5 сун (чуть больше 225 см).

Памятник с именем покровителя школы бога Атаго-яма-дайгунгэн, установленный в святилище Хатима-ся в г. Окаяма представителями школы Рикисин-рю, дочерней по отношению к Такэноути-рю

Хисамори был поражен, выразил ямабуси свое почтение, воспринял приемы во всех деталях и всеми до единого овладел».

Когда Хисамори после испытанного потрясения оправился и велел своим вассалам разыскать удалившегося ямабуси, того уже и след простыл. Сколько его ни искали по всей провинции, он словно в воздухе растворился. А посему было решено, что это был не кто иной, как сам бог Атаго—ведь это ему молился Хисамори.

Как бы то ни было, с горы Санномия Хисамори вернулся с первоначальным арсеналом своей школы рукопашного боя, который включил в себя 25 приемов коси-но мавари—рукопашной схватки с использованием ножа или короткого меча—и 5 приемов связывания—торидэ—«божественной передачи» (синдэн).

Эти приемы Такэноути Хисамори передал родственникам и вассалам. И когда все его воины овладели техникой коси-но мавари, как утверждает предание, вся округа стала страшилась их и почитать как настоящих богатырей, каждый из которых один равен тысяче.

Хисамори вступил в союз с могущественным домом Мори, который разгромил всех своих соперников на западе Хонсю. Это на некоторое время обеспечило семью Такэноути надежной защитой, но позднее привело ее к краху. Дом Мори вступил в войну с утвердившимся в Столичном районе Кинай диктатором Ода Нобунага. В резко обострившейся обстановке бывший союзник Мори Укита Наоиз перешел на сторону врага и атаковал владения Такэноути. Хисамори запросил помощи у своего тогдашнего господина Мори Тэрумото, но его войска уже были скованы боевыми действиями против Тоётоми Хидэёси—в то время еще военачальника на службе Нобунага. В результате помощь не пришла. Оставшись один на один с сильным и опасным противником, Хисамори укрылся в своем замке Итиносэ-дзэ. Его воины стойко дрались с врагами, но приемы коси-но мавари были бессильны против обстрелов зажигательными стрелами и огня мушкетов, и после месяца ожесточенных боев замок пал.

Самому Такэноути Хисамори и его родичам удалось тогда спастись бегством. Укрывшись в одной из деревень, они ждали возможности вернуть свое прежнее положение, но в итоге получили известие о заключении мира между Мори и Тоётоми. Рассчитывать на возврат к прежней жизни уже не приходилось, и Хисамори принял решение осесть на земле. Призвав своих сыновей, Хисахару и Хисакацу, он сказал им: «Отныне мы будем жить крестьянским трудом, и уже ни вы сами, ни ваши дети, ни внуки не должны идти ни к кому на службу». С этого времени семья Такэноути отказалась от мятежных планов, от мысли найти себе нового господина и стала жить преподаванием боевого искусства. Так открылась новая страница в истории Такэноути-рю.

Боевое искусство, отточенное в смертельных поединках

Формирование технического арсенала школы Такэноути-рю, основу которого составили приемы коси-но мавари и торидэ, якобы переданные Такэноути Хисамори божеством Атаго-но ками, было продолжено и, как утверждают нынешние наставники школы, завершено вторым и третьим патриархами школы, Хисакацу и Хисаёси.

Такэноути Хисакацу и Хисаёси знамениты своими «воинскими странствиями» — муся сюгё, во время которых они путешествовали по разным провинциям Японии, добираясь до самых удаленных уголков, навещали известных мастеров воинских искусств, схватывались с ними в смертельных поединках и, как видно — коль благополучно возвращались домой, побеждали в них.

Второй патриарх Такэноути-рю, сын основателя Такэноути Хитатиносукэ Хисакацу отправился в муся сюгё в 1591 г. В странствиях он провел восемь лет и прошел всю Японию — от Кюсю до северо-восточного княжества Мориока в регионе Тохоку на Хонсю. Программа школы Такэноути-рю является своеобразной историей этих путешествий. Так, в ней имеется раздел «Гокуи хаккадзё» — «высшие секреты, 8 приемов», в котором три приема названы именами поверженных Хисакацу противников: «Гэмба-домэ-но кото» — «Прием, которым был прикончен Гэмба»; «Кэммоцу-домэ-но кото» — «Прием, которым был прикончен Кэммоцу»; «Накамура-домэ-но кото» — «Прием, которым был прикончен Накамура». Причем о появлении каждого из них имеется свое предание.

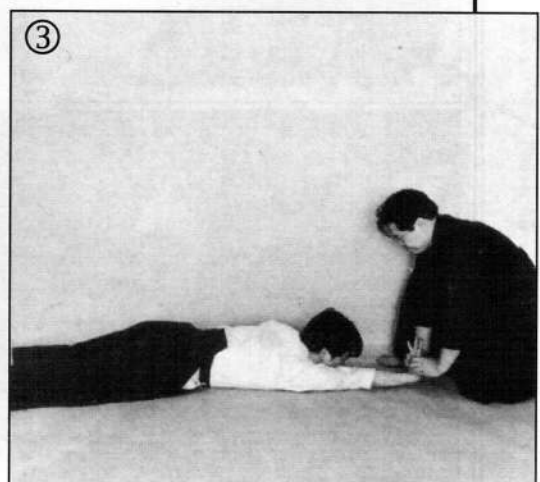
Так, когда Хисакацу пришел в город Хаката в провинции Тикудзэн на севере Кюсю, ему бросил вызов Такаги Гэмба, могучий военачальник из княжества Сацума, выделявшийся особым мастерством в искусстве рукопашной схватки. Хисакацу одержал в схватке с ним победу, но ему стало жаль прикончить столь незаурядного соперника, и он захотел сохранить ему жизнь. Однако Гэмба потребовал, чтобы в их споре была поставлена финальная точка, и Хисакацу пришлось его убить.

В провинции Этидзэн Хисакацу схватился с Накамура Бутаносин, мастером дзюдзюцу из местечка Этидзэн Микамо. Накамура атаковал и смог свалить мастера Такэноути-рю, потом он попытался прижать его к земле, но Хисакацу вывернулся и прикончил его.

Когда он вернулся в Мимасака, туда из провинции Хитати явился Ибараги Кэммоцу, который именовал себя «величайшим мастером рукопашной схватки всех времен». Он бросил вызов Хисакацу. Тот схватился с чужаком прямо на дороге и убил его.

Под влиянием Хисакацу в разных местностях, как полагают, возникали дочерние по отношению к Такэноути-рю школы. С другой стороны, сам он, благодаря общению с мастерами различных боевых искусств, сумел значительно обогатить арсенал своей школы. Утверждают, что при втором патриархе Такэноути-рю число приемов коси-но мавари возросло с 25 до 66.

Хисакацу же заложил и фундамент философского и этического учения школы, в основу которого положил концепцию «трех

Прием раздела *коси-но мавари*

добродетелей» (*сантоку*): «мудрости» (*ми*), «отваги» (*ю*) и «гуманности» (*дзин*). Его идеи были развиты усилиями 3-го и 4-го патриархов—Хисаёси и Хисацугу—и оформлены в виде текста, озаглавленного «Сантокусё»—«Изборник о трех добродетелях», который считается воплощением идеологии школы.

Кроме того, Хисакацу написал «Правила» («Окитэ») школы и составил «Штатное расписание» («Якудзукэ») — попросту говоря, список званий, присваиваемых последователям школы за успехи в освоении технического арсенала школы и за заслуги перед ней.

Согласно «Якудзукэ», в школе Такэноути-рю принята ступенчатая система обучения. Первая ступень называется «Тасся» — «Достигший успехов в овладении техникой школы». Вторая — «Мокуроку», т.е. «Перечень основных знаний школы», обладатель степени Мокуроку выполняет функции помощника наставника (*сэвайку*). Третья ступень называется «Дзиро» — «Второй сын», ее обладатель становится «кандидатом в экзаменаторы» (*гимми торитатэ яку*). Четвертая ступень называется «Мэнкё» — «Мастерский диплом», ее обладатель становится «кандидатом в попечители» школы (*торитатэ усироми яку*). Выдающиеся своим морально-нравственным совершенством и успехами в преподавании школы обладатели степени Мэнкё удостоиваются степени «Инка» — «Разрешающая печать» — и звания «усироми яку» — «попечитель» школы.

По окончании своих воинских странствий Хисакацу на некоторое время вернулся в Мимасака, а оттуда в сопровождении сына Хисаёси отправился в столичный град Киото. Там в районе Нисияма в 1618 г. они открыли зал обучения боевому искусству — додзё — и начали распространять свою школу.

Отец и сын Такэноути установили дружественные отношения с членами основной ветви рода, которые жили в столице, и это помогло им привлечь к себе внимание столичных аристократов, некоторые из которых пожелали освоить технику Такэноути-рю. В их числе были и представители семейства кампаку — канцлера — Коноэ. Уже это было большим успехом, но у Хисакацу и Хисаёси были и более честолюбивые планы — они мечтали показать свое искусство самому императору. Однако возможности для этого никак не представлялось. И тогда отец и сын решились на весьма дерзкий шаг.

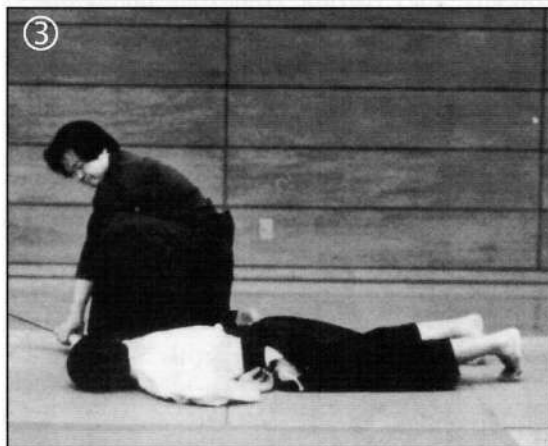
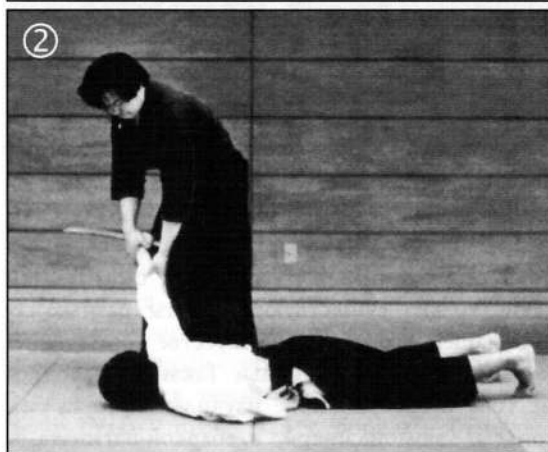
На третий год с открытия додзё семьи Такэноути в Киото, в один из весенних дней император Гомидзуноо тайно отправился полюбоваться на цветение сакуры в Нисияма. Его паланкин должен был проехать как раз мимо зала Такэноути, о чем те, возможно, были заранее предупреждены своими покровителями из дома Коноэ.

И вот когда паланкин приблизился к додзё, Хисакацу и Хисаёси вдруг преградили путь свите самого императора! Охрана правителя, естественно, попыталась отогнать их. Началась перебранка, но мастера борьбы заявили: «Мы, наставник искусства рукопашного боя Такэноути Хитатиносукэ Хисакацу и сын его, Хисаёси, желаем продемонстрировать Его Величеству секреты своей школы, которыми мы овладели в процессе каждодневных тренировок. Просим простить нам нашу бесцеремонность».

Через некоторое время из паланкина было передано разрешение на это незапланированное представление, и Хисакацу и Хисаёси позволили продемонстрировать перед монархом свое искусство. Похоже, показательные выступления произвели должное впечатление, во всяком случае, по окончании демонстрации кампаку Коноэ назначил отца и сына Такэноути гутю урин — телохранителями императора — и вручил им в награду фиолетовый шнурок от императорской шапки. А в следующем 1621 г. император Гомидзуноо пожаловал Хисакацу почетный титул «Хиносита торидэ кайдзан» — «Первейший мастер искусства торидэ под солнцем», которым по сей день гордо пользуются представители школы Такэноути-рю в своих публикациях и документах.

Таким образом, Хисакацу и Хисаёси не только удостоились чести продемонстрировать свое искусство перед «Сыном Неба», но и были признаны лучшими мастерами рукопашного боя в Японии. Вероятно, это сильно подняло авторитет Такэноути-рю и прославило ее на всю страну.

Этот сюжет подробно описан в документах школы Такэноути-рю, но такого рода документы, в силу самого их происхождения, вряд ли могут рассматриваться как вполне объективные. Так что у историков боевых искусств есть немало сомнений в достоверности истории о том, как Такэноути Хисакацу и Хисаёси блокировали проезд императорского кортежа. Но вот что сегодня не вызывает

Прим «Татимати-ханарэ» раздела дзюдзюку

сомнений, так это то, что еще за два десятилетия до этого сомнительного эпизода школа Такэноути-рю уже укрепилась в Киото и пользовалась там огромным уважением.

Об этом свидетельствуют «Рассказы господина из Муромати» («Муромати-доно моногатари») — ценнейший источник, созданный, по мнению историков, не позднее 1600 г. и содержащий сведения о мероприятиях по наведению порядка в столице в период нахождения у власти Тоётоми Хидэёси. Причем сведения свои автор текста

черпал в дневниках Наобаяси Итиэмон-но дзё Нагатака и Вакия Содзэмон-но дзё Садатика — Кёто кэндансики, т.е. «прокуроров Киото», которые, конечно же, располагали информацией по этим вопросам из первых рук. В «Муромати-доно моногатари» имеются три истории о том, как мастер Такэноути-рю Такахаси Саэмон Мицунори помогал кiotоским полицейским чиновникам усмирять преступников, с которыми сами они не могли справиться.

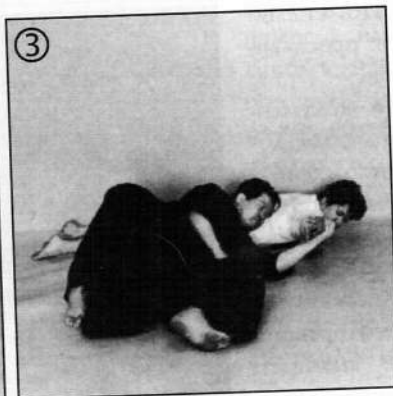
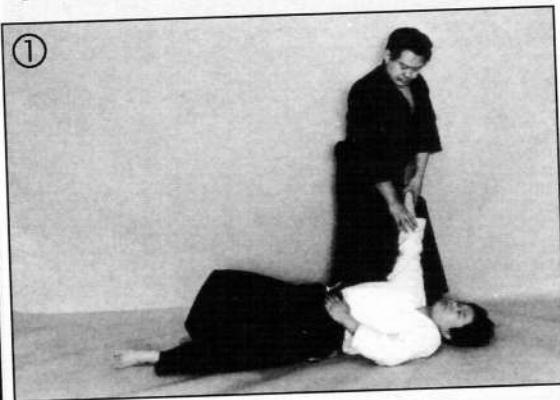
Подвиги Такахаси Мицунори

Впервые автор знакомит читателей с Такахаси Мицунори в истории под названием «Шайка любителей подраться»: «Жил здесь [в столице] некий Такахаси Саэмон Мицунори. Он обладал замечательными талантами, отменным характером и большой физической силой, духом был тверд, во всем свете не было ему равных. В фехтовании он знал все какие только существуют секреты разных семей нашей страны, а в искусстве торидзэ постиг высшие секреты семьи Такэноути, а кроме того в совершенстве изучил искусства боя копьем дзюмондзи-яри, алебардой-нагината и серпом и игры на кото многих семей».

В то время по улицам столицы слонялась шайка драчунов-силачей из Сакаи. Они задирали прохожих и криками зазывали всех желающих подраться с ними за деньги.

Мицунори же в это время был ронином. И в принципе до этой шайки ему не было никакого дела, но несколько самураев из числа его учеников попросили мастера утихомирить буянов. И вот в один из дней Мицунори, которого сопровождали три ученика, остановил шайку из Сакаи, которая, как обычно, кружила по городу в поисках очередных жертв, посреди улицы и предложил ей схватиться. Вперед выдвинулся главарь и бросился на ронина, но Мицунори «схватил и опрокинул его навзничь, опередив его захват, рывком за руку перевернул на спину и ударил в точку микэн — межбровие», от чего у хулигана хлынула кровь из носа, и он лишился чувств.

Затем Мицунори выхватил свой меч длиной в 3 сяку 1 сун (более 90 см — А.Г.) и одним ударом развалил «на полы» великана, одетого в кольчугу. «Он перерубил ему поясницу, после чего разбойник рухнул на землю, — и все так быстро, что и словами не описать». Похоже, в данном случае Мицунори прибег к технике иай — молниеносного выхватывания

Прием «Момидзи-гари» раздела дзюдзюцу.

меча, которую многие мастера изучали параллельно с дзюдзюцу.

После такой короткой расправы с двумя сильнейшими бойцами шайки хулиганы кинулись врассыпную. Мицунори преследовал их и заколол еще одного. После этого задирстая шайка исчезла из Киото, а имя Такахаси Мицунори стало широко известно среди военачальников.

Второй рассказ называется «Мицунори, славный мастер торидэ». В нем Мицунори одного за другим укладывает на землю и связывает трех могучих борцов сумо, состоявших на службе у Икома ута-но ками.

Икома ута-но ками (1526-1603) — известный военачальник Икома Тикамаса, состоявший на службе у Нобунага и Хидэёси. Он был пожалован младшим пятым рангом и назначен ута-но ками — «начальником над певцами» — в 1585 г. Поскольку в «Муромати-доно моногатари» он уже именуется ута-но ками, то деятельность Такахаси Мицунори в Киото следует датировать 1585-1600 гг., т.е. временем, когда второй патриарх Такэноути-рю Хисакацу совершал свои странствия; это позволяет предположить, что Мицунори учился именно у него.

У самураев старинная борьба сумо пользовалась большим почетом, и многие феодалы содержали группы профессиональных борцов — сумотори или рикиси, которые в мирное время развлекали их схватками, а в военное образовывали ударные отряды силачей.

Икома ута-но ками содержал около 30 рикиси. Особо среди них выделялись Укигумо, Хираги и Какэхаси. Это были настоящие силачи, бахвалаясь своей силой, они без конца задирали других. И вот ута-но ками как-то собрал своих старших вассалов и сказал им: «Нам нужно как-то захватить их живьем и хорошенько проучить!» Стали придумывать способ осуществить это. И вот тогда один из вассалов Икома предложил обратиться за помощью к Такахаси Мицунори, у которого изучали боевые искусства некоторые из самураев ута-но ками. Имя мастера уже было известно Икома, и он согласился.

На следующий день Мицунори получил приглашение тайно, ближе к ночи, явиться к нему в усадьбу. Ему было устроено угощение, и только после того, как ута-но ками близко познакомился с мастером, он открыл ему, зачем пригласил. Выслушав просьбу чи-

Техника сэйсю

новника, Такахаси уверенно отвечал: «Это за просто — хоть завтра!»

Мицунори распорядился, чтобы забияк-сумотори призвали к господину и по одному запускали в усадьбу через Средние ворота. Хотя все приготовления велено было держать втайне, в усадьбе собралось множество зрителей, желавших посмотреть, как мастер дзюдзюцу будет справляться с борцами сумо.

Мицунори «подобрал высоко свои кожаные брюки-хакама, прочно заткнул их за пояс, оставил при себе лишь малый меч вакидзаси в 1 сяку 2 сун (около 36 см — А.Г.)» и стал ждать. Напомним, что короткий меч или длинный нож в 1 сяку 2 сун был фирменным оружием Такэноути-рю со времен основателя этой школы Такэноути Хисамори, так что Мицунори подготовился к схватке в полном соответствии с традицией Такэноути-рю.

И вот вассалы ута-но ками, как и было договорено, запустили во двор через Средние ворота первого сумотори. Ничего не подозревая, тот поздоровался с находившимся во дворе Мицунори и спокойно пошел мимо. И тут мастер дзюдзюцу «резко сблизился с ним, опрокинул навзничь и зафиксировал на животе, сильно надавив правым коленом на точку «ситинодзу» (7-й позвонок грудного отдела — А.Г.), и затем связал веревкой хаянава».

Таким образом, Такахаси был способен за просто бросить тяжеловеса-рикиси, обездвижить его на земле и связать. Обращает на себя внимание и использование воздействия на уязвимую точку, что вообще характерно для дзюдзюцу. Все это свидетельствует, что

Тренировка по фехтованию в додзё школы Биттё-дэн
Такэноути-рю

уже в конце XVI в. Такэноути-рю располагала арсеналом эффективных изощренных приемов, которыми и славится японская борьба. «Даже при том, что противник его был настоящий силач, Мицунори не позволил ему и шевельнуться, а скорость его действий была такова, что и не описать», — утверждает «Муромати-доно моногатари».

Аналогичным образом Мицунори управлялся и с двумя другими борцами. А наблюдавший за всем ута-но ками рассыпался в похвалах: «Невероятно! Оказывается, даже самых больших силачей можно уложить на землю и обездвигнуть! Не переоценить такое мастерство!» Он щедро наградил мастера Такэноути-рю, а пораженные борцы впоследствии почтительно поднесли ему в дар меч, изготовленный из серебра.

В третьем рассказе Мицунори по просьбе полиции приходится иметь дело с мастером боевого искусства.

Полицейские гнались за двумя ронинами — учителем будзюцу и его учеником. Предполагаемые преступники укрылись в доме одного горожанина неподалеку от храма Тэнно-дзи в Осака и стали держать оборону. Дом окружил отряд численностью в сто пятьдесят бойцов во главе с Янагимурой Гэндзибэй и Мацумото Тададзаэмон, вассалами Икома ута-но ками. Атаковать разбойников полицей-

ские не решались, потому что те грозили: «Мы готовы отправиться на тот свет — попробуйте-ка нас прикончить!» Было очевидно, что при штурме дома жертв не избежать. Стали обсуждать возможность поджога, но и этот план пришлось отвергнуть — при поджоге, несомненно, загорелись бы и соседние дома, а это уже было чревато пожаром на весь город. Тогда послали за Такахаси Мицунори. После выяснения ситуации, он попросил первым делом убрать подальше оцепление, а затем, безоружный, подошел к черному ходу в дом и обратился к преступникам: «Изложите мне свои объяснения!»

Самураи увидели, что у Мицунори нет оружия и что говорит он с ними спокойным вежливым тоном, и позволили ему войти. Выслушав ронинов, мастер сделал им предложение: «Здесь вы в смертельной западне. Но раз ситуация такова, я не буду мешать тому, чтобы вы убрались в другую провинцию. Я это организую, и вы под покровом ночи бежите отсюда».

Стемнело. И Мицунори снова пришел к ронинам. «Я обо всем договорился. Но думаю, вам лучше уходить по одиночке, чтобы никто не заметил». Двоица нашла мысль мастера правильной, и наставник велел ученику бежать в восточном направлении. Сам он явно опасался засады, так как не до конца поверил Мицунори. Тогда мастер Такэноути-рю с язвительной усмешкой спросил у ронина: «Чего это ты?! Разве ты не был готов умереть?! Похоже, выйти из дома ты не решишься! Наверное, настроение переменялось...» Сказав так, Мицунори удалился.

В конце концов, ронин вышел из дома и направился в западном направлении. «Дело было в середине 5-й луны, и он шел, прячась за скирдами», — сообщает «Муромати-доно моногатари». Но внезапно на него бросился Мицунори, моментально швырнул на землю и скрутил веревкой. А ученика ронина еще раньше схватила засада, которую устроили полицейские.

При анализе сообщений о Такахаси Мицунори в «Муромати-доно моногатари» важно обратить внимание на тот факт, что в период объединения и усмирения страны при диктатуре Тоётоми Хидэёси в последние полтора десятилетия XVI в. у сил правопорядка возникла потребность в боевом искусстве, которое позволяло бы не только уничтожить врагов

на поле боя, но и при необходимости захватывать их в плен живыми. Видимо, с этим запросом времени и было связано быстрое распространение в это время дзюдзюцу и в первую очередь школы Такэноути-рю. Некото-

рые исследователи полагают даже, что именно в этой связи в период Гэнна (1615-1624) одно из названий дзюдзюцу — «явара» — записывалось не иероглифом «дзю» — «мягкий», «гибкий», а иероглифом «ва» — «гармония».

Странствия Хисаёси

Такэноути Каганосукэ Хисаёси (1602-1671), третий патриарх Такэноути-рю и самурай на службе семьи Мори, в 1620 г., вскоре после демонстрации боевого искусства перед императором Гомидзуноо, в возрасте 18 лет тоже отправился в муся сюё.

За десять лет своих воинских странствий он обошел «пять центральных провинций и семь трактов», то есть, попросту говоря, всю Японию. Обстоятельства этого путешествия покрыты мраком. Достоверно известно лишь, что в 1624 г. Хисаёси приехал в Канто, где разгромил представителей местных школ, после чего открыл додзё в сёгунской столице Эдо в районе Ёцуя и начал распространять на востоке Хонсю свою школу. В Эдо Хисаёси, как утверждают, пробыл до 1626 г.

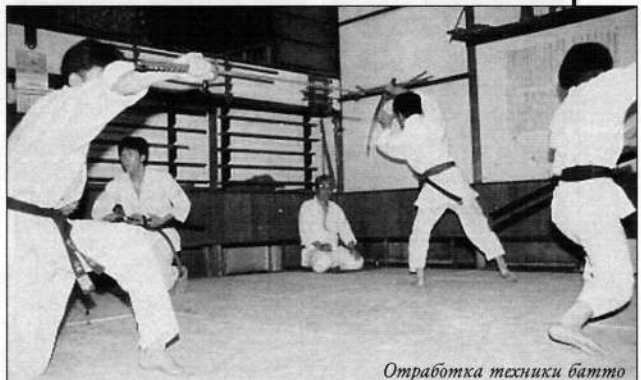
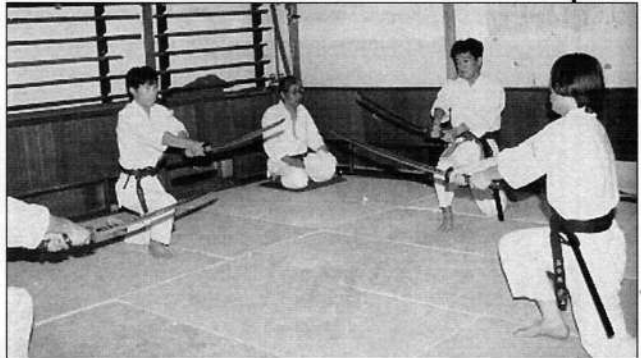
Некоторые исследователи высказывают предположение, что за свои десятилетние странствия Хисаёси успел побывать в городе Нагасаки, где познакомился с каким-то стилем китайского «кулачного искусства» цюаньшу. Самые смелые в своих догадках доходят до того, что Хисаёси мог даже присоединиться к какой-то пиратской шайке, учиться у ее членов ушу, побывать в Китае. Эти предположения опираются на тот факт, что именно при Хисаёси в Такэноути-рю появились такие разделы, как «Двенадцать позиций кэмпо» и «Три секретных приема кэмпо», а «кэмпо» — японское прочтение китайского слова «цюаньфа» — «кулачные приемы», в лексикон японцев это слово пришло, несомненно, из китайских текстов.

Чисто гипотетически визит Хисаёси в Нагасаки и обучение там «кулачному искусству» у китайцев вполне могли иметь место. Ведь в 20-х гг. XVII в. близ Нагасаки в окрестностях залива Мацура находилась база флотилии знаменитого Коксинга — пирата-полукровка (отец — китаец, мать — японка из самурайского рода), контролировавшего практически весь юг Китая (китайское имя Коксинга — Чжэн Чэньгун). Там квартировали многочисленные эмигранты из Китая и пираты, среди кото-

рых, наверное, попадались и знатоки ушу.

Как бы там ни было, Такэноути Хисаёси был первоклассным мастером дзюдзюцу. Известно, что уже в преклонном возрасте он сошелся в поединке на горе Цуяма с Такаги Уманосукэ Сигэсада, мастером школы Такаги-рю, которая, как полагают исследователи, восходит корнями к китайскому цюаньфа, и одолел его. Потерпев поражение, пристыженный Такаги Сигэсада напросился к Хисаёси в ученики. В этой истории любопытно то, что, по расчетам историков, отталкивающихся, впрочем, от сомнительных датировок, получается, что Сигэсада в момент поединка было 20 лет, а Хисаёси — 73 года!

Документы школы утверждают, что Хисаёси при посредничестве кампаку Такацукаса Фусасукэ был удостоен императором Рэйгэн того же высокого титула, что и его отец, — «Первейший мастер искусства торидэ под солнцем».

Отработка техники батто

Техника кусаригата

Технический арсенал и программа обучения Такэноути-рю

Таким образом, технический арсенал Такэноути-рю формировался на протяжении почти ста лет (если считать от 1532 г.) усилиями, как минимум, трех поколений мастеров: основателя Хисамори, его сына Хисакацу и внука Хисаэси. За это время и ситуация в стране, и потребности воинов в конкретных боевых навыках и приемах претерпели огромные изменения.

При классификации старинных японских боевых искусств их часто делят на каттю

Применение техники коси-но мавари в бою в доспехах

Успешные воинские странствия Хисакацу и Хисаэси, в ходе которых они побеждали в поединках представителей других школ, явились одной из главных причин широкого распространения Такэноути-рю в разных княжествах. Победенные противники—мастера других школ—нередко становились ведущими учениками Такэноути-рю и распространяли школу или, привнеся в нее собственные идеи и наработки, создавали новые школы. Так по всей Японии начали рождаться школы боевого искусства, связанные родством с Такэноути-рю, которую стали уважительно именовать «истоком дзюдзюцу» (дзюдзюцу-но гэнрю). Многие из этих школ сохранились до наших дней, что само по себе свидетельствует об их высоких достоинствах.

будзюцу—боевые искусства для применения в доспехах—и сухада будзюцу—боевые искусства для применения без доспехов. В каттю будзюцу доминируют школы, техника которых была рассчитана на применение в боевых условиях Эпохи воюющих княжеств. В противоположность им, сухада будзюцу представлено многочисленными школами, техника которых рассчитана на применение в обычной повседневной одежде в замковых помещениях и на улицах городов, т.е. в невоенных условиях.

Многие школы боевых искусств развивались на основе осмысления и систематизации реального боевого опыта, но все-таки наиболее активно развитие будзюцу шло в мирное время: понятно, что в период беспрестанных походов и жестоких сражений у воинов просто не было времени, чтобы систематизировать накопленные знания и приемы. По этой причине многие старинные школы, зародившись как каттю будзюцу, впоследствии в ходе совершенствования и развития уже в мирное время трансформировались в школы сухада будзюцу.

Такой же процесс трансформации прошла и школа Такэноути-рю. Составляющие ядро ее технического арсенала приемы коси-но мавари были изначально рассчитаны на ведение боя в доспехах с применением короткого меча или ножа. Но позднее, когда их стали отбатывать без доспехов, они претерпели определенные изменения и были адаптированы к использованию без доспехов.

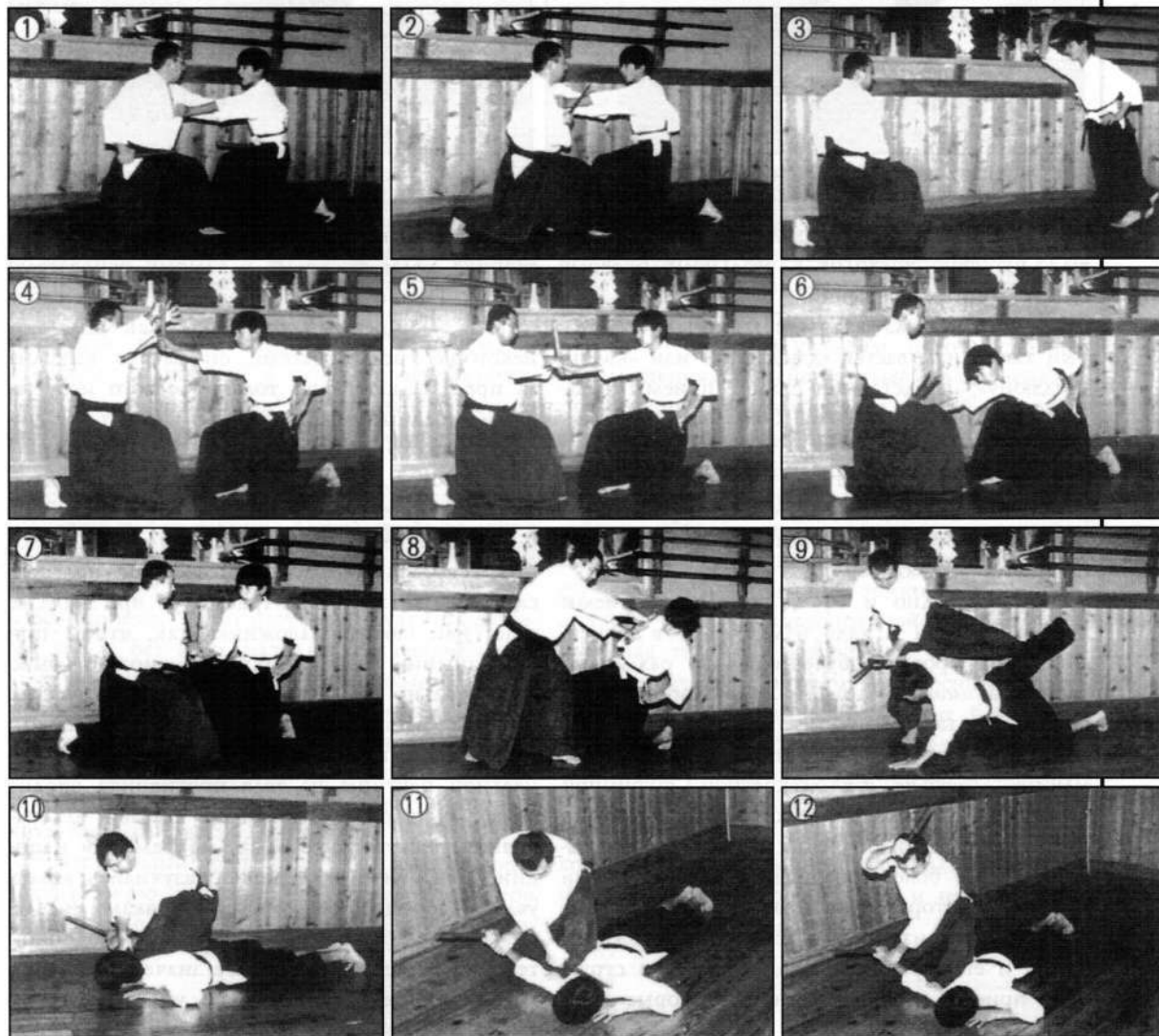
Второй и третий патриархи добавили в программу обучения еще множество приемов, большинство из которых вообще никогда не предназначались для использования в доспехах на поле битвы. В результате арсенал Такэноути-рю приобрел сложную, многослойную структуру, за которой просматривается вся история его формирования.

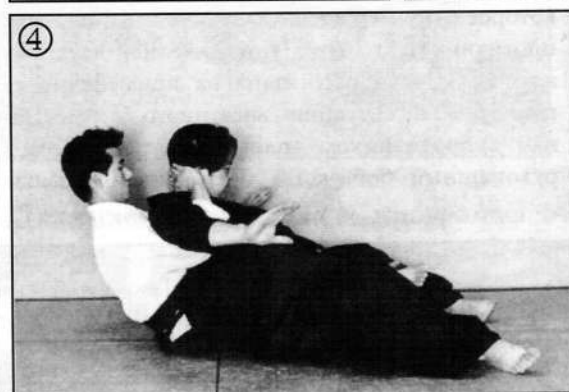
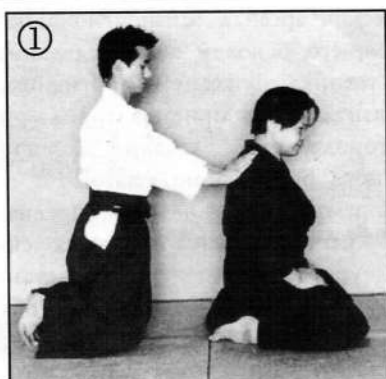
Кроме того, хотя Такэноути-рю считается школой дзюдзюцу, на самом деле это школа комплексного боевого искусства (сого будзюцу). Она включает в свою программу также технику фехтования мечом, палкой, алебардой-нагината, копьем, связывания и др. Особенно высоко ценилась техника бодзюцу—боя палкой—этой школы, на свет появилась даже поговорка: «Приехав в провинцию Сакусю (Мимасака—А.Г.), не размахивай палкой!»

Хотя технический арсенал Такэноути-рю поистине огромен, его основой являются такие разделы, как техника фиксации противника на земле и связывания «5 приемов торидэ» и «48 приемов торидэ ходзэ», а также «25 приемов рукопашного боя коси-но мавари».

Различные приемы коси-но мавари, предназначенные для использования в разных ситуациях, структурированы как парные стандартные ката, при выполнении которых оба противника имеют на поясе когусоку—малое оружие (реально используются ножи танто), которое применяется для пресечения атак противника и его уничтожения. Техника коси-но мавари рассчитана на применение на поле боя в ситуации внезапного столкновения с противником вплотную с переходом в рукопашный бой, когда боец лишен возмож-

Прием «Татимати-ханарэ» раздела дзюдзюцу

Прием «Фуру-дзумэ»
из раздела дзюдзюцу

ности использовать габаритное стандартное вооружение—длинный меч, копье и др.—и вынужден вести бой малым холодным оружием. Она явно восходит к реальному боевому опыту многих сражений.

Техника раздела хадэ—«руки-крылья»,—который также называется «дзюдзюцу» или «кэмпо тайдзюцу», представляет собой приемы ведения боя голыми руками. Они явно восходят к коси-но мавари, но включают расширенный арсенал боевых средств, в том числе удары в уязвимые точки (*атэми*), болевые приемы (*якутэ*) и броски (*нагэ*), которые традиционно относятся к дзюдзюцу.

Сохраняя одно и то же название, приемы коси-но мавари и хадэ изменяются в зависимости от уровня обучения. Так, различают варианты *омотэ*—«лицевые», *ура*—«оборотные», *коура*—«малые оборотные», *гокуи*—«предельной мысли», *ура гокуи*—«обратные предельной мысли», *хиоку-но дэн*—«секретной глубинной передачи». По мере прохождения все более высоких ступеней обучения школы ученик овладевает все более совершенными вариантами приемов, которые учитывают самые разные возможности изменения взаиморасположения бойца и его противника, добавления в структуру приема новых элементов, которые делают его эффективнее.

Кроме того, в Такэноути-рю преподаются способы перехода от приемов *хадэ* к технике связывания противника—*ходзё*. Считается, что техника *ходзё* восходит к самому основателю школы Такэноути Хисамори. Это очень сложный и изощренный раздел, и, как полагают некоторые исследователи, он далеко выходит за пределы категории только боевого искусства, и его можно даже назвать «квинтэссенцией японского интеллекта».

Изучаются самые разные способы связывания, которые учитывают сословный статус, пол и конкретные условия связывания. Среди них есть такие, которые позволяют надежно скрутить женщину, не травмируя при этом ее тело, или связать заложника так, чтобы при возвращении противнику его можно было моментально развязать. Такие технические приемы настолько сложны и оригинальны, что техника вязания узлов и создания оригинальной паутины на теле противника вполне может быть охарактеризована как вид декоративного искусства сродни макраме. В наши дни, когда люди уже давно разучились вязать узлы и вообще пользоваться веревками, исследователи считают, что сохранение подобной техники имеет и культурное значение: так сохраняются ценные навыки и умения, доставшиеся нам от прошлых поколений.

Передается техника ходзэджюцу с помощью нава-нингё—«опутанных веревками куколок»—схематичных изображений человека с головой и конечностями, обвязанных веревками по всем правилам. В настоящее время они хранятся в доме содэнкэ, о котором речь пойдет далее.

В овладении техникой боя различными видами оружия тоже используется последовательный ступенчатый метод обучения. Основой техники боя с оружием является фехтование длинной палкой. Это самый примитивный вид оружия, и разработанные в Такэноути-рю приемы боя палками разной длины служат фундаментом техники боя с использованием всех прочих видов оружия.

Раздел кэмпо сэйсю—«упорядоченные приемы фехтования»—представляет собой технику фехтования длинным (*тати*) и коротким мечами (*кодати*). Этот раздел включает в себя такие подразделы, как *маэ сэйсю*—«передние упорядоченные приемы» для длинного меча; *нака сэйсю*—«средние упорядоченные приемы» для короткого меча; *оку сэйсю*—«глубинные упорядоченные приемы» для железного веера-тэссэн и металлической дубинки с гардой в виде крюка дзиттэ; *мудо*—«приемы безоружного боя», техника обезоруживания противника, вооруженного мечом. В отличие от других школ кэндзюцу, в Такэноути-рю фехтовальные приемы переплетены с приемами дзюдзюцу, и вообще в ней меч используется как продолжение руки, а приемы собственно фехтования активно сочетаются с действиями конечностей.

Кроме обычного фехтования, в Такэноути-рю изучается также техника *батто*—выхватывания меча из ножен с переходом к защите или атаке.

Все приемы в Такэноути-рю, как с оружием, так и без него, находятся в тесной связи друг с другом, имея принципиально единую техническую базу, опирающуюся на единую систему принципов. Комплексное изучение различных видов боевого искусства способствует более глубокому пониманию и овладению техникой всех разделов.

Неизгладимый отпечаток на всю технику Такэноути-рю наложила та среда, в которой происходило формирование и развитие ее ар-

сенала. Начиная с Хисакацу, второго патриарха школы, семья Такэноути жила в местечке Такэбэ в уезде Мицу (префектура Окаяма), именно там и ныне находится главное додзё Такэноути-рю.

Местность, в которой оно расположено, называется «Цуисидани»—«Долина—Каменный рог». Само это название свидетельствует, что речь идет об узкой полоске земли. И действительно, в Цуисидани холмы зажали между собой речушку Такидани. На склоне одного из них, на высоте 220 метров над уровнем моря высится додзё Такэноути-рю. Это очень уединенное место, удаленное от больших городов. Даже сегодня от ближайшей станции железной дороги Цуисидани отделяют десять километров. Здесь, среди лесистых холмов, где до сих пор ощущается атмосфера воинственной эпохи Сэнгоку, и скрывается сокровище японской воинской традиции—древнее боевое искусство Такэноути-рю.

В этих местах воинам чаще приходилось сражаться не на широких равнинах, а на небольших клочках земли, зажатых между склонами холмов или на самих склонах. И здесь техника боя ножом или коротким мечом, позволявшая за счет ловких движений разить врага с разных направлений, была очень грозным оружием. На холмах с крутыми склонами, вероятно, требовались иные, нежели в додзё с ровным гладким полом, способы перемещения. И действительно, в Цуисидани понимаешь, что кажущиеся порой странными многочисленные прыжки, используемые в приемах Такэноути-рю, на самом деле вполне рациональны при таком рельефе местности.

Завершает обучение в Такэноути-рю изучение методов убийства противника воздействием на жизненно важные точки, реанимации, а также *сэйкоцу*—костоправной техники (мануальная терапия). Интересно, что некоторые старшие ученики школы, удостоенные сертификата по сэйкоцу, и сегодня не без успеха работают в различных лечебных и оздоровительных учреждениях префектуры Окаяма.

Можно сказать, что школа Такэноути-рю передает поистине огромный объем знаний, которые не ограничиваются только боевым искусством, но простираются и на сферу медицины, и даже... религии.

Критические моменты в истории Такэноути-рю и система содэнкэ

Последовательная передача главенства в школе в рамках семьи Такэноути—сначала от Хисамори к его сыну Хисакацу, а от Хисакацу—к его сыну Хисаэси—привела к оформлению в Такэноути-рю института сокэ—«патриарха» (букв. «семья-предок», «главная семья»), наделенного высшими полномочиями в отношении присвоения всех рангов, абсолютного авторитета, посвященного во все секреты. По-другому, наверное, и быть не могло, ведь, живя преподаванием боевого искусства, члены семьи Такэноути должны были закрепить за собой право полного контроля над своим средством существования.

Символом авторитета и права сокэ стало особое профессиональное имя, которое патриархи стали принимать со времени Такэноути Хисаэси. Появление этого имени связано с именем кампаку Такацукаса Фусасукэ, представителя одной из ветвей старинного аристократического рода Фудзивара, который покровительствовал Хисаэси. Добившись от императора Рэйгэн присвоения мастеру почетного титула «Хиносита торидэ кайдзан», он сделал приписку к грамоте о пожаловании этого титула, что отныне все патриархи Такэноути-рю должны наследовать имя «Тоитиро»—«Старший сын глицинии (*фудзу*)». С тех пор все патриархи школы, вступая в права, принимают это профессиональное имя.

Итак, после Такэноути Хисаэси закрепился обычай передачи звания патриарха среди членов одной только семьи Такэноути. Четвертым патриархом был Хисацугу (второй сын Хисаэси), пятым—Хисамаса (пятый сын Хисацугу), шестым—Хисасигэ (внук Хисацугу, сын одного из братьев Хисамаса), седьмым—Хисатака (третий сын Хисасигэ), восьмым—Хисаэси (старший сын Хисатака).

Такая система единоличного наследования звания патриарха называется «исси содэн»—система «наследования одним сыном». Сокэ назначался предыдущим верховным мастером и обладал в школе непререкаемым авторитетом, потому что считался единственным восприемником сокровеннейших секретов школы (хидэн), наделяющих его едва ли не сверхъестественным могуществом. Система исси содэн, с одной стороны, обеспечивала сохранение знаний школы, а с другой—права

семьи Такэноути в ее фамильном бизнесе под названием «Такэноути-рю».

Однако у этой системы имелся весьма серьезный изъян: ограничивая выбор кандидатов на место главы школы только членами семьи Такэноути, она порой ставила школу на грань кончины. Многие члены семьи Такэноути, достигнув определенного мастерства в боевом искусстве, отправлялись в воинские странствия муся сюгё. Некоторые из них погибали в поединках, другие умирали от болезней. Трудно даже представить себе, насколько сложно было в таких условиях сохранить жизнь потомка рода и обеспечить передачу ему наследия школы.

Проблемы начались уже с выбором 4-го патриарха. Старший сын Хисаэси и законный претендент на звание сокэ Такэноути Хисакацу возглавил додзё в приамковом городе Цуяма и покинул главный центр школы в Цуисидани, поэтому Хисаэси пришлось объявить новым патриархом его младшего брата Хисацугу—своего второго сына.

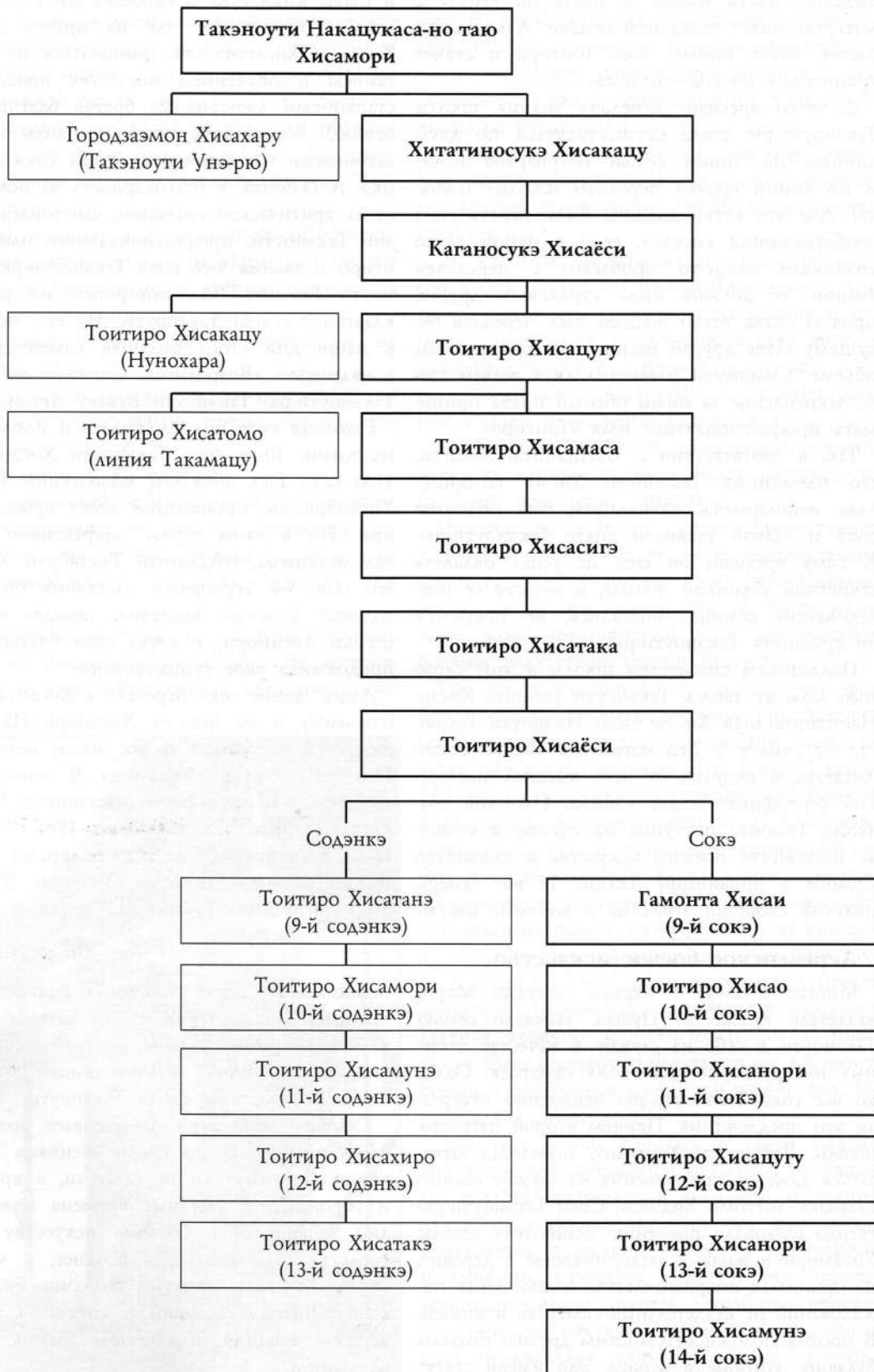
В 5-м колене ситуация усугубилась еще больше. Два старших сына Хисацугу умерли от болезней во время муся сюгё, а третий постригся в буддийские монахи—так тяжело ударило по нему известие о кончине братьев. Четвертый сын Хисацугу, Хисаэси, умер в молодости, и только пятый, Хисамаса, смог унаследовать звание сокэ.

То же случилось и в 7-м колене, когда патриархом после раннего ухода из жизни двух старших братьев стал третий сын 6-го патриарха Хисатака.

Поистине критическая ситуация в истории Такэноути-рю сложилась с передачей звания сокэ от 8-го патриарха девятому. В 1836 г. в возрасте всего 47 лет ушел из жизни 8-й патриарх школы Хисаэси. Профессиональное имя Тоитиро он проносил только одиннадцать лет. У Хисаэси был сын Хисатанэ, но ему было всего лишь семь лет, и он явно не мог занять место сокэ.

Перед умирающим Хисаэси встала трудная задача: найти такой механизм сохранения знания школы Такэноути-рю, который обеспечил бы ее выживание и наследование сыном, когда он подрастет. На смертном одре Хисаэси завещал: «Повелеваю объявить наследником школы моего племянника Хисао (*сына его бра-*

Генеалогическое древо школы Такэноути-рю

та Хисамото—А.Г.), а моему сыну Хисатанэ выделить часть земель, и пусть он вместе с матерью живет отдельной семьей. А когда вырастет, пусть примет имя Тоитиро и станет хранителем школы—содэнкэ».

С этого времени передача знания школы Такэноути-рю стала осуществляться по двум линиям—по линии семьи патриархов (сокэ) и по линии «семьи передачи школы» (содэнкэ). Две эти ветви должны были играть роль сообщающихся сосудов: если в одной ветви возникали какие-то проблемы с передачей знания, ее должна была страховать другая, причем глава ветви должен был передать будущему главе другой знание школы в полном объеме. Символом равенства двух ветвей стало закрепление за ними обеими права принимать профессиональное имя «Тоитиро».

Так, в соответствии с завещанием Хисаэси, его племянник Такэноути Хисао, которому едва исполнилось пятнадцать, был объявлен сокэ и главой главного додзэ Такэноути-рю. К тому времени он еще не успел овладеть секретной техникой школы, и многие ее последователи резонно опасались, не прервется ли традиция Такэноути-рю.

Подлинным спасителем школы в этот сложный момент явился Такэноути Гамонта Хисаи. Настоящее имя Хисаи было Икэноути Гамонта, он учился у 7-го патриарха Такэноути-рю Хисатака и получил от него высший мастерский сертификат мэнкэ кайдэн. Окончив обучение, Гамонта поступил на службу в качестве наставника боевого искусства в княжество Сумото в провинции Авадзи. И вот теперь, получив скорбное известие о кончине настав-

ника Хисаэси, он испросил разрешение отца и главы княжества и переехал жить в главное додзэ Такэноути-рю, где на правах опекуна Хисао и Хисатанэ стал заниматься их воспитанием и обучением искусству школы. Его стараниями двоюродные братья благополучно освоили все разделы техники школы и стали законными наследниками ветвей сокэ и содэнкэ. А Гамонта, в благодарность за помощь в столь критической ситуации, удостоился фамилии Такэноути, профессионального имени Тоитиро и звания 9-го сокэ Такэноути-рю. Такэноути Гамонта был похоронен на родовом кладбище семьи Такэноути. На его могиле и в наши дни стоит большая каменная стела с надписью: «Возродитель (токо-но со) школы Такэноути-рю Такэноути Букёку Хисаи».

Похожая ситуация сложилась и после ухода из жизни 10-го сокэ Такэноути Хисао, когда 11-м сокэ был объявлен малолетний Тоитиро Хисанори, не прошедший всего курса обучения. Но в этом случае эффективно сработал механизм, созданный Такэноути Хисаэси: его сын, 9-й верховный наставник по линии содэнкэ Тоитиро Хисатанэ, передал секреты школы Хисанори, и ветвь сокэ благополучно продолжила свое существование.

Далее звание сокэ перешло к Хисацугу (12-й патриарх), а от него—к Хисанори (13-й патриарх). В настоящее время школу возглавляет 14-й сокэ Тоитиро Хисамунэ. В семье содэнкэ после 9-го верховного наставника Тоитиро Хисатанэ 10-м стал Хисамори, 11-м—Хисатэру, 12-м—Хисахиро. В настоящее время главой линии содэнкэ является Тоитиро Хисатакэ (настоящее имя—Такэноути Такэо).

Деревенское боевое искусство

Многие князья, в первую очередь Мори, владельцы княжества Цуяма, зазывали семью Такэноути к себе на службу в качестве штатных инструкторов для своих самураев. Однако все сокэ Такэноути-рю неизменно отвергали эти предложения. Причем второй патриарх школы, Такэноути Хисакацу, осмелился отказаться даже от приглашения на службу самого кампаку Тоётоми Хидэёси. Сокэ Такэноути-рю твердо следовали поучению основателя школы Хисамори и жили в затворничестве в деревне, не принимая покровительства и земельных пожалований от владетельных самураев и князей. В противоположность многим другим школам будзюцу, которые в период Эдо имели статус

официальных школ различных княжеств, отобранных для обучения их вассалов, и пользовались покровительством самурайского сословия, единственной хранительницей традиции Такэноути-рю была семья Такэноути.

Особого внимания заслуживает тот факт, что с самого начала среди учеников Такэноути-рю преобладали не самураи, а крестьяне и горожане. В смутные времена и простой люд обращался к боевому искусству как к средству самозащиты, а позднее, в мирную эпоху Токугава, занятия будзюцу были для людей низких сословий и способом самосовершенствования, и образом жизни, и развлечением.

Принадлежность к школе даже в токугавскую эпоху с ее жесткой сословной системой позволяла в рамках школы преодолевать межсословные барьеры. В додзё Такэноути-рю отношения между учениками строились на равноправной основе, и бывало так, что старшие ученики (ани дэси) из крестьян обучали младших учеников (отото дэси) из самураев. Это, помимо прочего, способствовало сплочению школы.

Духом равноправия и равной ответственности учеников пронизаны «Правила» школы (окитэ), разработанные ее вторым патриархом Такэноути Хисакацу. Они гласят:

1. Выполняй приказы наставника и не смей ослушаться его.

2. Соблюдай законы и установления, не критикуй и не оскорбляй представителей других школ.

3. Не спорь и не ссорься.

4. Не проявляй небрежения в тренировках.

5. Начинающие не должны обсуждать, работают ли стандартные формы (ката) и умения (дзюцу), или нет, а должны серьезно тренироваться.

6. Старшие ученики не должны забывать «сознания начинающего» (сёсин). Не допускается проявлять небрежение в обучении начинающих.

7. Начинающие и старшие ученики должны вести себя одинаково.

8. В додзё ученикам запрещается обсуждать, кто из них достиг большего мастерства, а кто — меньшего. Запрещается спорить и злословить по поводу перевешивания дощечек [с именами учеников] с места на место.

9. Запрещается упоминать имя наставника всуе. Запрещаются поединки с представителями других школ (тарю дзидэй) и испытания ката школы.

10. Ученики должны надлежащим образом соблюдать этикет по отношению друг к другу, поддерживать дружеские отношения и помогать друг другу, поддерживать друг друга в совершенствовании в боевом искусстве.

11. Закончив с расчетами за занятия, ученик обязан немедленно удалиться.

12. Каждому, кто хоть в малейшей степени нарушит данные правила, будет настрого запрещено посещение занятий».

Нахождение главного додзё Такэноути-рю в деревне и большое число ее приверженцев среди крестьян наложили столь неизгладимый отпечаток на эту школу, что ее часто называют даже крестьянским, или деревенским, боевым искусством (носон будзюцу).

Так, все постройки додзё Такэноути-рю, разбросанные по разным деревням, представляют собой типичные крестьянские амбары. Если площадь зала додзё составляет 2 на 3 кэн (1 кэн — 1,81 м), то он считается просторным! Встречаются додзё и меньшей площади. Невелик даже главный зал школы — типичный деревенский амбар, крытый соломой! Когда в нем проходят тренировки в фехтовании на алебардах-нагината или длинных палках, одновременно на площадке могут находиться всего две пары. Пол додзё в лучшем случае дощатый, чаще он просто земляной. Причин такого состояния несколько. Главная, конечно, экономическая: школа никогда не была достаточно богата, чтобы выстроить большое просторное здание для тренировок. Но работали и другие соображения.

Для того чтобы работать в такой маленькой комнате с древковым оружием, необходимо владеть специальной техникой и пройти длительную подготовку. Тот же, кто может управляться с палкой только в просторном помещении, считается недостаточно хорошо усвоившим науку школы. Отработка бросков дзюдзюцу на жестком, не застеленном татами полу предъявляет особенно высокие требова-

Главное додзё школы Такэноути-рю

ния к овладению техникой самостраховки. После должной тренировки ученик школы может тренироваться и, что особенно важно, сражаться уже практически в любом месте, на любой поверхности, на улице и в поме-

щении, ведь возможность выбрать место для боя есть не всегда. А посему ученик школы должен быть достаточно гибким, адаптированным к любым условиям.

Такэноути-рю как религиозная организация

Школу Такэноути-рю можно рассматривать и как религиозную организацию с собственным культом, обрядами, религиозной практикой.

Главным обрядом школы является Рюсо-сай—«Праздник основателя школы». Он отмечается в 24-й день 6-й месяца по лунному календарю—в тот самый день, когда основателю школы (рюсо) явился великий бог Атаго и передал ему «божественное знание» боевого искусства. В этот день последователи Такэноути-рю проводят обряды в честь божества Атаго и особого внутришкольного божества Мияцукаса такэ-ооками—Великого воинского бога, повелевающего священными стрелами, которое почитается как «священное божественное тело» (госинтай) основателя школы Такэноути Хисамори.

На праздник Рюсо-сай собираются не только ученики Такэноути-рю, но и обычные крестьяне—жители окрестностей. Это связано с той особой ролью, которую школа играла в сельской общине в старину. Считалось, что мастера школы, прошедшие суровую тренировку и особую аскетическую практику в святых местах, обладают способностью входить в контакт с богами и владеют чудотворной силой (хорики), обеспечивающей им покровительство богов. По просьбе соседей они проводили ритуалы «умиротворения духа» (дзёрэй), «призывания духа» (корэй), занимались гаданиями (уранай), «вселяли» духов в шаманок для получения от них необходимых сведений (такусэн). Еще в первой половине XX века, как рассказывают, в день Рюсо-сай проводились ритуалы изгнания духов из бесноватых (цукимоноотоси). Неудивительно, что выполнявшая в сельской

общине столь важные религиозные функции семья Такэноути пользовалась большим уважением соседей и благополучно дожила до наших дней.

Что касается аскетической практики, которая, как считается, совершенно необходима для приобретения описанных необычайных способностей, то еще со времен основателя школы Такэноути Хисамори ее прохождение является обязательным для претендентов на мастерский «сертификат о полной передаче школы» (мэнкё кайдэн).

Кандидаты уединяются для аскезы в святом для Такэноути-рю месте, которое называется Хинокигасэ. Это глубокое ущелье в горах, расположенное на высоте 700 метров над уровнем моря. Там находится святилище Аками-дзиндзя, посвященное божествам Аками и Атаго.

В Хинокигасэ из поколения в поколение адепты Такэноути-рю проходят нангё и кугё. Нангё—«тяжелая аскеза»—заключается в отказе от пищи, приготовленной на огне, во время 21-дневного затворничества в горах для беспрестанных тренировок в боевом искусстве, сидячей медитации дзадзэн и специальных дыхательных упражнений кияйдзюцу, направленных на установление контроля над «внутренней энергией» ки (она же жизненная сила). Кугё—«мучительная аскеза», полный семидневный пост, когда ученик принимает только воду, но ничего не ест и постоянно упражняется в боевых приемах. Рассказывают, что многие ученики школы во время этих аскетических упражнений переживают мистические опыты: кто-то слышит голоса, читающие священные сутры, а кому-то глубокой ночью являются старцы...

* * *

Такэноути-рю—одна из наиболее ярких и представительных школ японской традиции боевых искусств. Неслучайно в ее истории, словно в зеркале, отразились все основные этапы развития будзюцу в период с XVI по XIX вв. Обладая удивительным богатством ценнейших знаний в области искусства боя, медицины, психологии, педагогики, играя огромную роль в жизни сельской общины, школа Такэноути-рю предстает как масштабное культурное явление, воплощающее многие характерные черты японской традиционной культуры.

Алексей Горбылёв

Кэйкодзё

Место, где проходят занятия японскими боевыми искусствами, в настоящее время обычно называют «додзё» — «место постижения Пути». Однако это свое значение слово «додзё» приобрело сравнительно недавно. Изначально же «додзё» называли место, где буддийские монахи совершали свои ритуалы, занимались медитацией, читали сутры и т.д. Именно в этом значении это слово использовано в таких старинных текстах, как «Фусо рьяки» («Краткая история Японии», кон. XI — начало XII в.) и «Цурэдзурэгуса» («Записки от скуки», XIV в.).

Более-менее обычным обозначением места занятий будзюцу слово «додзё» стало только в эпоху Эдо (1603-1867), да и то ближе к ее концу. Гораздо чаще в том же значении употреблялось слово «кэйкодзё» — «место тренировки», наряду с которым имели хождение и такие слова, как «эмбудзё» — «место практики боевого искусства», «синандзё» — «место получения наставлений [в боевом искусстве]» — и «букан» — «дворец боевого искусства».

Вопреки расхожему мнению, что овладение боевыми искусствами исстари происходило в специальных «местах постижения Пути», исторические данные свидетельствуют, что первые специализированные сооружения или площадки для проведения занятий по будзюцу появились лишь в XVI в.

На «Старой карте горы Касуга-яма провинции Этиго» («Этиго Касуга-яма кюдзу»), в деталях запечатлевшей владения знаменитого даймё Уэсуги Кэнсин, обозначен специальный полигон, где проходили подготовку воины князя. На нем имелись тэкидзё — «мишенный полигон» для стрельбы из лука, бадзё — «манеж для верховой езды», тэпподзё — «полигон для стрельбы из мушкета» и пять кэйкодзё. Полагают, что в этих кэйкодзё велось обучение воинов обращению с мечами, алебардами, копьями и прочим холодным оружием. Что они собой представляли, неясно, вполне возможно, что это были не специальные здания, а просто огороженные площадки безо всяких крыш, и фактически

обучение велось в условиях, как говорят, «приближенных к боевым».

С наступлением мирной эпохи Эдо боевые искусства постепенно перестали рассматриваться лишь как средства отправления в лучший мир себе подобных. Все больше наставников задумывалось о глубинной сущности будзюцу, о воспитании посредством их практики.

С другой стороны, с прекращением войн эффективности в рукопашном бою стали уделять гораздо меньше внимания, и теперь лишь отдельные «динозавры», «пережитки» эпохи Сэнгоку — Воюющих княжеств (1467-1573) — продолжали настаивать на проведении «полевых учений». В результате боевые искусства постепенно переместились «с улицы» в специальные здания, где можно было проводить тренировки «и в дождь, и в снег».

«Затворничеству» боевых искусств в стенах кэйкодзё способствовало быстрое развитие института школ — рюха. Школы кодифицировали свои арсеналы приемов, методы тренировки, засекречивали особенно эффективные элементы и способы психической регуляции. Девизом всех рюха этого периода становятся слова «Монгай фусюцу!» — «За ворота не выносить!» Отныне частные кэйкодзё становятся закрытыми заведениями, куда не допускаются даже близкие родственники тренирующихся, не являющиеся членами школы. Приемы никогда не демонстрируются для посторонних. Письменные наставления объявляются священными и не подлежащими оглашению.

Наряду с частными кэйкодзё в крупных княжествах со второй половины XVII в. начинают создаваться ханко — «княжеские школы», предназначенные для обучения вассалов князей. Размещавшиеся на их территориях специальные помещения и полигоны для обучения будзюцу обычно назывались букан — «дворцы воинского искусства» (в противоположность бункан — «домам письменной культуры», где проводилось обучение письменности, математике, литературе и этике; двойная структура

букан-бункан отражала общепринятую в то время концепцию параллельного совершенствования в военных и гражданских науках и искусствах, известную как бунбу-рёдо—«военное и гражданское—два [неразрывно связанных] Пути»).

Познакомимся с некоторыми конкретными примерами частных и официальных княжеских кэйкодзё.

Частные кэйкодзё

Принцип «монгай фусюцу» сказался даже на архитектуре старинных частных кэйкодзё: окна в них прорезались очень высоко, чтобы никто из посторонних не смог заглянуть снаружи внутрь. Считается, что первый зал такого рода устроил наставник школы фехтования мечом Эммэй-рю из княжества Хирано Нарита Киёцура, который в 1665 г. убрал доски пола в гостиной собственного дома и устроил там площадку для тренировок.

Изображения кэйкодзё нередко встречаются на картинах жанра укиё и в иллюстрированных книгах периода Кансэй (1789-1801). Судя по ним, залы будуюцу сильно различались между собой. В одних полы были деревянные, в других—покрытые татами. В то же время некоторые школы продолжали заниматься на улице—во дворе усадьбы на площадке перед энгава—деревянной верандой, идущей вдоль дома.

Кэйкодзё школы дзюдзюцу Асаяма итидэн-рю в северном княжестве Сэндай представляло со-

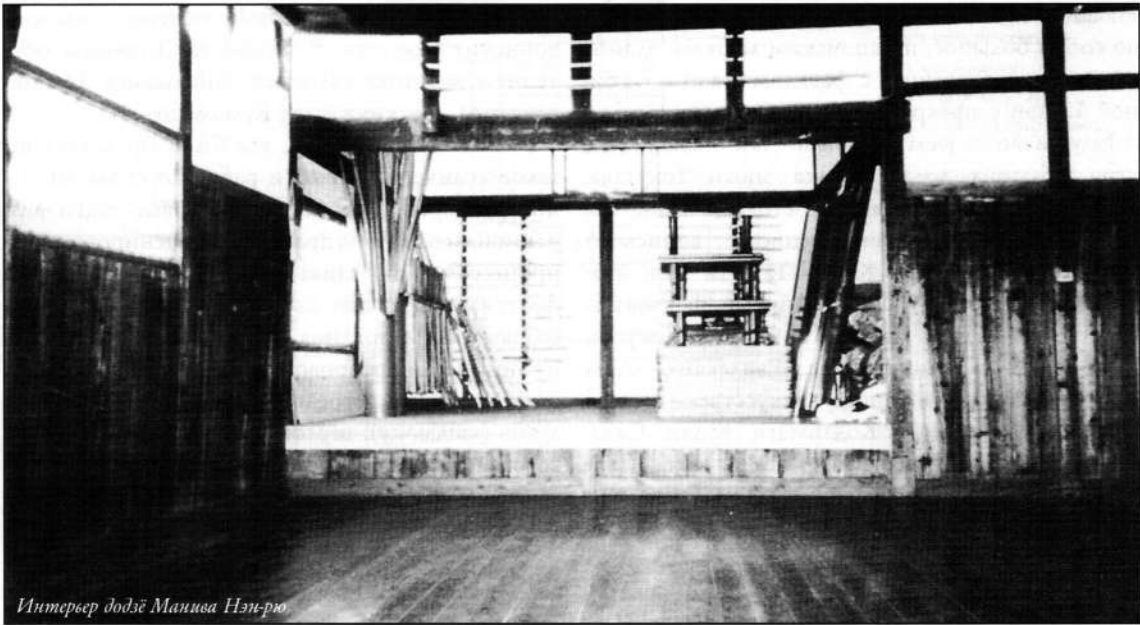
бой квадратную комнату размером 3,6 на 3,6 м. Пол в ней был твердый, выполненный из смеси красной глины с солью. При проведении борцовских тренировок на него стелили толстые маты из соломы, называвшиеся «нэко»—«кошки». После окончания занятия нэко скатывали трубой и ставили к стене. Подобные залы сохранялись во многих местечках севера Хонсю вплоть до 20-х гг. прошлого века.

Кэйкодзё школы фехтования длинным мечом нодати Дзигэн-рю княжества Сацума представляло собой участок под открытым небом размером 15×9 кэн (1 кэн = 1,81 м), окруженный оградой и засыпанный речным песком. Ограда была устроена предельно примитивно: по периметру на равном расстоянии друг от друга в землю парами врывали бревна высотой в 3 сяку (1 сяку = 30,3 см), промежутки между бревнами заполняли тонкими кругляками, которые клали друг на друга (всего было 30 слоев), так получалась стена.

Знаменитое ныне додзё школы фехтования Манива Нэн-рю в провинции Кодзукэ, называвшееся «Косикан»—«Дом становления воинами»,—было построено в 1867 г. В 1956 г. оно было признано объектом исторического значения префектуры Гумма. Это крытый черепицей одноэтажный дом общей площадью 52 цубо (1 цубо = 36 кв. сяку = 3,3 кв. м). Все помещения в нем расположены в один ряд. Если идти с востока на запад, то комнаты расположены так: самая крайняя—комната с земляным полом (ширина стены—3 кэн), далее

Додзё Манива Нэн-рю

Интерьер додзё Манива Нэн-рю

ворота, комната с деревянным полом, использовавшаяся как додзё (3×5,5 кэн). Замыкает ряд комната с приподнятым деревянным настилом. Потолок в этом здании по японским меркам очень высок, чтобы можно было тренироваться даже с алебардами. В додзё имеются три мусямадо—«воинских окошка»,—ведущих на чердак. Они использовались для освещения помещений, а также для того, чтобы «смыться» через чердак, если вдруг нагрянут враги.

По аналогичной схеме построено и додзё «Ёбукав»—«Дом сиятельного боевого искусства»—школы Когэн Итто-рю в городе Тибу.

Еще одно известное додзё—зал школы Такэноути-рю в провинции Мимасака, построенный третьим патриархом Такэноути Каганосукэ Хисаёси. Это кэйкодзё, заложенное еще в XVII в., многократно перестраивалось, однако его основные элементы сохранились до наших дней в первоизданном виде. Прямо у входа расположена комната с земляным полом—прихожая. Прямо за нею—комната ожидания площадью в четыре татами, застеленная матами. А справа—собственно тренировочный зал размером 2×3 кэн с дощатым полом. Если заглянуть из комнаты ожидания в зал, в глаза сразу бросится домашняя божница—камидана—на фронтальной стене. По обеим сторонам от нее установлены стойки для боевых палок, алебард и другого тренировочного оружия. Это кэйкодзё считается очень необычным: в большинстве залов дзюдзюцу полы застелены татами,

а здесь пол деревянный—похоже, наставники Такэноути-рю добивались от своих учеников умения страховаться при падениях на любой поверхности.

В целом для первой половины эпохи Эдо для частных школ были типичны маленькие залы, с немногочисленными маленькими окошками, располагавшимися под самым потолком. В них царил полумрак и особая мистическая атмосфера, благодаря которой у ученика создавалось чувство приобщения к тайному и важному знанию.

Во второй половине эпохи Эдо с ростом популярности спортивных поединков на бамбуковых мечах, привлекавших в школы фехтования многочисленных учеников, появились залы гораздо большего размера и пышнее отделанные. Одним из самых знаменитых было додзё сэнсэя

План додзё Такэноути-рю

Наканиси из школы Итто-рю. Оно представляло собой большое, по японским меркам, здание с двухскатной крышей с фасадом 6 кэн и глубиной 12 кэн с прекрасным дощатым полом.

Ему мало в чем уступали так называемые «три больших додзё» конца эпохи Токугава, находившиеся в сёгунской столице Эдо: зал «Гэмбукан» — «Дом таинственного воинского искусства» — в районе Канда Тама-га икэ, владельцем которого был знаменитый фехтовальщик и основатель школы кэндзюцу Хокусин Итто-рю Тиба Сюссаку; зал «Рэнхёкан» — «Дом тренировки в военном искусстве» — школы Синто Мунэн-рю в Кодзимати Кудан Сакано уэ (хозяин — известный мастер меча Сайто Якуро); зал «Гакусикан» — «Дом обучения воинов» — школы фехтования Кёсин мёти-рю в Кёбаси Рикавагиси (хозяин — Мурай Харудзо).

Военное обучение в ханко

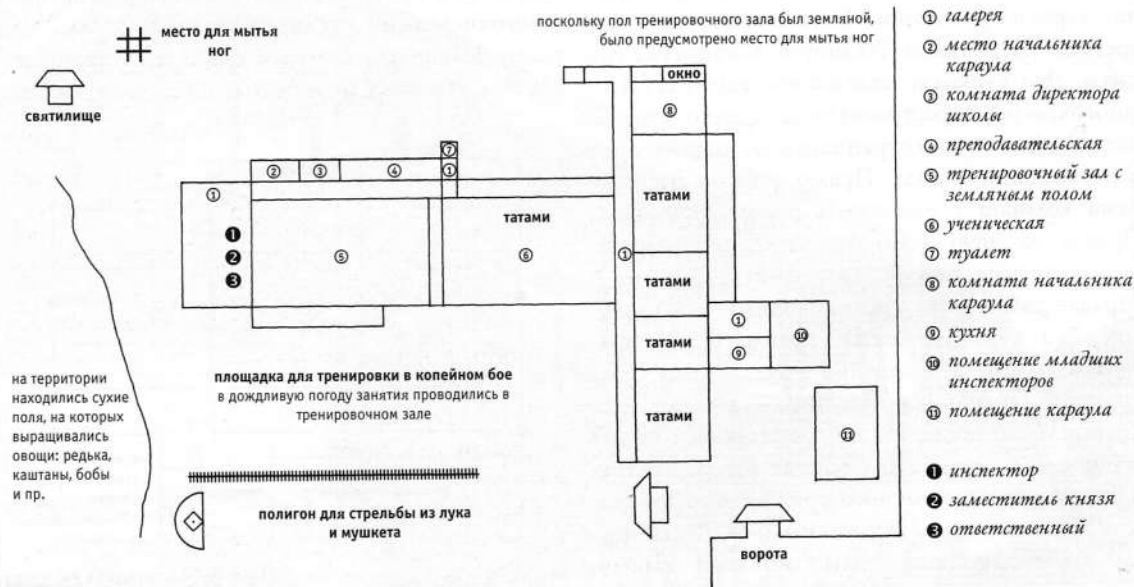
В княжеских школах условия обучения воинским искусствам также существенно различались — все зависело от состояния финансов княжества и взглядов на подготовку воинов его правителя. В целом по стране положение с обучением будзюцу было довольно-таки плачевным, но есть и примеры, действительно способные поразить воображение современного фаната. Так, в княжестве Мито официально преподавались 34 школы будзюцу! В княжестве Мороока — 22. Кстати сказать, из них до сегодняшнего дня дожили только две — Сёсё-рю и Мухэн-рю. Уже исходя из этого, можно пред-

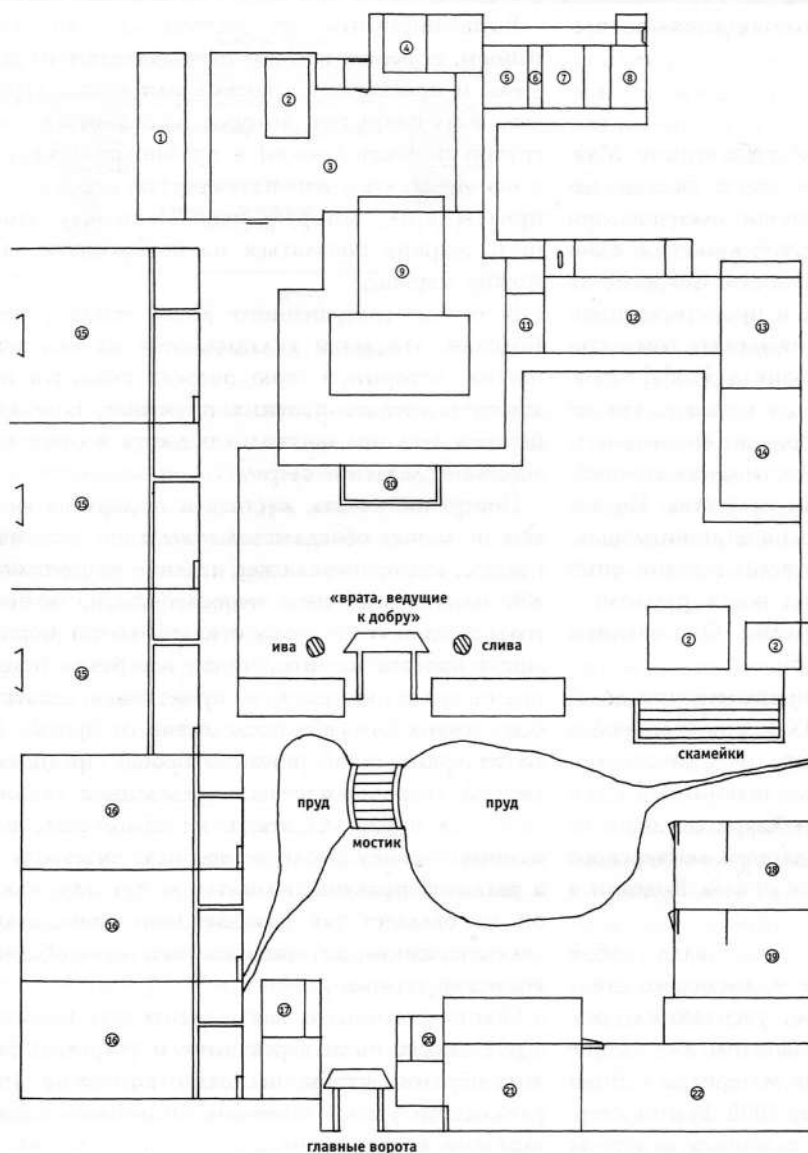
ставить, сколь велики были потери традиции воинских искусств. В княжестве Корияма обучением местных самураев занимались 32 инструктора, а в княжестве Кумамото — 81!

В княжеских школах, где было представлено такое количество школ и работало столь много инструкторов, уже делались первые шаги для рационализации управления тренировочным процессом. Так, занятия по борьбе дзюдзюцу, фехтованию мечом кэндзюцу, копейному бою содзюцу и фехтованию алебардой нагинатадзюцу попеременно проводились в одном помещении. А навыки стрельбы из ружей (ходзюцу), луков (кюдзюцу), верховой езды (бадзюцу), боевого плавания (суйэй) самураи отрабатывали на улице, на специальных полигонах и специально вырытых прудах.

В ряде случаев посещение «дворцов боевого искусства» было строго обязательным. Так, Садамото, восьмой правитель княжества Касама, придя к власти, расширил имевшийся в его владениях «Дом временного обучения» — «Дзисюкан», а для стимуляции занятий будзюцу специально построил «Дом преподавания воинского искусства» — «Кобукан» — и специальным указом повелел посещать эти заведения в обязательном порядке всем детям и младшим братьям самураев, не достигшим 23 лет. В «Кобукан» имелась специальная комната для переодевания и ожидания начала тренировки размером в 50 цубо (1 цубо = 3,3 кв. м), застеленная татами, и тренировочный зал с глиняным полом площадью в 27 цубо. В саду,

План школы «Кобукан» княжества Касама

- ① ученическое общежитие
- ② книгохранилище
- ③ платформа
- ④ общая комната
- ⑤ комната «начальника обучения»
- ⑥ стенной шкаф
- ⑦ профессорская
- ⑧ комната заведующего школой
- ⑨ лекционный зал
- ⑩ прихожая
- ⑪ питьевая вода
- ⑫ класс чтения
- ⑬ класс изучения текстов
- ⑭ класс математики
- ⑮ полигон для стрельбы из лука
- ⑯ зал ходьбюцу
- ⑰ караулка
- ⑱ зал дзюдзюцу
- ⑲ зал иай
- ⑳ помещение для отдыха караула
- ㉑ зал кэндзюцу
- ㉒ зал содзюцу

Школа «Риккёкан» в Сиракава Айдзу в провинции Дэва после перестройки 1806 г.

оказавшем здании, были устроены специальные места для занятий боем с копьем, стрельбы из лука и ружей.

В более богатых княжествах существовали и целые «воинские институты», где занятия всеми основными видами будзюцу проводились в особых помещениях. Таковым был знаменитый «Дом постановки обучения» — «Риккёкан», принадлежавший Мацудайра Саданобу, правителю княжества Сиракава в провинции Дэва.

Вероятно, время проведения тренировок в специальных «видовых» помещениях в «Риккёкан» было распланировано еще и по разным школам. О такой практике известно из документов по другим «княжеским школам». Например, в школе княжества Нихоммацу той же провинции Дэва право использования помещений тре-

нингового центра между различными школами было распланировано следующим образом:

«Хаясидзаки-рю кэн-дзюцу: 1-е, 10-е, 23-е числа месяца;

Кагэяма-рю иай-дзюцу: 2-е, 11-е, 24-е;

Ито-рю со-дзюцу: 3-е, 12-е, 25-е;

Ито-рю кэн-дзюцу: 4-е, 13-е, 26-е;

Коно-ха Итто-рю: 5-е, 14-е, 27-е;

Ходзоин-рю со-дзюцу: 6-е, 15-е, 28-е;

Ёсин-рю явара, кусаригама, нагината-дзюцу: 7-е, 16-е, 29-е числа месяца.

Помимо официальных «учебных заведений», князья иногда снабжали своих самураев еще и помещениями для самостоятельных занятий различными школами будзюцу (при этом каждой школе выделялось отдельное помещение). Примером такого «центра досуга» является зал

Суко-до—«Просторный зал почитания» во владении Цу.

Кодокан

Многое изменилось после реставрации Мэйдзи (1867 г.). Изменился и статус боевых искусств: утратив свое прикладное значение, они превратились в вид физической культуры, один из способов воспитания личности. Секретность обучения ушла в прошлое, и проектировщики додзё стали больше внимания уделять тому, чтобы создать наилучшие условия для эффективных занятий и обеспечить их гигиену. Что же касается архитектуры, то японские специалисты начали активно осваивать достижения европейской традиции этой отрасли искусства. Но вот в постройке додзё в этот период японцы шли, вероятно, впереди планеты всей: вековой опыт не пропал даром и получил новое развитие с применением новых технологий. О последнем аспекте хочется сказать особо.

Огромный шаг в развитии архитектуры додзё был сделан уже в конце XIX в. с постройкой в токийском районе Коисикава очередного здания Кодокана—школы дзюдо, основанной Кано Дзигоро. Англичанин Джон Харрисон, один из первых иностранцев—обладателей мастерского черного пояса по дзюдо, так описал Кодокан в Коисикава:

«Кодокан моих дней... представлял собой очень симпатичное здание в японском стиле с внушительным парадным, увенчанным резной деревянной аркой или навесом. Все здание было построено из того же материала и было возведено приблизительно за 1000 фунтов стерлингов или 10000 иен по тогдашнему курсу—за смехотворно маленькую, если судить по современным стандартам, сумму денег...

Интерьер Кодокана представляет собой род Сахары из матов цвета соломы, это особенно прочные татами, которые специально изготавливаются так, чтобы они могли выдерживать в течение возможно долгого времени беспрестанные удары от падающих тел, которые без конца обрушиваются на них.

Само по себе сообщение о том, что на полу Кодокана было расстелено около 250 таких татами, не много скажет обычному иностранному читателю; но если добавить, что приблизительные размеры одного японского мата такого типа равны 6-и футам в длину и 3-м—в ширину, он сможет получить гораздо лучшее представление обо всем просторе этого зала.

Вышеописанный мат состоит из токо, или основы, которую обычно изготавливают из соломы и прошивают в восемь или девять строчек, и из покрытия, которое изготавливают из грубой циновки (рюкю) и прочно пришивают к основе десятью или пятнадцатью строчками, причем нить, которую используют для этой цели, должна появляться на поверхности как можно меньше.

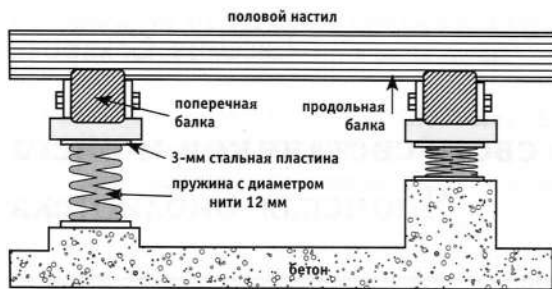
В случае совершенного додзё, такого, как Кодокан, эти маты укладываются на половой настил, который в свою очередь покоится на многочисленных стальных пружинах, благодаря чему весь пол ощутимо поддается в ответ на малейшее давление сверху.

Поверхность мата, жесткая и гладкая на вид, тем не менее, обладает замечательной эластичностью, и хотя неуклюжее падение на него может иметь следствием перелом кости, можно только удивляться тому, с какой силой борца могут бросать на него, но он все равно будет подниматься на ноги и продолжать схватку безо всяких для себя последствий от броска. В то же время такой результат броска предполагает со стороны жертвы определенное знание того, как нужно падать, и на самом деле ни одному ученику дзюдо не позволят участвовать в реальной практике на матах до тех пор, пока он не овладеет так называемыми «приемами самостраховки», которым соответствует общий японский термин укэми.

Стены этого додзё, как и стены всех вообще додзё дзюдо, были деревянные и устроены таким образом, чтобы, насколько возможно, убирать острые углы, с угловыми колоннами, спрятанными внутри стен.

Сразу за главным входом, который предназначался только для доктора Кано и других преподавателей—обладателей черных поясов—юданся, находилась просторная платформа в форме беседки, с которой доктор Кано имел обыкновение время от времени обращаться к ученикам. Его портрет висел в одном из углов, и правила школы категорически требовали, чтобы каждый член додзё при входе в зал и при выходе из него выразил свое почтение учителю перед этим портретом поклоном, опустившись, по японскому обычаю, на колени, положив руки на мат и коснувшись его лбом...

По обеим сторонам этого центрального возвышения имелись две меньшие платформы, одна из них предназначалась для случайных посетителей, иностранцев или японцев, которые

Рессорный пол в зале Кодокана

могли пожелать посмотреть на демонстрацию дзюдо, а вторая — для членов Кодокана степеней, позволявших носить черный пояс — от степени сёдан (первая степень) и выше. Как правило, на этом последнем возвышении изо дня в день можно было видеть группу экспертов во главе с тогдашним директором додзё, знаменитым Сакудзиро Ёкояма, которого — увь! — уже нет в живых, с вечными сигаретами в зубах, неизменно обсуждающих «успешные приемы».

Многочисленные же рядовые ученики должны были группироваться для общения в другом конце додзё, но для борьбы площадка, застеленная татами, была открыта для всех.

Набитый под завязку, тогдашний Кодокан позволял одновременно тренироваться сотне и даже более пар борцов».

Рессорный пол, гасящий удары при падениях, который упоминает Харрисон, заслуживает особого внимания. Для создания рессорного эффекта используются мощные стальные пружины, которые устанавливаются под поперечные балки, на которые настилаются продольные балки пола, через каждую пару метров, и принимают на себя всю нагрузку.

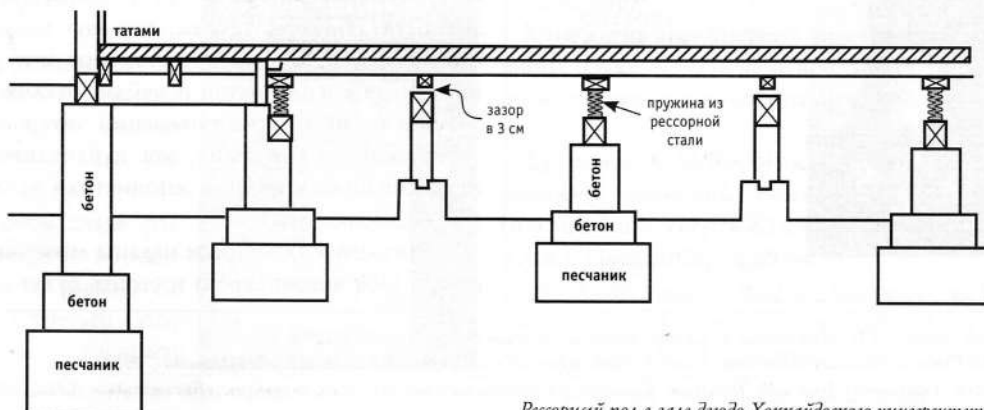
Существуют различные проекты рессорных полов, которые учитывают площадь «борцовского ковра», интенсивность занятий и т.д. Так,

при проектировании зала Кодокан, архитектор Нисимура Ёситоки использовал 2 вида мощных пружин, которые попеременно устанавливались через каждые 86 сантиметров. Пружины типа А при нагрузке в 80 килограммов сжимаются на 2 сантиметра, а пружины типа В при нагрузке в 160 килограммов сжимаются на 1 сантиметр. Использование пружин различной высоты и упругости позволяет амортизировать любую нагрузку на пол. Статическая нагрузка целиком поглощается пружинами А, а при добавлении динамической нагрузки удар компенсируется теми же пружинами А, но уже с некоторой помощью пружин В. Предназначение последних — оказание помощи пружинам А при особой нагрузке и гашение остаточных колебаний поверхности пола, вызванных колебаниями пружин А.

Рессорный пол — вещь очень полезная, но в связи с тем, что при сильном сотрясении в одной части пола он весь начинает качаться, мешая тренировке, для устранения этого явления требуется использовать дополнительные устройства. Так, в додзё Кодокан для предотвращения передачи колебаний пола из одной его части на всю площадь поперечные балки пола распилены на множество частей. Отдельные части поперечных балок соединены друг с другом тонкими стальными пластинами, что делает их гибкими.

Несколько иная конструкция пола в зале дзюдо в Хоккайдоском университете. Там тоже через каждые 1,8 метра были установлены пружины, но, как показано на схеме, посередине между ними были размещены опорные столбы, между верхушками которых и нижней стороной пола был оставлен зазор в 3 сантиметра.

Увь, для наших дзюдоистов и самбистов рессорный пол до сих пор остается вещью неслышанной и невиданной...

Рессорный пол в зале дзюдо Хоккайдоского университета

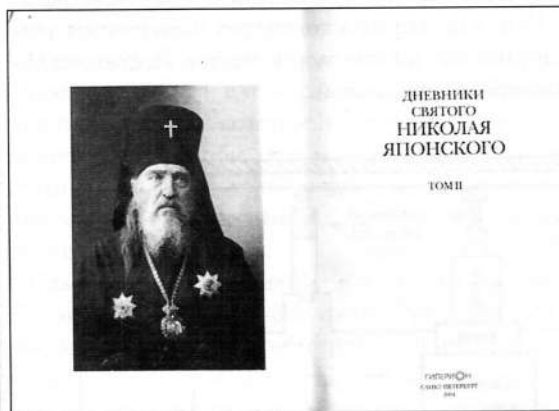
При свете светлячков и снега Японская библиотека

Со времени выхода прошлого номера журнала появились две исследовательские монографии, многотомное издание важнейшего источника по истории православия в Японии и две книги художественной прозы XX века. Некоторые из этих книг еще не добрались до московских книжных прилавков, а некоторые, видимо, так никогда и не появятся на них. Но обо всем по порядку.

Дневники Святого Николая Японского. Тт. I-V. «Гиперион», СПб., 2004.

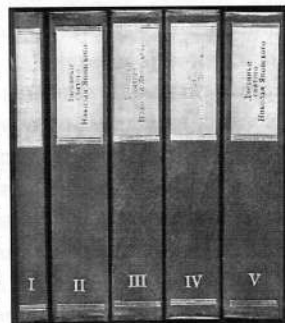

Полное издание дневников Николая Японского (Иван Дмитриевич Касаткин, 1836-1912)¹, основателя православной миссии в Японии, публикуется впервые. Хотя часть дневников была издана в Японии², для русскоязычного читателя она оставалась практически недоступной. Более-менее массовым тиражом (5 тыс. экземпляров) были изданы лишь выдержки

из дневников Николая³, но это лишь ничтожная часть сохранившихся дневников.

Настоящее издание состоит из пяти томов и содержит дневниковые записи за период с 1870 по 1912 гг., т.е. более чем за 40 лет — с момента основания

миссии и до самой смерти Николая Японского. Первый том предваряется вступительной статьей о деятельности Николая, написанной Накамура Кэнносукэ, русистом, чрезвычайно много сделавшим для того, чтобы эта публикация состоялась. Каждый из пяти томов снабжен именованным и географическим указателем, что значительно облегчает работу с текстом. Научных комментариев к тексту нет, но следует учитывать, что для публикации дневников потребовалось провести огромную работу по дешифровке рукописей, содержащих многочисленные сокращения и не всегда написанных разборчиво. Комментирование же столь объемного и насыщенного историческими персонажами текста потребовало бы еще не одного года работы.

Дневники Николая Японского являются важнейшим источником не только по истории православия в Японии, но и по целому ряду более общих вопросов. А масштаб и сила притяжения личности Николая таковы, что его каждодневные мысли и заботы представляют интерес не только для специалистов и найдут отклик еще у очень и очень многих поколений читателей.

Вне всякого сомнения, эта публикация одна из важнейших в области японистики за последние несколько лет.

К сожалению, дневники изданы мизерным тиражом (500 экземпляров) и стоить будут доволь-

¹ См. о нем статью А.Н. Мецзякова в «Словаре японских религий» («Япония», № 4/2003).

² Дневники Святого Николая Японского. Сост. К. Накамура. «Издательство Хоккайдского университета», 1994.

³ Николай-до. Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников. «Библиополис», СПб., 2001. (см.: «Япония», № 2/2002).

но дорого. Но это тот самый случай, когда денег на книги жалеть не стоит ни в коем случае.

В серии «Японская классическая библиотека. XX век» того же издательства «Гиперион» вышла книга одного из крупнейших писателей XX века Дадзай Осаму.

Дадзай Осаму. Избранные произведения. «Гиперион», СПб., 2004.

Это вторая книга Дадзай Осаму (1909-1948) на русском языке⁴. В нее вошли как уже издававшиеся произведения, так и целый ряд новых для русскоязычного читателя: повесть «Закатное солнце» (1947), написанная Дадзаем в конце жизни, и более десяти рассказов. Среди авторов новых пе-

реводов, наряду с хорошо известными именами Т. Соколовой-Делюсиной, Д. Рогозина, А. Фесюна и других, появились имена представителей нового поколения. Что ныне большая редкость, поскольку заработать на жизнь литературными переводами практически невозможно.

Так что эта книга радует вдвойне — новой встречей с по-осеннему пронзительной и глубокой прозой Дадзая и удачными дебютами молодых переводчиков.

Гарри И.Е. Дзэн-буддийское мирозерцание Эйхэй Догэна. «Восточная литература», М., 2003.

Эта книга — первое в отечественной историографии специальное исследование об основателе дзэнской школы Сото Догэне (1200-1253) и его учении.

В первой главе рассматривается жизненный путь Догэна. Во второй и третьей автор стремится раскрыть

суть учения Догэна, исходя из его основного труда «Сёбо гэндзо» («Драгоценная зеница истинной дхармы»)». При этом используется не вполне традиционная методология — суть учения автор представил в виде наглядного графика-рисунка, пытаясь, таким образом, совместить «научный и дзэнский (интуитивный) подход» (с. 91). Такой метод кажется неоправданным, ибо предполагает, что читатель, следуя за автором, сможет одновременно взглянуть на учение Догэна и снаружи, и как бы изнутри, что вряд ли возможно.

Важной частью исследования является комментированный перевод новых текстов, вынесенных в приложение. Как и многие японские монахи, Догэн ездил учиться в Китай, где два года пробыл учеником выдающегося наставника Чань (яп. Дзэн) Тяньтун Жуцзина (1162-1227). Тексты новых переводов имеют непосредственное отношение к китайскому наставнику Догэна. Читатели могут познакомиться с документом, удостоверяющим преемствование Догэном учения китайского патриарха школы Цаодун (яп. Сото) Жуцзина, скрепленным личной печатью последнего. Другой интереснейший текст — «Хокё-ки» («Записи годов драгоценной радости») — представляет собой запись бесед Догэна с Жуцзином в форме вопросов-ответов и наставлений. Текст был найден в келье Догэна после его смерти и бережно переписан (автограф Догэна до нас не дошел). Сам по себе текст (в полном согласии с дзэнской традицией) очень живой и эмоциональный. Помимо философских разъяснений он содержит и чисто практические советы. Например, Жуцзин рекомендует Догэну не медитировать на сквозняке, объясняет ему, как правильно надеть носки, находясь на помосте для медитаций, какие специи лучше не употреблять в пищу, когда практикуешь дзадзэн (сидячую медитацию).

Хотя автор и попытался не ограничивать себя чисто научной методологией, книга будет интересна прежде всего специалистам.

Дубровская М.Ю. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. — первая половина XX в.). Новосибирск, 2004.

Эту книгу, как и многие изданные не в Москве и не в Питере, вы не найдете на книжных прилавках. Я обнаружила ее в библиотеке

⁴ О первой книге см.: «Япония. Путь кисти и меча», № 1/2002, с. 62. Там же помещен краткий очерк о Дадзай Осаму.

⁵ Полный перевод этого текста, выполненный И.Е. Гарри, см. в: Буддийская философия в средневековой Японии. «Янус-К», Москва, 1998.

Информационного центра Посольства Японии (располагается в здании Библиотеки иностранной литературы). Ее тираж — 500 экземпляров — также не вселяет надежды на то, что книга найдет своего читателя.

Между тем речь в ней идет о чрезвычайно интересном явлении — возникновении профессии композитора в Японии нового времени. Дело в том, что сочинение музыки (причем музыки европейского типа) выделяется в отдельную профессию лишь в конце периода Мэйдзи (1868-1911), когда среди прочих многочисленных заимствований в японскую культуру активно внедряется европейская музыкальная традиция. Так что история профессионального композиторства в Японии насчитывает 100 лет или чуть более.

Автор исследует по преимуществу академическое музыкальное направление, хотя нигде и не оговаривает этого специально. Собственно, основная часть книги посвящена одному из крупнейших японских композиторов первой половины — середины XX столетия Ямада Косаку (1886-1965), на примере жизни и творчества которого автор и рассматривает становление композиторской традиции в Японии и ее характерные особенности.

Круг затронутых в книге проблем чрезвычайно широк и многие из них вполне «тянут» на отдельное монографическое исследование. Это и соотношение традиционных и европейских элементов в современной японской музыке, и история первого знакомства японцев с европейской музыкой, и влияние разных музыкальных традиций (в том числе, конечно, и русской) на складывание в Японии музыкальной традиции европейского типа и многое другое. При таком охвате избежать неточностей практически невозможно. Так, Яков Тихай, один из создателей церковного хора Православной миссии, назван на страницах книги Яковом «Чихай» (с. 51).

Но это издержки, связанные с тем, что изучение музыки — очень молодая отрасль отечественной японистики. В целом же остается только пожалеть, что первое монографическое исследование в этой области малодоступно широкому кругу читателей.

Кэндзи Маруяма. Сердцебиение. Сборник. Перевод с японского Григория Чхартишвили. «Иностранка», М., 2004.

В сборник вошли произведения известного современного писателя Маруяма Кэндзи, публиковавшиеся прежде только на страницах журнала «Иностранная литература».

Маруяма Кэндзи родился в 1943 г. в префектуре Нагано, в 1966 г. в возрасте 23 лет получил престижную литературную премию имени Акутагава за свой дебютный рассказ «Течение лета», включенный в только что вышедший сборник. В рассказе описываются несколько дней из жизни тюремного охранника, одной из обязанностей которого было приведение в исполнение смертного приговора. Два других рассказа, написанных в 1967 и 1986 гг., также затрагивают тему смерти. Рассказ «В снегах» повествует о маленьком Тадао, у которого умерла бабушка, и о том, какой увидели смерть этот малыш и его близкие. Необычайно поэтичный рассказ «Плач по луне» — история, рассказанная от первого лица так и не названного по имени героя. Всю свою жизнь он прожил в небольшой деревушке, и самыми главными в его жизни оказались детское впечатление от убийства отца девочки, в которую он был влюблен, юношеский роман с той же девушкой и любимый яблоневый сад.

Еще одно произведение, вошедшее в сборник, — повесть «Сердцебиение» (1982) — затрагивает социальную проблематику. В ней речь идет о молодом террористе, которому ассистирует неудачник средних лет. В Японии по мотивам этой повести снят кинофильм.

Среди нынешних переводов современной японской литературы очень много литературы «текущей» (что вовсе неплохо), однако мастерство и глубина Маруяма Кэндзи явно выводят его за рамки «текущей» литературы.

«ЯПОНИЯ. ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА»

Журнал «Япония» – ведущий научно-популярный японоведческий журнал России. Выходит с 2002 г. каждые 3 месяца. Объем журнала – 64 страницы формата А-4. Основные задачи журнала – ознакомление российской аудитории с историей, культурой, обычаями и повседневной жизнью Японии, оказание информационной помощи студентам японоведческих отделений востоковедных вузов. Основные темы – история и литература, религия и традиции, большое внимание уделяется боевым искусствам традиционной Японии. «Япония» – единственное в России издание, посвященное Японии, издающееся на российские, а не японские деньги. Это позволяет журналу откровенно обсуждать самые злободневные вопросы.

ВЫШЕДШИЕ ВЫПУСКИ «ЯПОНИИ» – ПОЧТОЙ!

«Японию» всегда можно заказать по почте в магазине «Будо-спорт». В настоящее время в наличии имеются № 1-4 за 2002 г., № 1-4 за 2003 г. и № 1-2 за 2004 г. журнала «Япония». Цена 1 экз. (с доставкой почтой) – 70 рублей (для оптовиков предусмотрены скидки).

Оплата производится почтовым переводом по адресу:

105062, МОСКВА, ул. Покровка, 41,
«БУДО-СПОРТ».

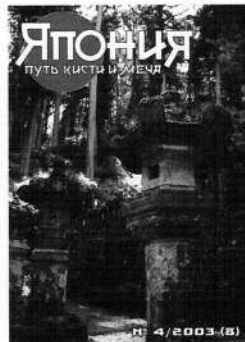
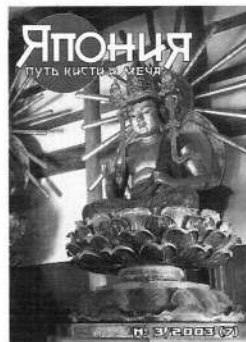
Иванову Андрею Леонидовичу

В талоне к почтовому переводу в графе «Для письменных сообщений» укажите, за что переводите деньги, точно и полностью напишите свой адрес.

Заказы высылаются только после получения денег!

ЯПОНИЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

Среди авторов журнала – ведущие российские японоведы, известные журналисты, японские русисты. Главный редактор журнала – Александр Николаевич Мещеряков, известный российский специалист по истории Древней Японии, доктор исторических наук, заместитель заведующего кафедрой истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки при МГУ им М.В. Ломоносова, автор многих монографий и статей на русском и иностранных языках.

Будо-Спорт
www.budo-sport.ru